

ПРАКТИ-
ЧЕСКИ
НОРМАЛЬНАЯ
ЖИЗНЬ

Война –
лишь половина битвы

book in style

Триш Доллер

Анна Ли

*Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления.
Просим Вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения.*

Спасибо.

Триш Доллер

Практически нормальная жизнь

Оригинальное название: "Something Like Normal" Trish Doller

Перевод: Анна Ailin Ли

Редактирование: Анна Ailin Ли, Elly

Русификация обложки: Альбина Анкудимова

Переведено для группы: http://vk.com/book_in_style

**Любое копирование без ссылки на переводчика и группу
ЗАПРЕЩЕНО!**

Аннотация:

Вернувшись домой после первой командировки в Афганистан, Трэвис обнаруживает своих родителей на грани развода. Брат увел у него девушку и машину. К тому же его мучают кошмары о смерти лучшего друга. Но только после случайной встречи с Харпер, с которой у Трэвиса были непростые отношения со времен средней школы, все начинает налаживаться. Они с Харпер видятся все чаще, и Трэвис постепенно пробирается через минное поле семейных проблем и посттравматического стресса к возможности вновь зажить практически нормальной жизнью.

Оглавление:

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

Глава 1

В противоположном конце зала ожидания я вижу нескольких ребят из школьного марширующего ансамбля, которые играют Гимн Морской пехоты, и пару мужчин (синие мундиры уже узковаты им в районе талии), выступающих в роли неофициальных знаменосцев. Господи, только не говорите, что мама наняла ансамбль.

В руках у мамы растяжной плакат, нарисованный в ярких чирлидерских тонах, с надписью: "ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ ДОМОЙ, ТРЭВИС!". К ее поясу привязаны ленты от чертовой тучи гелиевых шариков. И так паршиво, что мне пришлось вернуться в Форт-Майерс. Это еще хуже. Я не могу притвориться, будто этот чокнутый приветственный комитет предназначен для кого-то другого – кроме меня в самолете морпехов не было.

Плакат, смятый между нами, хрустит, когда мама обхватывает руками мою шею, поднявшись на носочки, чтобы дотянуться. Шарик опускается ниже, легко ударяется о мою макушку. В одном этом объятии заключена сила пропущенных полутора лет объятий, и у меня складывается ощущение, будь такая возможность, она бы больше никогда меня не отпустила.

– Слава Богу, ты дома, – шепчет мама мне в грудь; ее голос надламывается от слез. – Слава Богу, ты живой.

Я чувствую себя дерьмово. Отчасти – потому что не знаю, что сказать, но в основном – потому что жив.

– Я рад... – Ложь застревает в горле, и мне приходится начать снова: – Я рад вернуться.

Она обнимает меня слишком долго, проходящие мимо незнакомцы дотрагиваются до моей спины, рук, говорят: "Спасибо", "Добро

пожаловать домой", отчего мне становится дико некомфортно. Здравый смысл подсказывает, что эти люди в футболках университета Огайо и бейсболках Нью-Йорк Янкиз – всего лишь туристы. Обычные люди. Но я провел последние семь месяцев в стране, где враг смешивается с мирным населением, поэтому никогда не знаешь, кому доверять. Я в уязвимом положении, мне ненавистна мысль, что у меня нет автомата.

– Мне надо забрать свою сумку, – говорю я, чувствуя облегчение, когда мама меня отпускает. Она благодарит знаменосцев, обнимает нескольких девчонок из ансамбля, после чего мы идем к эскалатору, ведущему в зону выдачи багажа.

– Как долетел? Они вас кормили? Ты хочешь есть? Мы можем где-нибудь остановиться, пообедать, если ты голоден. – Мама говорит быстро, и слишком много, пытаюсь заполнить повисшую между нами тишину. Металлический женский голос сообщает местное время и погодные условия, чтобы туристы могли перестроиться. Мои часы до сих пор идут по часовому поясу Афганистана, хотя я вернулся в Штаты пару недель назад. Забыл перевести, наверно.

– Тебе всегда нравилась эта забегаловка "У Клэнси". Ты раньше любил их пастуший пирог, помнишь?

В груди вспыхивает ярость, мне хочется сорваться на нее. "У Клэнси" по-прежнему мой любимый ресторан; я не забыл, что люблю пастуший пирог. Только она предложила с благими намерениями, и я не хочу проявить неуважение, поэтому едва заметно улыбаюсь.

– Помню, но я не особо голоден. Устал.

– Папа тоже хотел тебя встретить, но у него важная встреча, – продолжает мама таким тоном, который заставляет меня задуматься – верит ли она сама в то, что говорит. Может, она имеет в виду чужого отца. – А Райан работает в центре Фольксваген до отъезда в колледж.

После окончания своей профессиональной футбольной карьеры, мой папа купил три автомобильных дилерских центра. Когда учился в школе, я должен был работать в центре Фольксваген бесплатно, чтобы иметь доступ к мастерской и запчастям для моей машины. Так как я стал сыном, не оправдавшим надежд, отец отказался платить мне зарплату. В результате пришлось устроиться в компанию, занимающуюся ландшафтным дизайном, за восемь баксов в час. Стоит ли удивляться, что он отдал реальную работу Райану.

– А Пэйдж... – не договорив, мама неодобрительно хмурится, поджав губы. Ей никогда не нравилась моя девушка... поправка – бывшая девушка. Маме кажется, что она выглядит дешево. Я думаю, Пэйдж место на обложке Максим в одном белье. Именно этим она меня привлекла изначально.

На дне моего вещмешка лежит единственное присланное ею письмо. Оно пришло в посылке с сигаретами, жевательным табаком и порно. Только Пэйдж могла смягчить удар от письма в духе "Дорогого Джона", прислав его вместе с вещами, которые мобилизованным морпехам нужнее всего.

Письмо было не очень длинное:

Трэв,

Думаю, перед возвращением домой тебе стоит знать, что я теперь с Райаном.

П.

Меня не удивило, что она порвала со мной так прямолинейно. Пэйдж никогда не страдала тактичностью. Она обычно озвучивает все свои мысли, даже если они обидные или злобные. Еще одна черта, которая мне в ней нравилась. Ну, это... и секс. Особенно после ссор. А ссорились мы часто. У меня до сих пор на щеке виден маленький шрам, оставшийся

после того, как Пэйдж запустила в меня пивной бутылкой, когда застукала целующимся с какой-то левой девчонкой на какой-то левой вечеринке. Мы постоянно друг другу изменяли. Такие отношения у нас с Пэйдж – безумные и ядовитые, но всегда чертовски крутые.

Записавшись в армию, я не питал надежд, что она будет сидеть дома и ждать меня. Я не носил ее фотографию в каске, как делали другие ребята с фотками своих жен и девушек. Всегда знал, что Пэйдж подцепит кого-то другого. Единственным сюрпризом стало то, что кем-то другим оказался мой брат.

Только вот в чем дело – мне, вообще-то, все равно.

То есть, да, я немного полюбопытствовал, почему Пэйдж заинтересовалась Райаном. Он не совсем в ее вкусе, что заставляет меня задуматься, а не пытается ли она манипулировать мной, или им. Меня такие игры не интересуют, тем более я в городе всего на тридцать дней. Райан может ее забирать.

Я не хотел возвращаться в Форт-Майерс, но мне больше некуда податься. С большим удовольствием остался бы со своими друзьями. Мне хочется быть с людьми, которые знают меня лучше всех.

Я хочу домой.

Как только мысль кристаллизуется у меня в сознании, опять чувствую себя виновато. Особенно рядом с мамой, стоящей позади меня у багажного конвейера с самой широченной улыбкой в истории улыбок, и тараторящей о том, как она рада, что я успел вернуться домой до отъезда Райана в колледж. Чтобы удержаться и не отвесить ехидный комментарий о том, насколько мне все это параллельно, оглядываю зал, обнимающиеся семьи, бизнесменов с сумками для ноутбуков через плечо. Среди кучки пассажиров, ожидающих багаж, замечаю темноволосого парня, одетого в камуфляж. Он стоит, прислонившись к опорной колонне. Похож на моего друга Чарли Суини. Мы подружились в

тренировочном лагере для новобранцев, потом нас отправили в Афганистан в одном взводе.

– Чарли? – Я делаю шаг в его сторону; странное ощущение радости заполняет грудь, словно пена во взболтанной бутылке газировки, потому что мой друг здесь, во Флориде, а это значит, что он не...

– Трэвис? – окликает мама. – С кем ты говоришь?

... умер.

Сводит живот, глаза обжигает от слез, которые так и не проливаются. Чарли не может оказаться в Форт-Майерс, потому что его убили в Афганистане, а я стою посреди оживленного отдела выдачи багажа, разговаривая вслух... с пустым местом. Все счастье ускользает, снова оставляя меня пустым.

– Ты в порядке? – Мама дотрагивается до моего рукава.

Я шумно выдыхаю, и вру:

– Да, в порядке.

– Поверить не могу, как ты изменился, – говорит она, опять меня обнимая. Я всегда был высоким, но за последний год вырос еще сантиметров на пять. К тому же раньше носил волосы длиной почти до плеч (мама постоянно ворчала, чтобы я подстригся). – Ты такой красавец.

Моя сумка вываливается на конвейер, и я с облегчением иду за ней, увиливая от беседы. Подхватив сумку, закидываю ее на плечо, подняв маленькое облако пыли вокруг себя. Афганистан последовал за мной до дома.

– С возвращением, морпех. – Ко мне подходит пожилой мужчина. Закатанные рукава его рубашки обнажают татуировку на предплечье в виде эмблемы корпуса морской пехоты: орел, глобус и морской якорь.

Что показывает мне – он принадлежит братству. – Semper Fi [Всегда верен].

– Всегда, сэр. – Пожимаю ему руку.

Мужчина похлопывает меня по локтю, затем отпускает.

– Благослови тебя Бог, сынок.

В машине мама болтает без умолку, в основном о школе. Она работает секретарем в моей старой школе, поэтому думает, будто ей известны все сплетни. Мне все равно кто с кем встречается, или кого из учителей уволят в следующем году, или что у футбольной команды выдался неудачный сезон, но если позволю ей говорить, то самому не придется.

Дом с момента моего отъезда ничуть не изменился, даже мамина керамическая лягушка, стоящая у парадных порожек, на месте. Мама хранит под ней запасные ключи на случай, если кто-нибудь забудет свои. Все мои друзья знают про этот ключ, однако пользовалась им только Пэйдж. Она приезжала посреди ночи и пробиралась ко мне в комнату. Интересно, с Райаном она теперь так же делает?

Мама провожает меня к моей спальне, словно я не помню дорогу. Открывает дверь. Как и в остальных частях дома, все выглядит так, будто время тут остановилось. Серая краска? На месте. Подходящий по цвету плед на кровати? На месте. Концертные постеры, беспорядочно расклеенные по стенам, чтобы скрыть сомнительную работу декоратора? На месте. Помятая фотография со мной и Пэйдж на выпускном, прикрепленная к углу зеркала? На месте. Даже книга, лежащая на прикроватной тумбочке, та же самая, которую я читал перед отъездом. От всего этого становится... жутко.

– Я ничего не меняла, – говорит мама, когда я бросаю сумку на пол. – Чтобы обстановка была привычная. Как дома.

Я не говорю ей, что совершенно не чувствую себя как дома. Беру фото, сминаю в кулаке и выбрасываю в мусорную корзину.

– Почему бы тебе не отдохнуть? – предлагает она. – Поспи. Я позову тебя, когда папа и Рай вернутся.

Когда она уходит, падаю на кровать. Это единственная вещь, которой я очень рад. Матрас мягкий, плед чистый – без подобной роскоши мне приходилось жить с момента отъезда в тренировочный лагерь для новобранцев. Вытягиваюсь, лежа на спине, закрываю глаза; мои сапоги свисают с края кровати. Я не могу улечься комфортно. Переворачиваюсь на бок, пробую снова. Потом на живот. Скидываю сапоги, поддев пятки носками. Наконец, хватаю подушку и ложусь на пол, утягивая одеяло с собой. Я спал на верхней койке скрипучей металлической двухъярусной кровати в казарме в Пэррис Айленд, в спальном мешке в Кэмп-Бастионе, пока мы ждали отправки на миссию – однажды в феврале температура упала настолько, что мне пришлось делить спальный мешок с Чарли. Учитывая все перечисленное, толстый ковер достаточно удобен, поэтому я быстро засыпаю.

Я иду по дороге в Марджа. Мы часто пересекали эту дорогу во время патрулирования. Чарли и я впереди, Мосс позади меня. Вокруг холодно, пусто и тихо, если не считать шороха наших подошв и отзвуков молитвы, которую мы слышим каждое утро. Скоро улица оживет, люди потянутся в мечеть, купаться в канале или на работу в поля. Хотя в данный момент никого не видно.

Волосы у меня на затылке встают дыбом, я знаю, что-то произойдет. Останавливаюсь, пытаюсь предупредить Мосса и Чарли, но из моего рта не выходит ни звука. Пытаюсь сигнализировать руками, но не могу их поднять. Хочу побежать назад, остановить парней, но ноги не двигаются, несмотря на все мои попытки. Я беспомощно смотрю, как Чарли наступает на нажимную крышку мины. Бум! Его поглощает облако пыли. Из бомбы, спрятанной у корней

дерева, вылетает шрапнель. Чарли падает на грязную дорогу, и не шевелится. Мои конечности размораживаются, я медленно подхожу к его телу. Мир сдвигается, и вот уже я лежу на спине, боль пронизывает меня, словно сам наступил на мину, а не Чарли. Открываю глаза, вижу над собой лицо. Афганский мальчик, которого я не раз встречал прежде, улыбается, пока его образ рассеивается.

Я подскакиваю, распахиваю глаза; тело в полной боевой готовности, однако мозг до сих пор находится на грани между сном и бодрствованием. Мама трясет меня. Мои руки сжимаются вокруг ее запястий до тех пор, пока она не вскрикивает от боли.

– Трэвис, перестань!

Мгновенно ее отпускаю и просто сижу, моргая; пульс зашкаливает. Я немного дрожу. Мама проводит ладонью по моему лбу, как делала, когда я был маленьким и меня лихорадило.

– Это всего лишь плохой сон. Забудь. Это не по-настоящему.

Я уже полностью проснулся и знаю, что она права. Это не по-настоящему. Данный кошмар – мозаика из моих худших страхов. Но мое воображение укутывает себя в это одеяло ужаса каждый раз, когда я засыпаю. Мне не удавалось проспать больше двух часов вот уже несколько недель.

Когда сердце замедляется до нормального ритма, вижу, как мама растирает запястья. Я мог сломать ей руки.

– Прости, что сделал тебе больно. Я не хотел.

– Все в порядке. – Она печально смотрит на меня. – Как бы я хотела избавить тебя от того, что тревожит твои сны.

Вот только прошлое не сотрешь. Я сам выбрал для себя такую жизнь.

У меня не было благородных причин записаться в морпехоту. Я сделал это не для того, чтобы защищать свободу Америки, меня не побудила террористическая атака 11 сентября. В то время я учился в средней школе, и для меня не существовало ничего важнее звонков, оповещающих о конце уроков.

Я поступил в армию в основном из-за желания сбежать от отца, который превращал мою жизнь в ад после моего ухода из футбольной команды в конце десятого класса.

Я ненавидел футбол. Не потому, что плохо играл или не получал удовольствия, а потому, что он завладел моей жизнью. Папа записал меня в юниорскую лигу в возрасте пяти лет. Пока другие дети учились ездить на двухколесных велосипедах, я тренировался принимать мяч. Когда был помладше, мне нравилось, ведь игра есть игра, однако став постарше, возненавидел оказываемое на меня давление. Ненавидел чувство, словно тебя пропустили через мясорубку, после того, как отец раскритикует записи моих матчей. Но особенно ненавидел то, что практически при каждом упоминании обо мне – в газетах, спортивных комментариях, сюжетах местных новостей – упоминали его. Я не был просто Трэвисом Стефенсоном. Я был сыном Дина Стефенсона, бывшего игрока команды Грин-Бэй Пэкерс. В десятом классе он начал поговаривать о скаутах и университетских командах, а я лишь думал о том, как буду вынужден жить мечтой отца. Так что, когда сезон подошел к концу, я ушел из команды. Папа взбесился, а я превратился в пустое место.

В день своего восемнадцатилетия (три дня спустя выпуска из школы) я направился в офис рекрутского набора в морпехоту и подал заявление о приеме. В общих чертах. Процесс более сложный, чем простое списание своей жизни на волю Корпуса морской пехоты США, только результат тот же: четыре года действительной службы, четыре года в боевом запасе. Может, мало смысла в желании сменить существование, в процессе

которого мне в лицо орала тренеры, на орущих в лицо инструкторов строевой подготовки, но я решил, особой разницы не будет. За исключением того, что в корпусе новобранцев я перестану быть сыном Дина Стефенсона, бывшего игрока команды Грин-Бэй Пэкерс. Просто буду собой.

Мама заплакала, когда я рассказал ей о своем решении. Для нее служба означала неминуемую смерть в чужой стране. Она умоляла меня поступить в государственный колледж Эдисон вместо армии.

– Знаю, у тебя не самые блестящие оценки, – сказала мама тогда. – Но ты можешь изучать базовые предметы, пока не определишься со специализацией. Пожалуйста, Трэвис, не делай этого.

Отец лишь долго смотрел на меня, сжав губы в тонкую линию. Знакомое выражение. Припасенное специально для меня. В его мире, где победа – все, ему не нужен ребенок, отказавшийся от игры. Если бы я выбрал другой спорт, возможно, он бы меня простил. Я не выбрал, он не простил.

Отец трескуче рассмеялся.

– Помнишь мотоцикл, который ты собирался отремонтировать? Или группу, которую хотел организовать со своими друзьями? Или, подожди... как насчет перспективной футбольной карьеры, к которой ты отнесся как к мусору, а не как к Божьему дару? Как думаешь, Трэвис, долго ты протянешь в подготовительном лагере, прежде чем захочешь уйти из армии? Тебе не хватает дисциплины, необходимой морпеху.

Словно он больше моего знал, каково служить в армии. Три недели спустя я уехал и не вернулся. До сих пор.

Сейчас могу признать – это было не самое умное из моих решений, однако мне не хотелось идти в колледж, к тому же я не предполагал, что отправлюсь в Афганистан сразу после пехотной школы. Думал, меня

припишут к базе или отошлют в Окиनावу. Дело в том, что я хороший морпех. Здесь я добился больше успехов, чем во всех остальных своих начинаниях. Поэтому, несмотря на некоторые экстремально дерьмовые моменты службы, я не сожалел о своем выборе.

– Трэв. – Мама стучит в дверь ванной, в то время как я застегиваю последнюю пуговицу рубашки в бело-голубую полоску, которую нашел в шкафу. Она либо принадлежит Райану, либо мама купила ее до моего отъезда, надеясь, что я буду носить. Рукава натягиваются на локтях, когда сгибаю руки. Вот только мне приходилось носить один комплект камуфляжной униформы все семь месяцев. Мое чувство стиля атрофировалось. – Ужин через пять минут.

Стираю пар с зеркала. Я так давно на себя не смотрел, что собственное лицо немного меня удивляет. Такое ощущение, будто вижу незнакомца. Кого-то, кто меньше, чем я представлял, хотя далеко не маленького. На парне в зеркале нет военной формы или брони. Без них я тоже сам не свой.

В холле меня встречает аромат ростбифа. Клянусь, если бы передо мной стояла голая Пэйдж, умоляя вновь сойтись, я бы прошел мимо нее, чтобы добраться до стола. Самое близкое подобие домашней кухни нам удалось попробовать, когда солдаты из Афганской национальной армии зажарили на огне целую козу, которую мы съели с местным блюдом из риса и афганским хлебом. Пару раз пробовали курятину с деревенских базаров, но в основном ели ИРП. То есть, готовый сухой паек. Или, как мы его называли – едва съедобный паек.

– Трэвис. – Отец поднимается с места во главе стола, когда я вхожу в столовую, и жмет мне руку, словно деловому партнеру. А может, незнакомцу, которому надеется продать машину. Он по-прежнему в костюме, с ослабленным желтым галстуком на шее. – Добро пожаловать домой, сын.

– Ага, спасибо.

Мама подталкивает Райана, сидящего напротив меня и переписывающегося с кем-то по телефону. Между нами разница меньше года, но он выглядит таким юным.

– Привет, Трэв. – Райан улыбается, глядя на экран, затем слабо дергает подбородком в мою сторону. – Добро пожаловать домой.

Боже, какая нелепица.

Моя семья никогда не отличалась теплотой и привязанностью. Мама постоянно возила нас по тренировкам, снабжала коробочками сока во время таймаутов, сидела на трибунах на всех матчах. Даже в дождь, укрывшись под зелено-белым зонтиком. Отцовские проявления родительской заботы случались после игр, сопровождалось мужественным похлопыванием по плечу и фразой: "Я горжусь тобой, сын". Мне эта фраза давненько не доставалась. А Райан... когда мне было семь, а ему шесть, дедушка подарил мне на день рождения солдатика Джо в форме времен Корейской войны. Подразумевалось, что это коллекционная вещь, но дед сказал, чтобы я с ним играл в свое удовольствие. Иногда я так и делал, однако чаще всего хранил его на полке, потому он казался мне таким классным. Однажды Райан взял солдатика без разрешения. Когда я пожаловался папе, тот заявил, чтобы я перестал ныть и дал брату поиграть с солдатиком Джо. Райан оторвал ему руку. В целом эта ситуация характеризует наши отношения: я что-то получаю. Он это хочет. Он это забирает. Он это уничтожает.

Тем не менее, разве я не должен радоваться тому, что вернулся к ним? Почему группа ребят, которых я знаю меньше года, стала мне ближе моей собственной семьи?

– Ты все мои посылки получил? – интересуется мама, передав мне миску картофельного пюре. Смирившись с тем, что я уйду в армию с ее благословением или без, она решила стать образцовой Военной Мамой с

не меньшим энтузиазмом, чем была Футбольной Мамой. Зарегистрировалась на всевозможных интернет-форумах, где общались родители морских пехотинцев, прицепила магнит в виде желтой ленточки с девизом "Поддержим наши войска" на свой джип и маниакально слала посылки из дома.

Учитывая различные церковные группы, организации, писавшие письма поддержки военным, и родителей, не удивительно, если парень получал пятнадцать посылок разом. Почте мы радовались, словно Рождеству, когда сидя на полу скрестив ноги, открываешь подарки. Мама обычно присылала отличные вещи – химические нагреватели, растворимый кофе, сладости, и даже портативный душ на солнечных батареях, который у меня украл кто-то из солдат Афганской армии, прежде чем я успел им воспользоваться.

– Да, мэм. Спасибо. – Я нечасто отвечал, однако в свою защиту могу сказать – мы были практически отрезаны от внешнего мира первые пару месяцев после прибытия в Афганистан. Потом наше отделение получило спутниковый телефон, и нам разрешили звонить домой каждые две недели. Но разговаривать позволяли не дольше пяти минут. Во время одного из таких звонков я предложил маме поубавить количество зубной нити и триллеров в мягких обложках, а вместо них присылать канцелярские принадлежности для местной детворы, которая вечно клянчит у нас что-нибудь. – Дети пришли в восторг от ручек и мелков. – Вода. Конфеты. Еда. Ручки. Не знаю, почему, но им нравились пишущие ручки. – Я, эмм... извини, что редко звонил.

Ее глаза расширяются. Наверно, потому что я редко извиняюсь.

– Ну, мы пришли к выводу, что ты наверняка был очень занят.

В период пребывания в Афганистане – да, а вот на время подготовительного лагеря и пехотной школы оправданий у меня не имелось. Мама писала мне тонны писем. Я не ответил ни на одно.

Позвонил ей в первый день из лагеря новобранцев и продиктовал слова, напечатанные на памятке возле телефонного аппарата: "Это рекрут Стефенсон. Я благополучно прибыл на Пэррис Айленд. Пожалуйста, не присылайте мне еду или громоздкие вещи почтой. Через три-пять дней я отправлю вам открытку со своим новым адресом. Спасибо за вашу поддержку".

Вот, собственно, и все. Не считая нескольких пятиминутных телефонных разговоров, я не общался с матерью больше года.

– Эллен всегда звонила мне после того, как получала письма от Чарли, – говорит она. – Поэтому я знала, что ты в порядке.

В подготовительном лагере мы все делали в алфавитном порядке, так что двух других рекрутов, чьи имена я запомнил первыми, звали Ли Степлс и Чарли Суини. Один из них всегда был впереди или позади меня, смотря как вздумается нашему инструктору. Степлс меня раздражал, потому что он плакал после того, как нас обстригли налысо. В смысле, ладно, я в состоянии понять, почему стрижку под ноль можно рассматривать как деградацию, ведь ты лишаешься черты, выделяющей тебя среди остальных, но, серьезно, какого хрена. Волосы опять отрастут. В любом случае, когда нас наконец-то отпустили спать после суток бодрствования, нам с Чарли выдали одну койку: Стефенсон – на верхнем уровне, Суини – на нижнем. Мы разделись до шортов и футболок, когда Чарли сказал:

– Эй, Стефенсон, я слышал, если будешь ходить на службы буддистской церкви по воскресеньям, тебе позволят поспать подольше.

– Знаю, – ответил я. – А если назовешься евреем, тебе разрешат посещать субботние службы, и в воскресенье свободное время тоже дадут.

Чарли рассмеялся.

– Мне нравится ход твоих мыслей.

Не стану упоминать, что я сходу понял – мы подружимся. Он не был нытиком, как Степлс. Не знаю, почему именно Чарли стал моим лучшим другом. Я не находил конкретных причин для этого. Он поддерживал меня. Я поддерживал его. И точка. Полагаю, каким-то образом наши матери тоже подружились.

– Мы так гордимся тобой. – Мамины глаза наполняются слезами. Отец согласно кивает, что наводит меня на мысль – а не мчатся ли к нам четыре всадника Апокалипсиса.

– Ну, каково там было? – Папин взгляд светится кое-чем, чего я не наблюдал уже несколько лет. По крайней мере, если он смотрел на меня. – Ты кого-нибудь убил?

Ему любопытно. Кому бы не было? Только как мне ответить на этот вопрос? Да, я убивал, но это не похоже на видеоигры, в которых ты мочишь плохих парней. Когда впервые застрелил человека, думал, меня стошнит, но я не мог себе этого позволить, потому что мы находились в пылу перестрелки, и мне нельзя было прекращать огонь. Я не скажу такого отцу. Не за ужином. Никогда.

– Мне не очень хочется говорить на эту тему.

Его гордость развеивается, он прищуривает глаза.

– Почему? Считаешь, что слишком хорош...

– Трэвис, я тебе не говорила? – перебивает отца мама. – В Тампе есть организация, которая собирает школьные принадлежности для детей...

– Я уверен, что он не хочет слушать про твои маленькие проекты, Линда, – встречается папа. То, что он так с ней разговаривает, меня удивляет. Невзирая на наши препирательства, к ней отец всегда относился хорошо.

– Нет, пап. Я не думаю, что слишком хорошо, чтобы рассказать тебе об Афганистане. Просто не хочу говорить про убийства за гребанным столом. – Не дожидаясь его ответа, поворачиваюсь к маме. – И мне очень хочется послушать про твои проекты.

Она бросает нервный взгляд на отца. Он пожимает плечами, широко разведя руки, и закатывает глаза. У него на пальце сверкает памятное кольцо в честь победы в Супер-Кубке – внушительное напоминание, что он – Победитель.

– Я просто... – мама путается в словах, свет в ее глазах меркнет. – Я просто хотела сказать, что предложила им открыть филиал тут, в Форт-Майерс.

– Здорово. – Я улыбаюсь ей. Маленькие попрошайки на первых парах не сильно нас доставали, потому что боялись, однако спустя какое-то время стали довольно алчными и настойчивыми. Хотя маме я этого не говорю. Она кажется такой радостной. – Детвора обожает подобные вещицы. Ручки, бумагу, мячи, всяких плюшевых зверей. Они с ума по ним сходят.

– Разрешите удалиться? – Райан сминает свою салфетку, бросает ее на тарелку. – У меня, эмм... – Он встречается со мной взглядом на долю секунды, после чего нервно отводит глаза. Свидание. У него свидание с Пэйдж. – Я должен встретиться с друзьями.

– Возможно, Трэвис тоже захочет пойти, – предлагает мама.

– В другой раз. – Представляя поездку в одной машине с моим братом и бывшей девушкой, я едва не смеюсь. – Я измотан.

Райан встает из-за стола, а мы втроем проводим остаток ужина в гнетущей тишине, полной невысказанных претензий. Единственный источник звука – звон столовых приборов о тарелки. Мне ненавистно, что года врозь оказалось недостаточно, чтобы отец перестал меня доставать.

Ненавистно, что позволяю ему спровоцировать чувство, словно мне опять пятнадцать лет. В итоге я поднимаюсь к себе в комнату и запираю дверь.

Мы вернулись в Кэмп-Лежен пару недель назад. Мне предстояло пройти медицинское обследование, чтобы разобраться с любыми возможными физиологическими проблемами, способными возникнуть за время командировки – в основном это проблемы с кожей после купания в мутных каналах, акне из-за постоянно грязного лица, укусы насекомых; у нескольких ребят развился затяжной кашель после респираторных инфекций. Аттестация также обязана выявлять психологические нарушения, только это ерундовое дело. Мы всегда говорим, что все нормально. Иначе моргнуть не успеешь, как разрушишь свою карьеру, если признаешься, что с тобой не все в порядке. Поэтому я никому не рассказал о своих повторяющихся кошмарах. Лишь упомянул доктору о проблемах со сном. Он выписал мне какие-то таблетки.

Они стучаются друг о друга, когда я достаю оранжевый пузырек из своей сумки. Высыпаю три штуки на ладонь. Глотаю, не запивая, затем ложусь на пол и позволяю окружающему миру растаять.

Глава 2

Меня будит громкий хлопок, и я тянусь за автоматом. На пару секунд паника овладевает мной, потому что автомат исчез, но затем вспоминаю, что нахожусь во Флориде, а мое оружие осталось в армейском арсенале в Северной Каролине.

– Трэвис! Трэвис! – взволнованно зовет мама, стуча в дверь. Когда отпираю замок, она кидается меня обнимать, едва не придушив в процессе. – Ох, слава Богу. Ты проснулся.

Что-то влажное скатывается по моей обнаженной груди. Мама плачет.

– Мам, что случилось?

– Ты проспал шестнадцать часов. – Она шатко вздыхает. – Твоя дверь была замкнута. Я подумала... я испугалась, что у тебя передозировка.

Бывают моменты – тысячи моментов в течение каждого божьего дня – когда меня одолевает чувство вины за то, что я вернулся домой живым, а Чарли – нет, но суицидальных наклонностей я не имею. Тру глаза ладонями, избавляясь от последствий шестнадцатичасового сна.

– Я просто сильно устал. – Неловко похлопываю ее по спине. – Мне давно не удавалось хорошенько выспаться. Я не хотел тебя напугать.

Утерев слезы тыльной стороной ладони, мама разглядывает гнездо из одеял на полу.

– Что-то не так с твоей кроватью?

– Я довольно долго спал на твердом. – Иногда нам приходилось ночевать в ямах, вырытых в земле. Или в заброшенных бараках. Наша патрульная база располагалась в пустующей школе, стены которой были изрешечены снарядами, а на потолке поселились птицы. – Еще не привык к нормальной постели.

Она садится на кровать.

– Хочешь более жесткий матрас или... Что у тебя с ногами?

– Это, эмм... – Я смотрю вниз на бледнеющие красные рубцы, окружающие мои лодыжки и поднимающиеся на голени. – Это блошиные укусы.

– Блошиные укусы? – Мама выглядит шокированно.

– Да, ну, со временем все сильно пачкается, – объясняю я. – У местных дворов окружены саманными стенами, они там домашний скот содержат. Иногда нам приходилось спать в таких.

Мама Чарли прислала ему ошейник от блох однажды. Он надел его на лодыжку, но это не сработало. Мы стали называть его Фидо после этого,

только Чарли просто гавкал в ответ и орал: "Дьявольский пес! Ура!", чем всегда нас смешил.

– Ты спал с... – Она прикладывает ладонь ко рту. – Я не могу... Я даже не знаю, что сказать. – Ее глаза вновь наполняются слезами.

В Афганистане было хреново. Летом мы потели как черти под палящим солнцем. Зимой боролись с гипотермией. Я еще ни разу в таком холоде не жил, даже в Грин-Бэй. Ядовитые змеи. Скорпионы. Мухи. Блохи. Песчаные бури. Осознание, что каждый раз во время патруля нас могут обстрелять. Я, конечно, по всему этому не скучаю, но уже никогда не смогу до конца почувствовать себя тут, как дома.

– В целом было не так уж плохо.

– Сегодня в Особняке вечеринка. – Райан заглядывает ко мне в комнату после очередного неловкого семейного ужина, сопровождавшегося нелепыми светскими разговорами и невысказанными претензиями. Я разбираю свою сумку. Полки в шкафу, как оказалось, пусты – очевидно, мама не все сохранила в неизменном виде. Раньше она постоянно твердила мне одеваться лучше, стыдилась, потому что я покупал вещи в Армии Спасения. Мама, наверно, целый день потратила, выкидывая мои поношенные футболки и дырявые джинсы. Неважно. Все равно они бы больше не подошли.

– Заинтересован? – спрашивает Райан.

Особняк – это обветшалый арендуемый дом, расположенный на побережье, который используют отчасти в качестве общежития, отчасти в качестве концертной площадки. Мой друг, Эдди Рамос, живет там после выпуска из школы, но мы тусили в этом месте начиная с девятого класса. Не уверен, что готов встретиться со своими старыми друзьями, однако мне не хочется провести вечер за просмотром военно-криминальных

сериалов в компании родителей. Не только потому, что в подобного рода сериалах всегда погибает морпех, но и потому, что не вынесу еще одну минуту неуютного молчания. Понятия не имею, что происходит с моими родителями. Я всегда считал их отношения прочными.

– Да, конечно.

Он поднимает руку; с его пальца свешиваются ключи.

– Хочешь сесть за руль?

Я выхватываю их.

– Встретимся у машины.

Уже на улице, опускаюсь на водительское сиденье красного Фольксваген Коррадо, который когда-то принадлежал мне, провожу пальцами по рулю. Едва уловимый запах травки, смешанный с запахом еды из Макдональдса, возрождает воспоминания обо всех часах, проведенных с этой машиной – как ее ремонтировал, как бесцельно катался по Форт-Майерс с друзьями, как занимался сексом с Пэйдж на заднем сиденье. Я нашел ее через интернет, когда мне было пятнадцать, и купил на собственные деньги. Сам отреставрировал. Меня немного раздражает то, что Райан счел правомочным присвоить машину себе после моего отъезда, только я ничего не сказал по этому поводу. Я ей не пользовался. Сейчас... она больше не ощущается как моя.

Райан садится на пассажирское сиденье; аромат одеколона заполняет салон. Откашлявшись, открываю окно.

– Черт, Рай, ты искупался в этом дерьме?

– Пэйдж нравится, – отвечает он. – Она подарила мне его на день рождения.

Мои брови приподнимаются.

– Она подарила?

Райан кивает. Когда он самоуверенно мне улыбается, замечаю у него скол на одном из передних зубов, оставшийся после падения в скейт-парке. Этот разговор настолько неуместен, что я не знаю даже, с чего начать. Пэйдж ненавидела, если от меня пахло чем-то, кроме меня самого.

Если бы Кенни "Кевлар" Честнат находился сейчас здесь, он бы выдвинул теорию своим вальяжным говором, характерным для жителей Теннесси – будто девчонок от природы тянет на аромат крутизны. Кенни – худющий, маленький паренек с ярко-рыжими волосами и постоянно выпирающей из-за жевательного табака нижней губой. Мы прозвали его Кевлар, потому что он единственный в нашем отряде был способен переварить свиные ребрышки из ИРП, поэтому мы пришли к выводу, что у него желудок выстлан покрытием Кевлар. Кенни разговаривает очень быстро, словно слова исчезнут, если он не произнесет их все сразу. Он часто разглагольствует о девушках, хотя опыта у него ноль, а умения очаровывать еще меньше. Чарли никогда ему этого не спускал с рук.

– Чую брехню, Кеннет, – сказал он однажды после того, как Кевлар заявил, будто переспал с чирлидершей из Университета Теннесси. – Ты просто маленький рыжий заср...

– Заткнись на хрен. – Кевлар обижается, когда мы издеваемся над его волосами или акцентируем то, что он самый мелкий в нашем взводе. – Соло тоже рыжий.

Мои волосы ближе к каштановым, чем рыжим, однако Кенни считает, что, причислив меня к своему несчастью, он будет выглядеть более авторитетно.

Я посмеялся и положил руку ему на плечо.

– Цвет волос не имеет значения, если ты так же неотразим, как я.

Это воспоминание приносит одновременно радость и боль. Я зажмуриваюсь, глубоко вдыхаю.

– Ты в порядке, братишка? – Райан возвращает меня в настоящее. – Вся эта ситуация с Пэйдж не...

– Странная? – Смотрю на него: волосы растрепаны, на шее висит кулон-ракушка, который, как ему кажется, делает его похожим на серфера, а на лице – самое искреннее выражение, какое я только видел. Она действительно ему нравится. – Абсолютно, но... – Я перекрещиваю воздух, как делают священники в церкви, после чего завожу мотор. – Даю тебе свое благословение.

Мы все еще едем по нашей улице, когда я замечаю, как "гуляет" рычаг при переключении передач.

– Давно коробка передач в таком состоянии?

– Каком? – уточняет Райан.

– Изношенном.

– По-моему, все в порядке.

Я отпускаю рычаг, машина дергается перед разгоном.

– В порядке? Ты работаешь в хреновом центре этой марки.

– Я не механик.

– Тебе не обязательно быть механиком, чтобы понять, когда барахлит коробка передач. – Наверно, я злюсь сильнее, чем должен. Мне известно, как заменить изношенные детали, только дело в принципе. Машина была в хорошем состоянии до моего отъезда. Классический Райан. А моя машина – это солдатик Джо.

Он не извиняется. Он вообще ничего не говорит. Просто смотрит на меня, весь из себя оскорбленное достоинство, словно злодей тут я, затем отворачивается к окну.

Пока движемся к пляжу, я замечаю изменения в ландшафте города. Новые фирмы, которых не было в прошлом году. Старые, которых больше нет. Такое ощущение, будто огромный отрезок времени просто... испарился. Песни по радио звучат другие. Лица знаменитостей на обложках журналов, которые видел в аэропорту, мне незнакомы. Вышел даже новый сезон гребанного Американского идола.

Мы останавливаемся возле Особняка. Полагаю, я ожидал, что он тоже изменится. Только вот белый коттедж с покосившимися крылечными ступеньками никогда не меняется. На перилах испокон веков стоит пивная банка. Даже в тех редких случаях, когда кто-то решает навести порядок в доме, банку никто не трогает. Она стала предметом искусства.

– Трэв, чувак, ты где пропадал? – Первым меня встречает Купер Миддлтон, пьяный, с тяжелыми веками и дымовым нимбом от косяка вокруг русоволосой головы. Он сидит в том же продавленном кресле, в котором я его видел в прошлый раз. Может, он так и просидел тут все это время. С Купером подобная вероятность не исключена. Мы окончили школу вместе, но, насколько мне известно, он не нашел себе работу – разумеется, если не считать продажу травы.

– В Афганистане.

Купер несколько секунд смотрит в пространство с едва уловимой улыбкой на лице, и я понимаю, что он сейчас не здесь.

– О, да... классно.

В гостиной столпотворение, вся комиссионная мебель составлена вдоль стен, чтобы освободить место для танцующих. Группа, состоящая из жителей Особняка, репетирует в столовой. Пока я иду по дому, ко мне

все подходят, жмут руку, приветствуют. Вместо радушного приема я чувствую, будто меня окружают, как в аэропорту. Нервничаю. Паникую, потому что нахожусь посреди толпы без своего автомата.

– Мне нужно пиво, – говорю, ни к кому контрено не обращаясь; мой указательный палец сгибается, словно на курке, пока я пробираюсь через толпу на кухню. Пэйдж сидит на стойке, в одной руке держит пластиковый стакан и сигарету, оживленно жестикулирует, разговаривая с группой девчонок. У нее есть свое мнение на любой счет, и порой она не может заткнуться. Но ее черные волосы сияют, полные губы окрасились в красный из-за того, что она пьет, поэтому – какая разница, о чем Пэйдж говорит? Она отворачивается от подруг, ее взгляд встречается с моим. Я чувствую магнитное притяжение; приходится напомнить себе, что Пэйдж больше не моя. Прежде чем успеваю приблизиться к ней, передо мной возникает Эдди.

– Трэв, мужик, добро пожаловать домой!

Он приобнимет меня, похлопывает по спине рукой. Я знаю, сейчас объятие трансформируется в попытку свалить меня с ног. Эдди всегда так делает. Он опускает плечи, обхватывает мою талию, и пытается повалить. Когда-то мы были на равных, однако сейчас у Эдди нет шансов. Я делаю подсечку ногой и валю его на пол.

– Чувак, тебе даже пытаться не стоило. – Смеюсь, поднимая Эдди на ноги.

– Черт, столько времени прошло. – На сей раз он по-настоящему меня обнимает. – Как поживаешь?

– Хорошо. – Ложь. – Ты?

– Каждый день та же самая фигня, знаешь? – Эдди пожимает плечами.

Понятия не имею, каково это – быть девятнадцатилетним ночным менеджером в закусочной Тако Белл с беременной девушкой. Я не

говорю, что Эдди сделал неправильный выбор – он живет честно, и не мне его судить – но нет, я не знаю. Большую часть года я провел в другом конце планеты, в стране, где парень может пожать тебе руку, улыбаясь, а потом взять свой АК-47 и выстрелить в тебя. Где маленький мальчик будет требовать – без намека на слезы в глазах – сто баксов в качестве компенсации за случайное убийство его матери, что меньше обычной ставки за убийство его собаки.

Пэйдж спрыгивает с кухонной стойки, подходит ко мне и моему брату. Через ее тонкую белую майку вижу красные завязки бикини. Я снимал с нее это бикини прежде. Сначала она подходит к Райану – так странно – встает на носочки, взъерошивает его волосы, целует. Его рука обвивает ее талию. Она смотрит на него с другим выражением на лице. Оно мягче. Не такое злое.

– Ты приятно пахнешь.

Райан не смотрит на меня, но я вижу у него на губах ухмылку, в которой явно читается "я-же-тебе-говорил". Я смеюсь. Пэйдж поворачивается ко мне и улыбается.

– Ну-ну, неужто это сам солдатик Джо.

– Солдатик Джо... – забираю у нее выпивку, осушаю стакан одним глотком. Привкус фруктовый, но алкоголь в коктейле сильный, – был слабаком.

Она смеется своим прокуренным сексапильным смехом и целует меня в щеку; ее буфера (которые родители подарили ей на пятнадцатый день рождения), касаются моей руки.

– Добро пожаловать домой.

– Спасибо за посылку, – говорю я. – Мисс Январь принесла многим парням много радости.

Пэйдж снова смеется.

– Самое малое, что я могла сделать.

– Как дела у Билла?

Ее отец владеет национальной компанией, производящей различные ограждения – для дорог, строительства. На каждой преграде в этой стране стоит его имя. Родителям Пэйдж я никогда не нравился.

Она пожимает плечами.

– По-прежнему тебя ненавидит.

– Кто бы сомневался.

– Ты надолго домой, Трэв? – интересуется Эдди.

– На месяц.

Он кивает.

– Здорово.

Шум вечеринки заполняет паузу, вместо которой должен продолжаться разговор, однако он не продолжается, отчего Эдди нервно смеется. Так делают многие люди в ситуациях, когда не знают, что сказать. С Чарли такого никогда не случалось. Мы говорили обо всем на свете, от философского до нелепого – например, кто победит в схватке между лигром и гибридом гризли и полярного медведя. Сами во время того спора чуть не подрались.

– Как, эмм... как дела у Джен? – спрашиваю я.

– Хорошо. – Он опять кивает. – В сентябре должна родить. Девочку.

– Это круто, приятель, поздравляю. – Делаю глоток пива, ищу пути к отступлению. Эдди был моим лучшим другом в старшей школе, но сейчас... Знаю, какой-то части меня он все еще небезразличен – все они небезразличны – только сегодня мне эту часть не найти.

Группа начинает играть. Эдди, похоже, чувствует облегчение. Может, мы оба искали повод сбежать отсюда.

– Поболтаем позже, братишка?

Я киваю; его поглощает масса танцующих в гостиной людей. Из-за басов стены дребезжат. Интересно, решат ли сегодня соседи вызвать полицию? В толпе вижу темноволосого парня, стоящего неподвижно среди извивающихся тел. Черные локоны непослушно торчат в разные стороны... Чарли.

Он смотрит на меня.

Я моргаю, и Чарли исчезает.

– Трэвис, ты в порядке? – голос Райана возвращает меня в реальность.
– Ты отключился на секунду.

– Да, в порядке. – Нет, я не в порядке. Под рубашкой пот стекает между лопатками. – Мне просто нужно пиво.

Купер управляет пивным бочонком, наполняет стаканы.

– Трэв, дружище! Где ты пропадал?

Парнишке нужно всерьез завязывать с травой.

– Мы уже это обсудили, Куп.

– Ох, да. – Он одурманенно хихикает. – Афганистан, да?

– Именно.

– Чувак, тебе встречались маковые поля?

Кому как не Куперу расспрашивать меня о наркотиках.

– Словно в Стране Оз, старик, – отвечаю я, потому что он этому порадуется. Только мы не расслаблялись в маковых полях в Афганистане. Нас обстреливали талибы.

Я наполняю пластиковый стакан, после чего иду в гостиную; мои внутренности до сих пор сводит от... даже не знаю, как назвать случившееся. Галлюцинация? Визит призрака?

Стоя спиной к стене, наблюдаю за вечеринкой. Пара девчонок в крошечных юбках разглядывают меня по пути в ванную. Дерек Михальски, после выпускного негласно получивший титул "Скорее всего попадет в тюрьму за отношения с несовершеннолетними", кадрит девочку лет двенадцати-тринадцати на вид. Обкуренные Купер и его подружка, Эйприл, погружены в беседу о фундаментальных вещах, о которых они завтра не вспомнят. Когда-то я был частью всего этого. Сейчас же гадаю, куда, если вообще, теперь подхожу. И есть ли мне до этого хоть какое-то дело.

Выпив несколько стаканов пива, возвращаюсь на кухню, где Эдди, Пэйдж, Райан и еще несколько ребят сидят за столом, вспоминают свою летнюю поездку. Пэйдж у Райана на коленях, его рука лежит у нее на бедре. Она играет с его волосами, и старается перекричать Эдди, чтобы ее услышали:

– А потом эта долбанная машина заглохла черт знает где, помнишь? И...

Сижу с ними, едва прислушиваясь к разговору. Я думаю о предыдущем разе, когда напился. Незадолго до отправки в Афганистан Кевлару удалось тайком пронести в казарму бутылку отвратительной дешевой текилы. Мы распили ее, смотря сериал "Госпиталь МЭШ" по старенькому телевизору Чарли. После того, как Кевлар вырубился и захрапел, пуская слюни на подушку, Чарли рассказал мне, что у себя дома, в Сент-Огастине, жил с матерью и ее партнершей-лесбиянкой, а его отцом был анонимный донор.

– Я не особо об этом распространяюсь, потому что не хочу потом выслушивать всякий бред, знаешь? – сказал он. – "У Чарли две мамочки".
Такого рода бред.

Я бы мог пошутить над ним, если бы не был настолько пьян, но от текилы нас потянуло на сентиментальность. Меланхолию.

– Если там со мной что-нибудь случится, Соло, я хочу, чтобы ты к ней съездил, ладно?

– Чувак, не тупи, – ответил я. – Мне никогда не придется встретиться с твоей матерью, ведь самое худшее, что с тобой случится – я надеру тебе задницу.

Я ошибся. Худшее случилось, и мне не удалось это предотвратить.

Поднимаю стакан, чтобы отпить. Моя рука в грязи, на пальцах кровь. Стакан падает, пиво разливается по столу. Пэйдж подскакивает с коленей Райана, орет на меня, только я не понимаю ее слов. Грудь сдавило, дышать тяжело.

Мне нужно выбраться отсюда.

Стул опрокидывается, когда я встаю.

– Трэв, ты куда? – кричит Райан мне вслед, но я не отвечаю.
Пробираюсь через гостиную к двери. Воздух на улице прохладный, чистый. Я заполняю им свои легкие, делая глубокие вдохи до тех пор, пока сердце не возвращается к регулярному ритму. Смотрю на свои руки. Они чистые.

Иду вниз по улице до байкерского бара Шемрок на углу Делмар и Эстро. Помимо байкеров там собираются лишь древние завсегда и пляжей с дебелий кожей и женщины с ломкими волосами, до сих пор считающие себя молодыми и привлекательными. Из музыки – старинный рок; пол липкий, пиво подают в пластиковых стаканах, однако персонал довольно лоялен, если ты "забыл" свое удостоверение личности.

Проходя через открытые двери, пересекаюсь с Гейджем Дарнеллом. Он на год старше меня; бросил школу, когда ему исполнилось восемнадцать. Гейдж покидает бар с девушкой, которая кажется смутно знакомой, с фальшивым загаром, фальшивыми ногтями и, вероятнее всего, фальшивыми буферами. Она похожа на интернет-порнозвезду – далеко не в хорошем смысле. Мы с ней тоже вместе учились, только я никак не вспомню ее имя. Энджел? Эмбер? Что-то явно подходящее для стриптизерши, по-моему.

– Привет, Трэв, с возвращением. – Мы с Гейджем стучаемся кулаками, и он продолжает свой путь. Блондинка машет мне пальчиками, после чего цепляется за его руку. Я вполне мог с ней переспать когда-то.

На стульях у бара сидят еще две девушки, похоже, мои ровесницы. Ту, что в коротких джинсовых шортах и ковбойских сапогах, зовут Лэйси Эллисон. Она не сногшибательная красавица, но мы называли ее Безотказная Э не без причины. Лэйси пытается очаровать байкера с эмблемой Сынов Ада на кожаном жилете и грязной белобрысой бородкой. Он что-то говорит, она хихикает, дотрагивается до татуировки, изображающей змею, у него на предплечье.

Рядом с ней другая девчонка. Копна ее каштановых волос собрана в сексапильный небрежный пучок. По сравнению с Лэйси она чересчур одета – единственный обнаженный участок кожи виден между ее выцветшей голубой футболкой и поношенными джинсами Levi's. Девушка не обращает на меня внимания, даже подбородком не ведет, когда я сажусь на пустой стул рядом с ней и заказываю пиво. По какой-то причине это меня беспокоит. Наверно, потому что я пьян.

– Приятный вечер, да?

Ее зеленые глаза встречаются с моими в зеркальной эмблеме Гиннес, висящей на стене позади барной стойки. Кажется, в помещении резко

закончился кислород. Я никогда не спал с этой девушкой, но она первая, с кем мне хотелось это сделать.

Харпер Грэй.

Я впервые поцеловал Харпер в средней школе, на пижамной вечеринке Пэйдж, которую она устроила, когда родители оставили ее одну на выходные, а сами уехали в Ки-Уэст. Лето подходило к концу, я был новичком, потому что моего папу недавно перевели в Тампа-Бэй, но уже успел подружиться с большинством восьмиклассников из футбольной команды на ранних тренировках. Соблазну алкоголя и девчонок в пижамах сложно было сопротивляться, поэтому мы нанесли им внеплановый визит. Опробовав домашний бар, Пэйдж решила поиграть в "Семь минут в Раю". Я пошел первым, воспользовавшись волчком от какой-то старой игры, который указал на Харпер.

– Ваши семь минут начинаются... сейчас, – объявила Пэйдж, и Харпер последовала за мной в прачечную. Я закрыл дверь. Она прислонилась к стиральной машине, и выглядела испуганно. Мне вспоминается резкий запах отбеливателя, смешанный с запахом свежестыранного белья.

– Я Трэвис.

– Знаю. – Она смущенно опустила взгляд в пол (мы оба были обуты в потрепанные Конверсы, и это было похоже на знак), затем опять посмотрела на меня. – Я Харпер.

Я тоже знал ее имя.

– В честь Харпер Ли? – Решил порисоваться. Не читал "Убить пересмешника", но видел книгу у мамы на книжной полке, поэтому знал имя автора.

– Нет, – ответила она. – В честь Чарли Харпера.

– Ох, эмм...

– Он художник.

– Клево. – Мой запас тем для беседы иссяк, и я решил приступить к поцелую. Поначалу мы стукнулись носами; слышался ее шаткий, взволнованный смех. Со второй попытки у нас получилось, только я забыл выбросить свою яблочную жвачку, поэтому мой язык вытворял нечто страшное из-за моих попыток поцеловать ее и одновременно спрятать жвачку. Все началось неуклюже и слюняво, но постепенно мы освоились. Помню, я запустил пальцы в ее волнистые волосы.

Больше ничего не случилось. Мы просто стояли, прижимаясь друг к другу, целуясь. До тех пор, пока голос Пэйдж не сообщил нам, что время истекло. Я не хотел останавливаться, собирался уже предложить ей выйти из игры, когда дверь распахнулась. Пэйдж схватила Харпер за запястье и утащила обратно в комнату.

Ее поглотила кучка шепчущихся девчонок; я тоже вышел из прачечной. Мои друзья хотели подробностей о том, что произошло между мной и Харпер. Они ожидали чего-то интересного, поэтому я приукрасил. Сказал, она разрешила мне себя потрогать. К понедельнику моя ложь зажила собственной жизнью. Люди говорили, будто Харпер переспала со всеми парнями на вечеринке Пэйдж. Называли ее шлюхой. Не знаю, почему все вышло из-под контроля, к тому же я мог рассказать, что действительно случилось, но не рассказал. Когда Харпер подошла ко мне в столовой, я ее проигнорировал. К концу недели Пэйдж стала моей девушкой.

– Эй, Чарли Харпер, могу я угостить тебя пивом? – Не самый гладкий подкат, однако я и не чувствовал себя на высоте. Я побит жизнью. И пьян.

Она приподнимает свой практически полный стакан, не глядя на меня.

– У меня есть, спасибо.

Ладно.

– Ты, вероятно, не помнишь меня, но...

– Трэвис Стефенсон, – перебивает Харпер; ее слова – словно бетонный блок поперек дороги. – Добро пожаловать домой. Теперь оставь меня в покое.

Черт, какая враждебная.

– В чем проблема?

Она смотрит на меня несколько мгновений. Я заморожен зеленью ее глаз. Поэтому не успеваю среагировать, когда Харпер ударяет меня по лицу.

– Ты шутишь?

– Боже Правый... оу! – Моя глазница болит. Удар у нее точно не девчачий, у меня останется фингал. – За что?

– Мне было тринадцать лет, Трэвис! – кричит Харпер. Окружающие пялятся, включая Лэйси и ее грязного байкера. – Я все еще в Барби играла тайком от подруг. Я ни с кем не занималась сексом на вечеринке Пэйдж, но ты рассказал обратное. А когда я пыталась опровергнуть это, мне никто не поверил. Ты уничтожил мою репутацию, и сейчас я должна умилиться, потому что ты помнишь, что меня называли не в честь хреновой Харпер Ли?

– Я не...

– Ты "не" что? Не делал этого? Не хотел? Прибереги отговорки.

Мне хотелось защититься, но данный момент очень похож на лагерь для новобранцев. Неважно, виновен я или нет. Она провела годы в уверенности, что я засранец, значит, все исправить может только извинение.

– Харпер...

Появляется бармен.

– Все в норме?

– Отлично, – огрызается Харпер. – Я ухожу. Можешь включить мое пиво в его счет.

Черт, это было круто. Пусть она меня ненавидит, только я почему-то возбужден и не хочу, чтобы Харпер уходила.

– Добавь еще рюмку текилы, – прошу бармена, однако он качает головой.

– С тебя хватит.

Паршиво, ведь я недостаточно пьян. Допиваю пиво и бросаю несколько купюр на стойку, надеясь, что этого будет достаточно для компенсации спровоцированной мной драмы. Поворачиваюсь к выходу. Там стоит Пэйдж, самодовольно ухмыляясь. Ненавижу, когда она так делает.

– Рай тебя ищет. Он собирается домой.

– Хорошо. – Мой взгляд опускается ей на задницу, пока следую за Пэйдж из бара. Сила привычки, полагаю. К тому же у нее отличная задница. Так виляет.

– Харпер Грэй, значит? – спрашивает Пэйдж, шагая рядом со мной по улице.

– Когда это будет тебя касаться, я сообщу.

Она прыскает со смеху.

– Ты способен найти кого-нибудь получше, Трэв. Она пляжная дешевка.

– Заткнись.

– Хочешь, загляну к тебе позже?

– Зачем?

Она прикусывает нижнюю губу, смотрит на меня из-под темных ресниц. От этого невинного жеста мне раньше срывало крышу. Должен признать, он до сих пор действует.

– Думаю, ты сам знаешь.

– Позволь уточнить, – говорю я. – Ты мутишь с моим братом у меня за спиной, а теперь хочешь, чтобы я поступил с ним так же?

Она поднимает свои светло-голубые глаза к небу.

– Какая разница, все равно между мной и тобой ничего серьезного не было.

Где-то на задворках пропитанного пивом сознания мне кажется, что этими словами она хотела меня обидеть, но не обидела. Когда думаю о наших с Пэйдж отношениях, о любви и речи не идет.

– Так нельзя. Ты ведь понимаешь, да?

– Ты хочешь, чтобы я пришла, или нет?

– Нет.

– Буду у тебя в три.

Даже не открывая глаз, чувствую присутствие другого человека в комнате; волосы на затылке встают дыбом, тело готовится к нападению. Рукопашные битвы не в стиле талибов. Они лучше возьмут наши деньги за покупки на местных базарах, а потом используют их, чтобы приобрести оружие, которым нас будут убивать. Они предпочитают засады, придорожные бомбы, снайперский обстрел из окон и с крыш домов. Только я тут не один в темноте, и не стану ждать, пока меня убьют.

Бросаюсь вперед, хватаю чужака под колени, скидываю на пол. Наваливаюсь на него сверху, приставляю лезвие ножа к горлу. Через жалюзи в комнату пробивается лунный свет; я понимаю, что он – это не "он". Это Пэйдж. И впервые за время нашего знакомства она напугана.

– Ох, черт! – Бросаю нож, словно он раскалился докрасна, отползаю назад, опираюсь о край кровати. – Боже, Пэйдж, какого х... Я тебя не ранил?

Ее страх исчезает, когда она замечает мое удивление. Пэйдж смеется, подняв нож.

– Ты всегда предпочитал жесткий секс, Трэв, но это уже экстрим, тебе так не кажется? – Она крадется ко мне, сжимая нож в руке, садится поверх моих бедер. – Хотя... – Губы Пэйдж так близко, я практически ощущаю вкус ее дыхания. – Думаю, мне нравится.

Забираю у нее нож, кладу его на прикроватную тумбочку, поверх книги, которую так и не дочитал. Пэйдж снимает майку.

– Что ты тут делаешь?

– Это, – она вытаскивает презерватив из кармана своих крошечных джинсовых шортов, – должно быть очевидно.

Пэйдж развязывает свое красное бикини. Я не должен этого делать, абсолютно, но ее кожа такая теплая, и знакомая, и... она здесь.

У меня давно не было секса, ведь я жил посреди пустыни, где женщины прячутся под паранджой. К тому же мусульманки... ну, Коран в любом случае запрещает практически все веселье, поэтому, даже если бы ты видел их лица, все равно нет смысла помышлять о чем-то.

Я поцеловал мусульманку однажды. Когда мы с Чарли прибыли в Кэмп Лежен, нашему взводу дали увольнительную перед отправкой на миссию. Нам предстояло остаться на базе для прохождения ускоренного курса всех тренировок, завершенных в пехотной школе. Накануне

отъезда в Афганистан нас отпустили домой на несколько дней. Вместо этого мы поехали в Нью-Йорк. Кевлар (тогда мы его толком не знали, но он был новеньким, наравне с нами) навязался в попутчики.

В первую же ночь в клубе Чарли начал подкатывать к девушке из колледжа Смит. Она поведала мне, как ее соседка недавно порвала со своим парнем, поэтому поцелуй от горячего – ее слова, не мои – морпехотинца восстановит веру подруги в то, что не все мужчины козлы.

Будучи компаньоном Чарли, я знал – велики шансы, что ее подруга окажется страшненькой, однако выбора у меня не оставалось, и я был пьян.

Вот только она оказалась далеко не страшной. Девушка была красивая, с темными, полными надежды глазами. Я бы не смог вести себя по-свински, даже если бы захотел. Она не позволила мне ничего серьезней поцелуя – поверьте, я пытался – однако боги секса и без того улыбались мне до конца увольнительной. После поездки Кевлар, которому не удалось добиться успеха ни с одной встретившейся ему девушкой, начал звать меня любителем хаджи за поцелуй с мусульманкой. В Афганистан он отправился с разбитой нижней губой.

Когда все заканчивается, Пэйдж слезает с меня, и тоже откидывается на кровать, пытаясь отдышаться. Я сам дышу быстро; мои кости, похоже, расплавились.

– Боже, Трэв, я забыла, какой у нас чертовски хороший секс.

Она права. Было хорошо. Только когда адреналин начинает выветриваться, я ощущаю ненависть к ней. И к своему брату тоже. Но по большей части ненавижу себя.

– Тебе лучше уйти.

– Почему? – Пэйдж утыкается носом мне в шею, словно мы до сих пор вместе.

– Ты получила то, зачем пришла.

– Не веди себя так. – Она надевает бикини обратно. – Ты тоже этого хотел.

Пожимаю плечами.

– Ладно. Оставайся. Сможешь позавтракать со своим бойфрендом через пару часов.

Пэйдж смеется.

– Ты ревнуешь. Как мило.

– Не ревную.

На самом деле, не ревную. Если у меня и есть какие-нибудь чувства, так это злость – потому что она не изменилась, а все годы, проведенные вместе, были пустой тратой времени.

Глава 3

Я стою на потрескавшемся тротуаре Огайо Авеню у крошечного бело-оранжевого коттеджа, гадая, что делать дальше, когда из парадной двери выходит мужчина. Еще темно, поэтому поначалу мне кажется, что меня не заметят.

– Есть какая-нибудь веская причина, объясняющая, почему ты торчишь перед моим домом в 4:30 утра? – спрашивает он, поставив кружку-термос с кофе на капот древнего Лэнд Ровера. Его ключи звякают, когда он открывает водительскую дверцу. Мужчина оценивающе разглядывает мою промокшую от пота футболку. Дистанция между моим домом и пляжем Форт-Майерс великовата для пробежки, даже мост пересечь пришлось.

Толика ненависти к самому себе – хороший мотиватор.

– Случайно сюда попал, сэр. – У меня нет более подходящего ответа. После ухода Пэйдж я надел кроссовки и побежал. Даже телефон с собой не взял. – Не знал, куда еще податься.

– Занятное направление выбрал.

Я киваю.

– К тому же, плохо его продумал.

Он хохочет.

– Тебя подвезти куда-нибудь?

– Домой, если можно.

На крыльце загорается свет, из коттеджа выходит Харпер; деревянная дверь с москитной сеткой захлопывается за ней.

– Трэвис?

Она босиком, в маленьких пижамных шортах, которые делают ее длинные ноги просто бесконечными. Мне приходится отвести взгляд. Не хватало еще, чтобы у меня стояк начался на глазах у ее папы.

– Да, эмм... привет.

Отец Харпер приподнимает брови, но принимается за свой кофе без комментариев.

– Что ты тут делаешь? – Харпер спускается со ступенек на засыпанный песком газон. Судя по тону, я раздражаю ее немногим меньше, чем прежде. – Тебе одного синяка за день недостаточно?

Очевидно, нет.

– Я не мог уснуть, поэтому решил подышать свежим воздухом.

– Фигово выглядишь, – говорит она. – Ты пробежал все это расстояние?

– Практически.

Рот Харпер удивленно приоткрывается.

– Между нами около...

– Одиннадцать километров. – Они оба ошарашенно смотрят на меня, но одиннадцать километров – это пустыки. А вот то, что она знает, где я живу – уже интересней.

– Ну, ладно. – Мистер Грэй бросает взгляд на свои часы. – Мне пора на работу. Может, подбросишь меня, а потом завезешь Трэвиса домой?

– Я только переоденусь по-быстрому, – отвечает Харпер.

Облом. Мне, вроде как, пижама нравилась.

– Отличный Ровер, сэр. – Машина старше меня. Если не считать CD-плеера, который он, скорее всего, установил сам, в салоне не наблюдается никаких благ цивилизации. Окна открываются вручную, дверные замки тоже без автоматики, запасная шина прикреплена к капоту.

– Спасибо. – Дверца скрипит, когда мистер Грэй ее захлопывает. – Я купил ее еще в колледже. Каждые пару месяцев приходится менять какие-нибудь детали, что-то ремонтировать, но она у меня крепкая старушка.

– Если понадобится помощь... – Я замолкаю, чувствуя себя полным идиотом и подлизой.

– Разбираешься в машинах?

– Немного.

Он кивает.

– Ты же сын Линды Стефенсон, верно?

– Да, сэ. – Любопытно, что мистер Грэй упоминает мою маму, а не отца. Словно в нашем городишке есть еще один человек, не считающий бывшую звезду Грин-Бэй Пэкерс Дина Стефенсона пупом земли.

– Можешь звать меня Брайаном вместо сэра, – предлагает он. – А то я себя стариком чувствую.

– Да, сэ... – От старых привычек трудно избавиться. – Хорошо.

– Ты в детстве был таким говнюком. – Мистер Грэй из того разряда взрослых, кто может использовать термин "говнюк", при этом не выставив себя таковым. По той же причине его футболка с группой Meat Puppets смотрится вполне уместно, без лишнего пафоса. В любом случае, учитывая то, что в финале сегодняшнего дня я получил в глаз от его дочери и переспал с девушкой своего брата, данный эпитет мне вполне подходит.

– Ага. Был, не то слово.

Харпер вновь выходит из дома, на сей раз в тех же джинсах и голубой футболке, в которых была в баре. Когда она забирается на заднее сиденье, я оборачиваюсь, замечая у нее на футболке лицо Элвиса Костелло. Круто.

– Эй, забыл сказать тебе вчера, – говорит мистер Грэй, мимолетно глянув на дочь в зеркало заднего вида, вырывая с подъездной дорожки. – Я через интернет связался со своей давнишней подругой из колледжа. Она подумывает приехать в гости.

Харпер закатывает глаза.

– Мой папа открыл для себя фэйсбук.

– Чем вы занимаетесь, что у вас рабочий день начинается в такую рань? – спрашиваю я.

– Я веду утреннее шоу на радио Z88.

– Подождите. Вы Брайан из шоу Утреннее Z Брайана и Джо?

– Да, – отвечает он.

– Я заставлял своих сослуживцев слушать интернет-трансляции вашего шоу.

Мистер Грэй смеется.

– И они до сих пор с тобой разговаривают?

– Вы шутите? Они были в восторге. Вам надо объединиться с какой-нибудь крупной радиосетью, чтобы вас по всей стране вещали.

Утреннее Z – идеальное шоу, потому что они не притворяются, будто им известно все на свете, к ним приходят не отстойные гости, и музыки больше, чем болтовни. Все мои знакомые слушают это шоу.

– Мы обсуждали такой вариант, – говорит Брайан. – Но после объединения на нас начнут давить, чего мы не хотим. – Он смотрит на меня. – Знаешь, если захочешь заглянуть, рассказать об Афганистане...

Я представляю, как поведал бы всей юго-западной Флориде о том, что Кевлар когда-то мастурбировал на фото Чудо-Женщины – мультяшной, не Линды Картер. От подобной мысли у меня вырывается смешок.

– Я подумаю.

Несколько минут спустя мы останавливаемся возле радиостанции. Брайан приглашает меня на экскурсию, но я отклоняю его предложение. Нынче выдалась длинная, странная ночь. Похоже, я достаточно устал, чтобы заснуть без таблеток.

– Мне лучше вернуться домой.

Он скрывается внутри здания; Харпер пересаживается за руль.

– Ты голоден? – интересуется она, сворачивая на Дэниелс, в противоположную сторону от моего дома.

Такого вопроса я не ожидал. Мне не особо хочется есть. Я измотан и до сих пор чую запах Пэйдж у себя на коже. Вот только подозреваю, что Харпер на самом деле просит провести больше времени с ней. Возможно, это сделает меня козлом отпущения, однако я не хочу отказываться.

– Ужасно.

Она подъезжает к Вафельному Дому на шоссе I-75. Мы занимаем кабинку у окна. После нашего заказа на пару Чемпионских завтраков с перевернутой глазуньей и беконом, Харпер смотрит на меня.

– Почему ты здесь?

Я помешиваю ложкой свой черный кофе, чтобы хоть чем-то занять руки.

– Наверно, я хотел извиниться. В четырнадцать лет я был глупцом, и явно не добился особого прогресса с тех пор.

– Думаешь, извинения достаточно? – спрашивает она. – Ты знаешь, сколько парней хватали меня за задницу или говорили всякие мерзости, потому что думали, будто я из тех девушек, которым это нравится? У меня никогда не было бойфренда. Я не ходила на выпускной. Я даже на настоящем свидании не была.

– Мне жаль.

– Пэйдж... – Харпер резко выдыхает, словно на произнесение ее имени требуется больше усилий. Пэйдж оказывает такой эффект на людей. – Пэйдж Мэннинг в выпускном классе переспала чуть ли не с половиной нашего потока, включая твоего брата, пока ты был на службе, а шлюхой считают меня. Но хочешь услышать самую интересную часть?

Не хочу. И без того отвратительно себя чувствую. Харпер наклоняется вперед через стол; ее лицо буквально в сантиметрах от моего. Достаточно близко, чтобы различить россыпь веснушек у нее на щеках и

носу. Достаточно близко, чтобы ее поцеловать. И если бы я знал, что не получу в глаз снова, я бы, вероятнее всего, поцеловал.

– Я ни с кем не спала. Никогда.

– Мне...

– Знаю. – Она откидывается на спинку диванчика, не прерывая зрительного контакта со мной. – Тебе жаль.

Когда официантка ставит наши тарелки на стол, Харпер отводит глаза. Молча ковыряюсь в своих картофельных оладьях, желая понять, как все исправить. Чарли бы знал. В Нью-Йорке он плел сахарные речи девочкам, отчего те улыбались и смотрели на него зачарованно. Пусть я тоже получил свою долю, все равно мне не хватало его мастерства.

Я поднимаю взгляд; Чарли сидит рядом с Харпер, закинув руки на спинку сиденья, настолько близко, что я не пойму, почему она не чувствует этого, не видит его.

– По-крупному мы налажали, да, Соло? – спрашивает он.

Я молча наблюдаю, как Чарли протягивает руку – прям как в пехотной школе – и умыкает кусочек бекона с моей тарелки. Бекон не левитирует в воздухе. Сбоку от моего друга, Харпер с хрустом откусывает тост, не подозревая, что нас за столом уже трое.

– В смысле... – Он заталкивает целую полоску бекона в рот, медленно жует. – Я мертв, ты видишь то, чего на самом деле нет, и нам обоим некого в этом винить.

– Мы должны были кому-нибудь рассказать про мальчишку, – говорю я.

Харпер смотрит на меня.

– Что?

Чарли поворачивает голову, глядя на нее. Я замечаю глубокую рану у него на шее – кожа разорвана, по краям запеклась коркой темная кровь.

Живот сводит; вилка, выпав из моей руки, звонко стучается о тарелку. Я подрываюсь с места в сторону туалета, едва успеваю добежать до кабинки, прежде чем у меня начинается рвота. В глазах жжет, из носа течет; я стою, держась руками за стены, чтобы не упасть, до тех пор, пока рвотные позывы не прекращаются. Во рту кисло; сердце бьется слишком быстро.

– Трэвис, ты в порядке? – Харпер заглядывает в мужской туалет, когда я умываюсь холодной водой.

На долю секунды ненавижу ее, ведь она увидела меня в таком жалком состоянии, только Харпер не виновата в том, что надо мной издевается собственный мозг. Нет, я не в порядке. Я схожу с ума, мать вашу.

– Мне пора домой.

– Да, конечно. – Она выглядит растерянно, и я ее понимаю. Сначала я подкатываю к ней в дешевом баре. Затем появляюсь перед ее домом посреди ночи. Сейчас же меня выворачивает наизнанку в уборной Вафельного Дома. – Я, эээ... – Харпер смотрит на мое отражение в зеркале. Мне не удастся прочесть по выражению ее лица, о чем она думает. – Я позабочусь о счете.

– Я оплачу, – говорю, но за ней уже захлопывается дверь. Тем лучше, что Харпер меня не услышала. Бумажник я тоже забыл.

По пути к моему дому мы не разговариваем. По крайней мере, пока она не паркует Лэнд Ровер у моего двора.

– Тебе уже лучше? – интересуется Харпер.

Я не могу сказать ей, как увидел Чарли; что там, в кафе, он со мной говорил. Какой морпех – да вообще любой человек – захочет признать,

что у него мозги набекрень? Какая девушка захочет встречаться с таким парнем?

– Похоже. Спасибо.

Хотя, несмотря на мое странное поведение, между нами что-то изменилось. Словно она избавилась от мыслей, терзавших ее со времен школы. Думаю, Харпер больше не испытывает ко мне ненависти. Либо она считает меня убогим и жалеет – не идеально, но все же лучше, чем ненависть.

– Эй, Харпер, можно я задам тебе один вопрос?

– Валяй. – Она выглядит настороженно. Недоверчиво.

– Ты могла отвезти меня прямиком домой, но не отвезла, – говорю я. – Почему?

Харпер смотрит вперед через лобовое стекло, не оборачиваясь ко мне.

– Мне пора. Я на работу опоздаю.

Я не допытываюсь, просто вылезая из Ровера. Ее недоответа пока достаточно.

– Еще увидимся, Харпер.

Когда захожу в дом, обнаруживаю маму в одиночестве за кухонным островком. Сжимая в ладонях чашку кофе, она устало улыбается мне, затем смотрит на часы.

– Ты до сих пор гуляешь?

– Вроде того.

Раньше мама сажала меня под домашний арест за ночные отлучки. Сейчас она даже не спрашивает, где я был. В ее глазах столько печали.

– Кофе?

От усталости у меня практически слипаются веки, но, думаю, я выдержу еще несколько минут бодрствования, чтобы составить маме компанию. Провожу рукой по лицу. Надо бы побриться.

– Конечно, спасибо.

Она тянется к шкафчику с кружками, и я замечаю, что у нее на пальцах нет колец. Они лежат в миске с мыльным раствором возле раковины. Странно. Мама снимает их, когда моет посуду, но всегда надевает обратно. Она наливает кофе в кружку с надписью "Мама Морпеха" и протягивает мне.

– Ты в порядке? – спрашиваю я.

Мама кивает, не поднимая головы, поэтому мне не видно ее лица. Когда она наконец-то смотрит вверх, замечаю слезы у нее в глазах. Черт. Эта ночь никогда не закончится. Мама промокает нос салфеткой.

– Твой папа вчера не пришел ночевать.

– Какого...? Почему? Где он?

– Я не знаю, – отвечает она. – Звонила ему на сотовый, но он не ответил.

Что-то неладно.

– Мам, что происходит?

– Он... мы не очень ладили в последний год. Не знаю, возможно, я сама во всем виновата.

Я подхожу к ней, обнимаю. Подобные проявления привязанности даются трудно – не только потому, что меня так долго не было дома. Я к

этому не привык. Она падает мне на грудь, слова и рыдания вырываются наружу, словно плотину прорвало.

– Пока ты был в Афганистане, я немного... ну, я немного обезумела, – признается мама. – Ты не представляешь, как я за тебя боялась. Допоздна сидела в интернете, общалась с родителями других пехотинцев, гуглила твое имя, пытаюсь убедиться, что ты жив. Каждый раз, видя новую статью о потерях среди войск США, я в ужасе ждала, что кто-нибудь позвонит в дверь и сообщит о твоей гибели. Затем они обнародовали имена, и я плакала с облегчением, не обнаружив в списке своего сына, потом плакала еще дольше, ведь чьи-то сыновья все равно умерли. Я с одержимостью следила за своим телефоном, чтобы он всегда был заряжен, проверяла его миллион раз в день, чтобы не пропустить твой звонок.

Мама вытирает глаза, но поток слез не прекращается.

– Из-за переживаний о тебе я не обратила внимания, когда твой папа стал задерживаться на работе. По крайней мере, я думала, что его отсутствие связано именно с работой.

Это не ее вина. А моя.

– Он мне изменяет, – заявляет она.

Мы все сволочи. Я. Райан. Отец. Все по одной и той же гребанной причине, хоть мотивы у нас и разные. То, что я здесь, утешаю ее, ничего не решает.

– Я его убью.

Мама вздыхает, шмыгнув носом, и отстраняется назад.

– Нет, все в порядке. Я не хотела... – Она проводит ладонью по влажному пятну у меня на футболке. – Я не собиралась взваливать это на твои плечи. Одному Богу известно, тебе и своих забот хватает. – Мама смотрит мне в лицо. – Трэвис, ты с кем-то подрался?

– Не совсем. Длинная история, – отвечаю я. – Ты спала?

Она качает головой, указывая на лист, лежащий на столешнице. Список покупок. Печенье для участия в распродаже выпечки и мойке машин, устраиваемых командой болельщиц. Химчистка. Я сминаю лист.

– Поспи сначала. А папа сам сможет забрать свои вещи из химчистки.

Ее глаза вновь наполняются слезами.

– Ты такой хороший человек, Трэвис.

Если бы мама знала, какую боль я хотел причинить собственному отцу, то поняла бы – до хорошего человека мне далеко.

– Иди спать, мам.

Я наконец-то добираюсь до своей спальни и падаю на кровать – слишком вымотанный, чтобы думать о папе или Харпер, или даже об излишней мягкости матраса. Если мне и снились какие-нибудь кошмары, они забываются до того, как я вновь открываю глаза.

Глава 4

Над головой медленно крутится потолочный вентилятор, и я не пойму, почему ощущаю запах овсяного печенья. Через мгновение до меня доходит, что я до сих пор во Флориде. Интересно, привыкну ли когда-нибудь опять просыпаться дома. Смотрю на будильник. Я отключился всего на пару часов, но сейчас сна ни в одном глазу.

Переодевшись из нижнего белья в плавки, иду к бассейну. Большинство парней похудели за время службы. Потому что, несмотря на высокую калорийность ИРП, разработанных так, чтобы на одном-двух человек мог продержаться целый день, они не в состоянии возместить вес, который ты теряешь, взбираясь по гористой местности при 40-градусной жаре в обмундировании на 30 кг. Я практически постоянно был

голоден. Пусть мне не повредит набрать пару килограммов, однако это не значит, что я могу совсем облениться на побывке.

Примерно на пятом круге замечаю тень у края бассейна. Всплыв на поверхность, вижу отца, одетого в бледно-голубую футболку для гольфа и клетчатые бермуды.

– Привет, чемпион. – Он говорит как кретин. Чемпион – старое прозвище, еще тех времен, когда я потакал звездной болезни Дина Стефенсона. Отец чередовал его со спортсменом, тигром и киллером. Думаю, последнее сейчас подходит точнее остальных, но из уст этого продавца подержанных машин они все звучат лицемерно. Мы не станем друзьями, потому что он вновь счел меня достойным.

Держась за бортик и глядя ему в глаза, жду, пока отец скажет, зачем пришел. Его кадык опускается, когда он нервно сглатывает, отчего я мимолетно ощущаю чувство удовлетворения. Столько лет его боялся, но сейчас я больше и сильнее.

– Не хочешь съездить со мной на стрельбище? – спрашивает отец. – Чтобы не мешаться у матери под ногами, пока она готовится к сегодняшнему ужину.

– Какому ужину?

– К нам в гости придут Дон и Бекки Михальски.

Дон – папа моего друга Дерека. Он тренер, вечно орет на поле и злится, если игроки, тренера и рефери не выполняют его распоряжений. Завязывает драки с другими родителями. Ему навсегда запретили появляться на территории школы Ида Бэйкер за то, что он ударил их футбольного наставника. Мама ненавидит Дона, а его жена стыдится появляться с ним на публике. Не знаю, почему она согласилась пригласить его на ужин. Только если... дело не в Доне. А в Бекки.

– Думаю, мне лучше остаться дома, – говорю я. – Маме помочь.

– Уверен? – На миг замешательство отражается на его лице. – Я бы хотел посмотреть, каков ты в деле.

Никогда по собственной воле не проводил время с матерью, но сейчас ее компания гораздо предпочтительней его жалких попыток строить из себя хорошего отца. К тому же в лагере для новобранцев я получал высшие баллы за стрельбу на меткость. Вероятно, будет лучше, если он не увидит меня в деле.

– Уверен.

Отец стоит на месте, когда я отплываю. Еще какое-то время вижу его тень на поверхности воды, словно он ждет, что я передумаю. Мне стоит огромных усилий не вылезти из бассейна, чтобы набить ему морду. Вместо этого я плаваю.

Меня самого можно считать лицемером после того, что случилось прошлой ночью с Пэйдж, только есть разница между тем, как я переспал со своей бывшей девушкой за спиной брата и тем, как мой отец изменяет собственной жене. Мы с Пэйдж использовали друг друга подобным образом много лет, отдаваясь, потом опять сбегаясь, будто растянутая резинка. Единственный, кто может пострадать в нашей ситуации – это Райан, но он ведь не собирается жениться на Пэйдж Мэннинг.

На кухне уже суетится мама, как обычно собранная, если не считать усталости во взгляде. У нее сумка на плече, смятый список в одной руке и ключи от новенького Шевроле Suburban (одно из преимуществ статуса супруги владельца автосалона) в другой.

– Не хочешь со мной съездить?

– Конечно.

Она выглядит удивленно.

– Правда?

– Правда. – Я натягиваю свои форменные сапоги. Они поношенные и исцарапанные, с засохшими следами от капель крови на мысках. Воняют хуже кучи дерьма, но у меня нет другой обуви, кроме беговых кроссовок, которые я ненавижу. Я купил себе новую пару Adidas Samba после выпуска из лагеря для новобранцев, но в пехотной школе забыл однажды замкнуть свою раздевалку, и их украли. – И какую же отговорку придумал папа?

– Сказал, что Стив Фишер пригласил его пропустить стаканчик. Он не хотел садиться за руль пьяным, поэтому остался ночевать, – объясняет мама. – Он позвонил мне перед тем, как отправился играть в гольф, сообщил, что с ним все в порядке.

Я иду за ней следом в гараж.

– Ты ведь знаешь, что я его убью, да?

Намек на улыбку мелькает у нее на губах, когда мама заводит машину, словно она представляет эту картину и идея ей нравится. Затем ее выражение преобразуется в нечто более соответствующее родителю, с налетом неодобрения.

– Трэвис, он твой отец.

Ему не полагается скидка, потому что мы делим ДНК. Скорее наоборот, это дает еще больше поводов надрать отцу задницу.

– Ты не должна спускать ему с рук подобное, мам. Просто потому...

– Давай поговорим о чем-нибудь другом. – Она слишком сильно сжимает руль руками, кажется, еще чуть-чуть, и совсем оторвет его от приборной панели. Тема закрыта. Полагаю, это справедливо. Мама довольно искусно избегала разговоров об Афганистане, подозреваю, потому что прочитала какую-то статью в Интернете, утверждавшую, что я сам все расскажу, когда буду готов. Вряд ли я буду когда-либо готов,

однако должен с равноценным уважением отнестись к ее просьбе, наверно.

– Вся моя старая одежда больше не подходит, и мне нужна новая обувь.

Мамина улыбка становится шире.

– А вот это уже по моей части.

На улице Сан-Карлос мы проезжаем мимо Клуба ветеранов – сомнительной забегаловки, никак не связанной с другими клубами в стране, но на их стоянке всегда полно машин. Дед, бывший морпехом 3 батальона 7 полка морской пехоты во времена Корейской войны, как-то раз водил меня сюда, когда приезжал в гости из Грин-Бэй.

– Эй, эмм... ты не хочешь перекусить?

Вообще-то, я не из тех, кто присоединяется к ветеранским организациям – особенно учитывая то, что до сих пор нахожусь на службе – но от пива бы сейчас не отказался, и... не знаю. Может, хотя бы там не буду чувствовать себя не в своей тарелке.

– Здесь? – Мама скептически окидывает взглядом клуб. – Эээ... конечно.

Внутри место выглядит еще хуже, чем у меня в памяти. На стенах нарисованы эмблемы всех видов вооруженных сил, только выполнены они неумело и непропорционально. Столы шатаются, стулья не сочетаются, но бармен протягивает мне заявку на членство, которую называет формальностью.

– Ирак? – спрашивает он.

– Афганистан.

– Морпех?

– Так точно, сэр.

– Semper Fi, сынок. – Мужчина пожимает мне руку, и я вижу его татуировку в виде надписи "Смерть превыше бесчестия". Кевлар сделал себе такую же на спине после лагеря для новобранцев. Бывалые морпехи из нашего взвода беспощадно его изводили из-за нее. – Если хотите остаться на ланч – располагайтесь, – говорит бармен. – Блюдо дня на сегодня: рыбные сэндвичи с картофелем-фри и капустным салатом.

Я заказываю два сэндвича и графин пива. Он наполняет его без колебаний.

– Трэвис. – Мама хмурится, когда я разливаю пиво по пластиковым стаканам. Наклонившись вперед, она шепчет, словно мы делаем что-то запрещенное. – Тебе еще нет двадцати одного.

– Я ветеран зарубежной войны. – Протягиваю ей один стакан. – Что еще важнее – меня замучила жажда.

Поначалу мы не говорим об отце. Вообще ни о чем не говорим. Просто пьем пиво, соглашаемся, что сэндвичи получились довольно вкусные, гадаем, из какой именно рыбы они сделаны.

– Я подумываю встретиться с адвокатом. – Мама пополняет наши стаканы. Я вытираю рот тыльной стороной ладони. Она протягивает мне салфетку. Застольный этикет атрофируется, если не имеешь стола как такового. Чаще всего мы ели, сидя на земле. Места было вдоволь, поэтому фраза "Эй, придержи мне местечко" стала нашей с Чарли дежурной шуткой.

– Да?

Мама кивает.

– Я... я немного напугана.

– Почему?

– Мы прожили вместе столько лет, – отвечает она. – Я не знаю, как существовать одной. Или чем заняться.

– Ты могла бы вернуться в школу.

Мама неуверенно улыбается.

– Мы оба могли бы.

Мне еще три года служить, но она думает, я использую свои военные льготы на получение образования. Решаю не говорить ей, что меня по-прежнему не интересует колледж. Не представляю себя учителем, или экономистом, или адвокатом. Или даже женатым, с детьми.

Чарли всегда знал, чего хочет. Порой в Афганистане, пока мы лежали на полу, уперев ноги в разрушенную стену, и передавали друг другу сигарету, он рассказывал, как хочет пойти в кулинарную школу после армии.

– Я хочу стать шеф-поваром, Соло. Но не каким-то пафосным, который готовит микроскопические блюда с непроизносимыми названиями, знаешь? Хочу открыть ресторан, где обычные люди смогут заказать изысканную кухню, не чувствуя себя глупо или гадая, какую вилку использовать.

Я ни разу не акцентировал, что обычных людей еда такого рода мало интересует, потому что это была его мечта. Кто я такой, чтобы ее рушить?

– Что насчет тебя, Трэв? – спросил Чарли.

– Не знаю, чувак, – ответил я. – Может, подамся в разведку.

Он посмеялся, ведь мы очень быстро выяснили, что над энтузиастами, собиравшимися продлить контракт или перейти в разведку, всегда шутят.

Морпехи-разведчики – специально подготовленные скауты. Элита. Многие парни идут в морскую пехоту в надежде стать разведчиками; они думают, это круто, только им приходится выдержать невероятно жесткие

тренировки. Я всего год назад окончил школу, и понятия не имел, чем заняться в будущем. Тогда с Чарли я лишь шутил, но сейчас... не знаю. Думаю, я бы смог.

А теперь Чарли мертв, и мне с трудом представляется моя дальнейшая жизнь. Тем не менее, говорю в угоду маме:

– Может быть. В любом случае, ты должна встретиться с адвокатом. Я пойду с тобой, если захочешь.

Улыбка сходит с ее лица. Судя по всему, легкий хмель взворошил некие сомнения. Мама смотрит на часы.

– Трэвис. – Она икает. – Нам пора. Мы еще не купили продукты.

– Дай мне ключи. – Оплатив счет и отдав свою заявку, следую за мамой к машине. Уже в салоне она никак не попадет ремнем безопасности в застёжку, поэтому мне приходится ей помочь. – Нам лучше вернуться домой. В магазин заедем потом.

– Твой папа рассердится. – Мама зевает. – Я хочу вздремнуть.

Я смеюсь. Никогда не видел ее в таком состоянии.

– Ладно, вздремнуть, так вздремнуть.

Отец смотрит гольф по телевизору с бутылкой пива в руке, когда мы входим в дом.

– О, отлично, вы уже вернулись, – говорит он. – Линда, ты не забыла купить пиво?

Она кивает, подняв три пальца, затем второй рукой загибает один, чтобы осталось два.

– Два графина.

Моя мама пьяна. Это в своем роде... забавно.

Глаза отца сужаются.

– Ты пила? – Он поворачивается, недовольно глядя на меня. Хороший папочка исчез. Настоящий папочка вернулся. – Трэвис, ты напоил свою мать?

Пожимаю плечами.

– Можешь винить меня, если хочешь.

– Почему ты ее не остановил? – Он поднимается на ноги, его глаза горят, тон голоса повышается на октаву. – К нам вечером придут гости, а еще ничего не готово. – Отец вновь обращается к маме. – Не знаю, почему я удивлен. У тебя всегда найдется время купить Трэвису носки или всю ночь переписываться с незнакомцами о пребывании своего сына в Афганистане, но когда я прошу тебя о маленьком одолжении...

– Дело не в Трэвисе, – возражает она.

– Разумеется, в Трэвисе, – огрызается он. – Дело всегда в Трэвисе.

– Мам. – Я не свожу с него взгляда. – Почему бы тебе не вздремнуть, как ты и собиралась? Я обо всем позабочусь.

– Но...

– Все нормально. У меня все под контролем.

Она неуклюже целует меня в щеку.

– Ты такой хороший мальчик.

До хорошего мне сейчас ой как далеко.

– Я думал, в армии ты повзрослеешь, – говорит отец, когда мама оказывается вне зоны слышимости. – Но ты остался таким же непочтительным мелким паршивцем, каким был до отъезда.

Хватаю его за воротник рубашки. Мелкому паршивцу не составляет труда притянуть отца к себе. Он напуган. И правильно, ведь нет ничего страшнее бойца, которого вывели из себя.

– Знаешь, чем я занимался сегодня в шесть утра? Сидел на кухне с мамой. Она прождала тебя всю ночь. Нехрен мне заливать про уважение.

Отец молчит, вытаращив глаза. Меня это радует, хотя и не должно.

– Если хочешь быть ничтожеством, изменяя маме налево и направо, потому что она уделяет внимание кому-то, помимо тебя – валяй. Но мной не прикрывайся.

Отталкиваю его слегка, разжав кулак. Он отшатывается назад. Если бы я хотел сбить его с ног, он бы уже валялся на полу, только это было мое предупреждение.

– Я в магазин. – Подхватываю ключи от машины. – Надо ведь оказать Бекки радушный прием.

Загорелое лицо папы бледнеет. Он достает свой бумажник.

– Тебе... тебе нужны деньги?

– Не от тебя.

Уже в супермаркете понимаю, что у меня проблема – я забыл мамин список. Понятия не имею, что нужно готовить на званые ужины, даже для людей, которых ненавидишь.

Направляюсь в мясной отдел.

– Чем могу помочь? – интересуется мясник.

– Что бы вы приготовили, если... эмм... если бы ждали гостей на ужин?
– Боже, я чувствую себя идиотом.

– Жаркое – всегда удачный выбор, – предлагает он. – Или свиные отбивные. А может, отбивные из молодого барашка.

Отбивные из молодого барашка? Я отхожу от прилавка, останавливаюсь перед холодильной камерой с различными видами мяса. Не представляю, что купить. По большей части я даже не разберусь, что есть что. Это какой-то кошмар.

– Тебе помочь? – спрашивает женский голос у меня за спиной.

Я уже собираюсь бросить оскорбленное "нет" через плечо, когда ко мне подходит Харпер. Волосы так же растрепаны, глаза так же зелены. Наверно, я бы мог целую вечность смотреть на ее лицо, и мне бы не надоело.

– Если скажу "да", твое мнение обо мне испортится?

Она пожимает плечами, но я замечаю улыбку в уголках ее рта.

– Мое мнение о тебе и без того испорчено.

– Ты же не собираешься опять меня ударить, да?

– Ну, не планировала, однако предпочитаю не ограничивать себя в возможностях. – Харпер ставит свою пластиковую корзину в мою тележку. – Итак, у тебя намечается званый ужин?

– Да, то есть, нет. У моей мамы намечается, но она... не очень хорошо себя чувствует, поэтому я решил сам все купить, отвезти домой и приготовить.

Харпер скептически склоняет голову набок.

– Умеешь ли ты готовить, Трэвис?

– Что может быть сложного? – Ее брови приподнимаются; она ничего не отвечает, заставляя меня рассмеяться. – Ладно, не умею. Но хочу сделать что-нибудь приятное для нее.

Улыбка Харпер – словно награда, меня будто солнечным светом озаряет.

– Может, тебе стоит начать с чего-то простого, но вкусного, – говорит она. – Например... Хорошо, у меня есть идея.

Я иду за ней в овощной отдел, обратив внимание на правый задний карман ее джинсов с белесоватой потертостью в форме круга – там когда-то хранили баночку жевательного табака. Джинсы из секонд-хенда. Раньше я тоже покупал одежду в основном в секонд-хенде. Мне нравилось, что вещи уже разношенные, мягкие.

По пути Харпер учит меня, как выбирать свежие помидоры, только я практически не слушаю. Я думаю о Бекки Михальски. Почему папа завел интрижку с ней? Она же заурядная, особенно по сравнению с мамой. Мне кажется, в данной ситуации Бекки – самая большая неудачница. Переключиться с Дона на моего отца – плачевная перспектива.

– Трэвис, ты тут? – Харпер машет рукой у меня перед лицом.

– Я чуть не ударил своего папу сегодня. – Не знаю, что на меня нашло, зачем разболтал об этом Харпер Грэй посреди овощного отдела супермаркета Винн-Дикси, однако почему-то доверился ей.

– Почему?

– Он изменяет маме.

– Я... ого, мне жаль. – Она смотрит на меня снизу вверх. В ее глазах я не вижу жалости, либо удовлетворения, потому что мне достался пинок от кармы за то, как обошелся с ней в школе. Взгляд Харпер просто полон грусти. – Хочешь об этом поговорить?

– Не очень.

Именно эти слова сходят с моих губ, только дальше я ловлю себя на том, что, облокотившись на ящик с овощами, рассказываю ей все. Включая то, как напоил маму.

Услышав про этот момент, она улыбается.

– Необычно... но по-своему мило.

Она подходит ближе. Теперь мы перекрываем доступ к авокадо. Рука Харпер касается моей, отчего волосы у меня на затылке встают дыбом.

– Моя мама ушла, когда мне было десять. Она уехала обратно в Данию, чтобы позаботиться о бабушке, умиравшей от рака, и больше не вернулась.

– Ох, черт. Я не знал.

– Былое дело. – Ее плечи небрежно приподнимаются. Хотя, похоже, данный жест гораздо многозначительней, чем она намеревалась показать. – Довольно долго я думала, что сама виновата. В смысле, если бы я была лучше, то она бы не ушла. Затем поняла, что я тут ни при чем. Тогда мне тоже хотелось ее ударить. Но она была далеко.

К отделу подходит пожилой мужчина, и нам приходится его пропустить. Харпер ведет меня к ящику с различными травами, собранными резинками в пучки. Все выглядит одинаково – зеленое и пушистое – однако она поясняет, что мы ищем базилик.

– Ты хоть как-то контактировала со своей мамой после ее отъезда? – спрашиваю я, вручая ей пучок базилика.

– Она присылает мне открытки ко дню рождения каждый год, – отвечает Харпер, когда мы направляемся в отдел макаронных изделий. – Правда к открыткам прилагает датские кроны вместо долларов. Их даже конвертировать не стоит. – Она бросает несколько упаковок пасты пенне в тележку. – А в подарок на окончание школы прислала мне билет до Копенгагена.

– Ты поехала?

– Да... мама, эээ, живет в общежитии в Христиании с кучей другого народа, так что, на протяжении моего визита она либо рисовала у себя в студии, либо курила травку со своим двадцатидвухлетним бойфрендом. Я спала на диване, провонявшем кошачьей мочой.

– Хреново.

Харпер кивает, забирая с полки банку черных оливок.

– Хотя сам город мне понравился. Я самостоятельно съездила в Леголенд, купила там себе этот милый брелок. – Она свешивает свои ключи с пальца, демонстрируя брелок в виде желтой лего-утки.

– Ты ее ударила?

– Нет. – Ее нос морщится, когда она улыбается. – Но больше по ней не скучаю. – Мы останавливаемся перед прилавком с морепродуктами. – Закажи килограмм креветок. А я пока схожу за сыром и хлебом, и с покупками будет покончено.

Если бы Харпер попросила меня нырнуть в Мексиканский залив и наловить креветок голыми руками, я бы согласился. К тому моменту, когда продавец упаковывает мой заказ, она возвращается с длинным батоном и блоком твердого белого сыра, явно не похожего на ту переработанную оранжевую жижу, которую ел я. По-прежнему не имею ни малейшего представления, что буду готовить, однако выглядит впечатляюще. Слишком хорошо для Михальски. Слишком хорошо для моего отца.

– Значит, вы с папой живете вдвоем? – спрашиваю, пытаюсь вообразить, каково бы было расти только с мамой. – Я удивлен, что он не женился повторно.

– Он ни с кем особо не встречался, – отвечает Харпер. – Но сейчас... не знаю. Папа проводит много времени, переписываясь по электронной

почте с какой-то женщиной, с которой познакомился еще до встречи с мамой... Я чувствую себя странно из-за этого.

Она подталкивает тележку к кассе. Когда кассир заканчивает пробивать покупки, включая те, что лежали в корзинке Харпер, я оплачиваю чек.

– И что мне со всем этим делать?

– Я запишу рецепт для тебя.

– Ты могла бы зайти и...

– Думаю, ты справишься. – Наши взгляды пресекаются на мгновение, и я ищу хоть какой-нибудь намек. Хоть что-то. Но она опускает глаза, разглядывая свои вьетнамки со стеснительностью, которая убивает меня самым приятным образом. Харпер шутливо ударяет кулаком по моему плечу. – Приспосабливайся и преодолевай, морпех.

Я смеюсь. Хочу еще кое-что сказать, но ее лицо начинает принимать испуганное выражение, словно у олененка в свете фар. Такое ощущение, что она в любую секунду сбежит. Я отмыкаю машину и достаю блокнот (мама всегда хранит их на центральной консоли, независимо от того, какую машину на данный момент водит). Наши пальцы соприкасаются, когда передаю блокнот Харпер; ее щеки розовеют. Интересно. Невыносимо, но интересно.

– Все просто, – говорит она, что-то записывая. – Обжарь помидоры, потуши креветки, отвари пасту, смешай ингредиенты вместе, потом посыпь тертым сыром сверху. Подай вместе с хлебом на тарелке.

– Звучит так, что только дурак не справится.

– Ну... – Харпер протягивает мне блокнот. – Ты же готовить будешь.

Мы просто стоим на парковке и смотрим друг на друга. Полуденное солнце подчеркивает золотые и красные отливы в ее волосах, веснушки у

нее на носу. Меня вновь порывает поцеловать Харпер. Вместо этого протягиваю руку и легко дергаю прядь ее волос.

– Спасибо. Без тебя я бы ничего не смог сделать.

– Не стоит благодарности. – Она отмахивается, словно это пустяки, но я практически уверен, ее поступок что-то значит. Только вот не знаю, что именно.

Еще даже не выйдя из машины, слышу громкую музыку, доносящуюся из дома. Сначала думаю, что это Райан, но звучит не то несурзное поп-металлическое дерьмо, которое он предпочитает. Арета Франклин голосит про У-В-А-Ж-Е-Н-И-Е.

О-ой.

Я открываю дверь. Мама сидит на своем любимом месте за кухонным островком, возле ее локтя стоит бокал белого вина. Ее глаза припухли и покраснели.

– Ты в порядке? – спрашиваю, поставив пакеты с продуктами на стойку. – Что случилось?

Она выключает стерео, утирает нос рукавом старой потрепанной футболки, когда-то принадлежавшей мне. Мама носит старье только во время уборки.

– Я его выгнала.

– Что?

– Твоего папу, – говорит она. – Когда я проснулась, мы поругались по той же причине, по какой ругались весь прошедший год – мол, я такая ужасная и пренебрежительная, потому что жутко переживаю за тебя. Поэтому я отменила ужин с Михальски и сказала ему, чтобы шел туда, где провел прошлую ночь, пока с ним не свяжется мой адвокат.

– Ни фиги себе, мам. Вот это смелость.

Что-то среднее между икотой и смешком вырывается у нее из груди, но затем ее глаза вновь наполняются слезами. Ох, черт. Хватит плакать.

– Я правильно поступила, Трэвис?

Было бы проще солгать, сказав "да". Мне все равно, останется отец или уйдет, но она его любит.

– Не знаю.

– Может, я сама во всем виновата. – Мама тянется к своему сотовому.
– Может, мне стоит позвонить...

– Нет. – Я накрываю ее ладонь своей. – Папа должен сам решить, что для него важнее.

– Ты прав. Просто... Он ведь мой муж.

– Я знаю.

Она шмыгает носом.

– Ты купил продукты?

– Да, так что, давай, сделай музыку погромче, или еще чего... У меня все под контролем.

Мама приподнимает брови, отпивая вино, но не возражает. После чего снова включает Арету. Не так громко, как прежде, однако достаточно, чтобы нам не пришлось продолжать беседу. Это хорошо, потому что я не знаю, какими словами ее подбодрить.

– Тебе нужна помощь? – интересуется она.

– Я справлюсь.

Уголки ее губ приподнимаются в неуловимой улыбке.

– Ты всегда таким был.

– Каким?

– Независимым. Упрямым. Как только научился ходить, на все отвечал: "Я сам"; и злился, если я тебе помогала. Даже тогда ты пытался убежать от меня.

Мама делает глоток вина.

– Я устроилась на работу в твою школу только для того, чтобы принимать хоть малейшее участие в твоей жизни. Всегда завидовала твоему папе, потому что он проводил так много времени с тобой.

– Серьезно?

– Отдаю тебе должное, ты долго продержался в футболе. Особенно учитывая то, что ты его ненавидел.

– Ну, просто к твоему сведению, – говорю я, доставая три помидора из пластикового контейнера одной рукой. – Я никогда не пытался от тебя убежать.

– Ты не представляешь, насколько я рада это слышать. – Вот только она снова всхлипывает, будто вот-вот заплачет, а мне этого больше не хочется.

– Эй, мам?

– Да, Трэв?

– Как обжаривают помидоры?

Мама улыбается.

– Тебе все-таки нужна помощь?

Я киваю.

– Да, нужна.

Глава 5

Уже без пятнадцати пять, а я до сих пор не сплю.

Одеваюсь в темноте, спускаюсь вниз, снимаю ключи от маминой машины с крючка возле гаражной двери и просто еду, сам не зная куда. На шоссе US41 пусто в столь ранний час, но меня это вполне устраивает. Мама всегда считала, что я ничем хорошим не занимался, пропадая ночами напролет, однако чаще всего я просто ездил по окрестностям. У меня мелькает мысль свернуть на север и отправиться в Северную Каролину, только мне пока еще нельзя туда возвращаться.

Спустя пару дней после нашего возвращения из Афганистана сержант Пералта, командир моего отделения, решил со мной побеседовать.

– Хотел проверить, – сказал он. – Ты в порядке?

– Да, все хорошо.

– Уверен? Потому что ты, похоже, еле ноги волочишь. Это на тебя не похоже.

Кошмары практически не давали мне спать по ночам.

– Наверно, просто устал.

– Послушай, я опасаясь, что ты плохо справишься со смертью Чарли, – сказал Пералта. – Как друг, я тебе советую взять себя в руки, прежде чем кто-либо из вышестоящих заметит.

– Я в порядке. Мне просто нужно купить себе новехонький Мустанг и зажечь со стриптизершей.

Он засмеялся, ведь мы только что прослушали двухчасовую лекцию на тему управления денежными средствами – по сути, нам втирали, что не нужно зря транжирить деньги на дорогие машины, спускать их в казино,

или жениться на девушках, которые растратят все наши сбережения, а потом бросят ради другого морпеха. Только вот я не совсем понимал, на что намекал Пералта. Он хотел, чтобы я обратился к мозгоправу? И что случится со мной – с моей карьерой – если обращусь?

– Ты хороший морпех, Трэвис, и я хочу увидеть, как ты добьешься успеха, – продолжил мой начальник. – Поэтому я настоятельно рекомендую тебе взять дополнительные две недели отпуска, помимо стандартных двух, чтобы во всем разобраться.

– Это вы тоже как друг рекомендуете?

– Сам решай, – ответил Пералта.

Мне не хотелось брать такой долгий отпуск, и уж тем более чертовски не хотелось возвращаться домой, но это был приказ, замаскированный под совет. А я слишком уважал командира, чтобы не подчиниться.

Я въезжаю на стоянку перед Вафельным Домом – единственным круглосуточным заведением в городе. Войдя внутрь, вижу стоящую за стойкой Харпер в серой форменной футболке и черном фартуке. Ее волосы собраны в узел на макушке. Когда она меня замечает, на секунду хмурит брови, затем ее губы растягиваются в фальшивой улыбке.

– Привет, добро пожаловать в Вафельный Дом.

– Ты тут работаешь? – Я сажусь на один из стульев перед барной стойкой.

К фартуку Харпер прикреплен значок с надписью "Даже с половиной мозга я буду в два раза умнее тебя". Она закатывает глаза.

– Нет, идиот. Я просто надела униформу, чтобы получить бесплатную еду.

Я смеюсь, когда Харпер наклоняется через прилавок и легко щелкает меня по лбу пальцем. Игривый жест. Приятная перемена после хука в глаз.

– Ты за мной следишь, Трэвис?

– Что? Нет!

Она приподнимает брови, скрестив руки на груди, словно не верит мне, но, кажется, не сердится.

– Ты появляешься в том же месте, где нахожусь я, уже в четвертый раз за три дня.

– Абсолютная случайность, – говорю я, пока Харпер ставит на стойку кружку и наполняет ее кофе. – Кроме, знаешь ли, того раза, когда я очутился около твоего дома, но то было непреднамеренное намерение. Вопрос вот в чем – ты против?

Она пропускает мои слова мимо ушей.

– Заказывать будешь?

– Давай еще раз попробуем с Чемпионским завтраком.

– Перевернутая глазунья с беконом?

Я улыбаюсь.

– Ах, ты запомнила.

Харпер показывает мне средний палец, сообщая мой заказ повару, после чего снова смотрит на меня.

– Чем ты сегодня занимаешься?

– Ем в Вафельном Доме?

– Нет, я имею в виду вечером, – уточняет она. – После того, как ты ляжешь спать и опять проснешься.

Не знаю, что под этим подразумевает Харпер, так как я вряд ли сегодня усну, но согласен на все.

– Чем пожелаешь.

– Чем пожелаю? – Ее улыбка заставляет меня задуматься, на что я подписался. – Отлично. Я заеду за тобой в девять вечера.

– Итак, что мы будем делать? – Интересуюсь я, бросив взгляд на заднее сиденье Лэнд Ровера, где лежат маленькая лопата, черный полиэтиленовый мешок и фонарик с линзой, заклеенной красной пленкой. – Труп хоронить?

Харпер хитро улыбается.

– Возможно.

Черт, клево-то как.

– Мы будем следить за гнездами. – Она вручает мне большой стаканчик кофе.

– Что это значит?

– Ну, сейчас самый разгар периода гнездования у морских черепах, – поясняет Харпер. – Эта конкретная кладка была отложена пятьдесят пять дней назад, так что сегодня потомство должно начать вылупляться.

Я не самый большой романтик, но когда красивая девушка приглашает парня на пляж ночью, черепахи при этом обычно не задействованы. К тому же не ожидал подобного от Харпер.

– Так мы... помогать будем?

– В каком-то смысле. Мы предоставим им все возможные преимущества, не нарушая естественного процесса. Я решила, что ты должен быть хорош в копании траншей, поэтому позвала тебя.

Морпехи носят с собой складные лопатки, которые причисляют к шанцевым инструментам. Малая пехотная лопата, или МПЛ, если сокращенно. Мы используем их, чтобы выкапывать ямы для сна, закапывать мусор и испражнения. Так что, да, я очень хорошо копаю.

– Это единственная причина?

Она улыбается, прикусив губу, отчего у меня выбивает весь воздух из груди.

– Возможно.

По пути к пляжу Харпер объясняет, что я должен буду выкопать траншею от гнезда до кромки воды, а она натянет полиэтиленовый тент. К пленке прикреплены деревянные колья на некотором расстоянии друг от друга. Ее нужно будет расположить вокруг гнезда и над траншеей. Получится эдакая труба, направляющая маленьких черепашек в нужную сторону, и защищающая от енотов, крабов и всех остальных, кто захочет ими поживиться.

– Давно ты начала наблюдать за гнездами?

– Пару лет назад, – отвечает Харпер. – Я планирую изучать морскую биологию.

Меня так и тянет отвесить шутку про биологию морского пехотинца, но, судя по улыбке, для нее это важно, и я не хочу все испортить тупым юмором.

– Круто.

– Что насчет тебя? – Харпер нажимает кнопку на CD-плеере. Джо Стаммер начинает петь об искуплении. – Собираешься в колледж после окончания службы?

– Не знаю. Мне еще долго служить, поэтому я подумываю пройти базовый разведкурс. – Понятия не имею, почему рассказываю ей об этом,

только правда как будто непроизвольно срывается с губ. Клянусь, если кому-нибудь понадобится выпытать у меня тайную информацию, очевидно, им просто нужно будет закрыть меня в одной комнате с Харпер. С Чарли я упоминал про разведку лишь в шутку, однако сейчас, когда поделился с кем-то еще, данная опция кажется все более реальной.

– Что это значит?

– Разведывательные подразделения морской пехоты – это спецвойска в своем роде. Как спецназ ВМС или армейские рейнджеры.

– То есть, проще говоря, ты хочешь заниматься чем-то еще более опасным, чем занимаешься сейчас?

Я смеюсь.

– Наверно.

– Тебе нравится в морской пехоте, да?

– Не знаю. – Я пожимаю плечами. – Если не брать в расчет то, что в тебя стреляют, служба мало чем отличается от любой другой работы. Есть вещи, которые мне нравятся, но и отрицательные моменты тоже имеются. Ты в какой колледж собираешься поступать?

– Колледж Атлантик. Это в Мэйне. – Харпер паркует Ровер на стоянке у пустого пляжа и глушит мотор.

– Далековато от дома. – Я открываю дверцу. И далековато от всех мест, где буду находиться я, что фигово.

– Афганистан дальше, – отвечает она.

– Справедливо.

Харпер вылезает из машины и начинает собирать инвентарь с заднего сиденья, открыв противоположную от меня дверь.

– В КА очень хорошая программа по морской биологии. Одна из лучших, на самом деле.

– Я понятия не имел, что ты такая умная, – говорю, ступая на песок. – Или что ты все еще играла в Барби в тринадцать лет.

Она смеется и ударяет меня по руке.

– Ты многого обо мне не знаешь.

– Похоже на то. Но я... эмм... я бы хотел узнать.

Харпер замолкает, скидывая свои вьетнамки. Она сама напоминает мне черепаху – высовывает голову из панциря, чтобы разведать обстановку, затем прячется при первых же признаках опасности. Мне хочется сказать, что я не обижу ее, но чем ей это доказать? Я просто не хочу обижать Харпер. Она пробуждает во мне нечто иное, в отличие от Пэйдж. Нечто лучшее. По крайней мере, мне хочется в это верить.

– Итак... – я меняю тему. – Яйца?

– На вылупление может уйти вся ночь. – Харпер проходит мимо меня; я подавляю порыв схватить ее за руку и остановить, забыв на миг, что тут нет никаких бомб. В Афганистане они могут быть повсюду. Однажды мы с парнями прочищали дорогу, потому что нам было известно про заложенную там мину, но даже с металлоискателями не могли ее засечь. В итоге мы сдались, залезли в машину, проехали немного вперед. И задели ту самую мину, которую искали. Никто не пострадал – нас лишь потрянуло немного, но машина вышла из строя. Хоть мой мозг и в курсе, что мы не взлетим на воздух на пляже Бонита, но я не могу удержаться, исследуя песок на наличие взрывчатых веществ.

– Что-то не так? – спрашивает Харпер.

Мне требуется несколько мгновений, чтобы вспомнить, о чем мы говорили, однако затем я смотрю на нее. Океанский бриз колыхает пряди волос, обрамляющие ее лицо.

– Нет, все в полном порядке.

Гнездо располагается в самой темной части пляжа, неподалеку от трехэтажного дома с крытым бассейном. Курортный сезон еще не наступил, поэтому дом пока закрыт. Вокруг тихо. Слышен только мягкий шелест волн, а белая круглая луна бросает отблески на поверхность воды. Если я и скучал по чему-то, связанному с домом – так это по таким пейзажам.

Харпер ведет меня к миниатюрному месту преступления. Гнездо похоже на остатки смытого волной песчаного замка, отмеченные крестом из желтой сигнальной ленты и знаком, предупреждающим держаться подальше.

– Тент будет расположен тут. – Она обводит красным лучом фонарика границу вокруг кладки, потом просвечивает дорожку до воды. – А траншея начнется отсюда. И дойдет до самой кромки океана.

– Какая глубина нужна?

– Примерно по лодыжку. – Харпер принимается разворачивать полиэтилен. – Она должна быть достаточно глубокой, чтобы не дать малышам выбраться за ее пределы и двинуться в сторону искусственных источников света.

Я начинаю копать. Песок здесь плотнее, чем в Афганистане. Тамошний похож на пудру по консистенции. Он скапливается везде, в носу, в ушах; если сплюнуть в первый раз перед чисткой зубов, слюна будет коричневая.

На одном из наших аванпостов был колодец, а иногда мы мылись в оросительных каналах, но по-настоящему чистыми себя никогда не ощущали.

Примерно на полпути к воде слышу треск.

Я пересекаю неглубокий канал между полями с Чарли и афганским солдатом, держащимся позади, когда очередь из АК-47 свистит над головой, словно растревоженная пчела.

Мгновенно опускаюсь в мутную воду, которая заливается в сапоги, пропитывает брюки. Чарли стоит неподвижно на краю канала, как замершая цель.

– Чарли, пригнись! – Я пытаюсь выбраться из русла, чтобы схватить его, но поскользываюсь на грязи, ухватываясь за лодыжку друга. – Ложись!

Он сползает в канал, когда над ним проносится пуля. Афганский солдат слепо отстреливается из своего автомата в сторону, где, по его мнению, прячутся Талибы. Я выглядываю из-за насыпи, пытаюсь понять, откуда ведут огонь.

Щелк!

– Трэвис! – Голос Харпер пробивается сквозь завесу воспоминаний, которые тут же рассеиваются. Вот только я лежу в песке, а она стоит надо мной со сломанным колом – источником треска – в руке. Мое сердце бьется слишком быстро – боюсь, в любую секунду оно может разорваться; и не могу отдышаться. – Ты в порядке?

– Нет. – Я не собирался этого говорить. – То есть... – Мне так стыдно, что даже взглянуть на нее нет сил. К тому же от влажности песка промокли шорты, и теперь моим яйцам холодно. – Я в порядке.

Та перестрелка случилась во время нашего первого патрулирования. Все произошло так быстро, я понять не успел, застыл ли Чарли от страха или потому что думал, будто неуязвим. До сих пор не могу вспомнить, отстреливался ли он. Единственное, в чем я уверен – в тот день ему повезло.

Харпер садится рядом со мной, тянется к моей руке. Ее пальцы скользят по загрубевшим мозолям, прорвавшимся волдырям, шрамам от порезов, которые слишком долго заживали, потому что мои руки постоянно были грязными. Она ничего не говорит. Просто сжимает мою ладонь.

– Наверно, тебе лучше держаться подальше от меня, – говорю я, опустив голову себе на колени. – Я в полном раздрае.

– Это страшно, – произносит Харпер. – Ты кричал, а я не знала, что делать. Представить не могу, каково тебе было там.

– Чертовски хреново. – Подхватываю лопату и швыряю ее так далеко, насколько хватает мочи. – Я просто хочу опять стать нормальным.

Только былого не изменить. Мой друг мертв, и я никогда не стану прежним Трэвисом Стефенсоном.

Не глядя на меня, Харпер поднимается на ноги и уходит за лопатой. Я закипаю от ярости, потому что она чересчур добра ко мне, но вся злость перегорает до ее возвращения.

– Может, – предлагает Харпер, протягивая лопату, – пора найти новую норму?

– Я... Извини.

Она улыбается.

– Не извиняйся, Трэвис, просто копай.

Полчаса спустя я падаю на покрывало, расстеленное Харпер перед гнездом. Футболка липнет к телу, поэтому я стягиваю ее с себя, после чего ложусь на спину. В небе мерцают звезды; песок под покрывалом охлаждает мою разгоряченную кожу. Лишь в одном мне нравился Афганистан. Там нет уличного освещения, озаряющего небо, поэтому

создается впечатление, будто видны все звезды во вселенной. Я закрываю глаза.

– Отличная траншея. – Харпер опускается рядом со мной, прижимая колени к груди. – Ты хорошо поработал.

– Что теперь?

– Ждем.

Харпер слегка дрожит. В августе в Форт-Майерс обычно стоит зной, даже по ночам, но надвигается холодный фронт, так что бриз набирает силу. Я протягиваю ей свою толстовку.

– Как думаешь, они сегодня вылупятся?

– Все признаки на то указывают, – отвечает она. – Гнездо обвалилось местами, что свидетельствует о двигательной активности. Сегодня можем увидеть одного-двух, а можем и всех. – Харпер улыбается так, что мне становятся небезразличны морские черепахи. – Восхитительно, правда?

Как бы извращенно ни звучало, но да.

– Я могу придумать способы похуже, как проводить ночи.

Она надевает мою толстовку.

– Например?

– Каждая ночь в Афганистане, – говорю я, но это не совсем верно. Порой мы неплохо проводили время. Я рассказываю ей про то, как мама Чарли прислала нам пиццу – законсервированный соус, полуфабрикаты пышек, пепперони, грибы. Даже металлическую форму и дисковый нож не забыла. – Мы вырыли яму для костра, положили сверху решетку и зажарили пиццу на углях. Дно немного подгорело, а моцарелла сублимационной сушки не до конца расплавилась, но все равно было вкусно. Как дома.

– Чарли – один из твоих приятелей?

– Был.

Улыбка Харпер меркнет.

– Мне жаль, Трэвис. Я не знала.

– Знаю.

– Я слышала Райана как-то в школе. Ему были неизвестны подробности, но он сказал, что ты герой. Что ты спас жизни нескольким людям.

– Райан сам не понимает, о чем болтает. – Я сажусь, натягивая футболку обратно. Ненавижу сейчас своего брата за то, что использует мою жизнь в качестве... повода для хвастовства. Особенно когда хвастаться особо нечем. – Не хочу показаться грубым, но я бы предпочел не обсуждать данную тему.

– Извини.

– Нет, Харпер, ты ни в чем не виновата. Я просто... я не герой. Если бы был... – Чарли бы мог остаться в живых. – Никакой я не герой.

Она поначалу молчит, затем подталкивает меня плечом.

– Ты обладаешь превосходными копательными навыками.

Я хохочу.

– Да уж, мне в лагере для новобранцев вручили медаль за рытье окопов. Если тебе нужно вырыть яму – я к твоим услугам.

Смотрю на нее украдкой, пока Харпер смеется. Толстовка ей слишком велика, но смотрится отлично. Словно она создана для моей толстовки. Я и думать не хочу, что это значит. Вместо этого думаю о том, чтобы наклониться и поцеловать Харпер. Вот только трачу слишком много

времени на раздумья. Она вскакивает на ноги, широко распахнув глаза, будто прочитала мои мысли.

– Нам надо... – Харпер указывает рукой в сторону кладки. – Черепахи.

Я ее не понимаю. Харпер ведет себя не так, как большинство знакомых мне девушек. Между нами повисает неловкость, когда следую за ней к гнезду. Она светит вперед красным лучом фонарика и радостно взвизгивает. В тусклом свете видно, как из песка показывается маленькая голова и ласты. Харпер хватает меня за руку и сжимает пальцы, транслируя свое счастье мне. Я ничего не делаю.

Вторая голова высовывается из песка, пока первый черепашонок пробирается к входу в траншею.

Это только начало. Должен признать – мне хочется поднять маленького гада и самому отнести его к воде.

– А что происходит, когда они добираются до океана? – спрашиваю я. – Там ведь их встретит новый набор хищников, с которыми мы ничего не сможем сделать.

Она смеется.

– Звучит так, словно ты и в самом деле переживаешь.

– Думаешь, я бы стал сидеть на пляже посреди ночи, если бы мне было безразлично?

Харпер отпускает мою руку. Выражение ее лица невозможно прочесть. Она расстегивает свой рюкзак (звук кажется гораздо громче в тишине), достает папку-планшет.

– Я должна вести учет.

Первый черепашонок пробирается по траншее. Ничего не могу с собой поделаться, но мне нравится этот мелкий чувак. Или девчонка. Интересно, как их различают?

– Ты даешь им имена?

Харпер не отрывает взгляда от своих записей.

– Слишком много имен пришлось бы придумать.

Я подталкиваю ее локтем.

– Но ты все равно придумываешь, верно?

– Нет. – Уголок ее рта дергается, и я знаю, что она врет.

– Да, придумываешь. Сознайся.

– Трэвис?

– Что?

– Заткнись.

Я оборачиваюсь, чтобы возразить, но Харпер поднимает руку и касается пальцами моих губ. Не знаю, что происходит, поэтому замолкаю. Ее ладонь перемещается на заднюю поверхность моей шеи, она притягивает меня ближе, пока между нашими лицами не остаются считанные сантиметры.

– Это, вероятно, будет ошибкой, – шепчет Харпер, прежде чем ее рот накрывает мой.

Поцелуй с ней отличается от поцелуя с Пэйдж. Начнем с того, что от Харпер не несет Мальборо Лайтс. Мне не приходится сильно сгибаться. Она мне лучше подходит. И, Боже, как же хорошо она целуется. Настолько хорошо, что мне хочется избить к чертям того, кто ее научил.

Скорее всего, Харпер права насчет того, что это будет ошибкой... но сейчас? Мне плевать.

– Мы... эм... мы должны следить за черепахами. – Она не может отдышаться, и слова ее звучат не очень убедительно. Я бросаю взгляд

под полиэтиленовый тент. Первые два черепашонка покинули гнездо; третий... нет, третий и четвертый пробиваются через гущу песка.

– Должны. – Яблочный аромат ее волос путает мои мысли; я касаюсь губами ее шеи. Харпер вздрагивает, только температура воздуха тут совсем ни при чем. Я несказанно доволен, и не могу себе этого объяснить. На сей раз сам ее целую.

– Трэвис. – Она приподнимает папку между нами, убивая момент. Я не хочу, но отпускаю Харпер.

– Знаю. – Легко стучаю пальцем по ее носу. – Пойду, проверю, как там Альфа.

– Альфа?

– Первая черепашка. Так его зовут.

Не знаю, что страшнее: тригонометрия или ситуация у меня в штанах. Но Харпер лучезарно улыбается мне, и этого практически достаточно, чтобы меня утешить. Практически.

Глава 6

Утро уже в полном разгаре, когда Харпер привозит меня домой. Гораздо позже того времени, в которое я обычно возвращаюсь с ночных вылазок, позже завтрака, и восемьдесят семь черепашек спустя. Мы завязали с именами, остановившись на Зулу.

– Надеюсь, та, которую мы назвали Джульеттой, действительно девочка, – говорю я. – Иначе ему придется в течение следующих ста пятидесяти лет терпеть насмешки других черепах.

Она улыбается.

– Заткнись.

Я целую Харпер в первый раз после первого раза. Мне не кажется странным, что мы не потратили всю ночь на это дело. И сейчас в нашем поцелуе нет пошлости, от которой бы хотелось затащить ее на заднее сиденье машины. Он просто... приятный. Очень, очень приятный.

– Еще увидимся, Чарли Харпер.

Я не обещаю позвонить ей – чересчур банально. Но точно знаю, что позвоню.

– Трэвис? Это ты? – мамин голос доносится со второго этажа, когда вхожу через парадную дверь. Я нахожу ее у себя в комнате; она достает темно-синюю термофутболку из бумажного пакета с эмблемой брендового магазина. Кровать заставлена такими же пакетами, даже плед не разглядеть между ними.

– Откуда столько вещей?

– Ну, наш шопинг так и не состоялся, поэтому я решила сама подобрать тебе одежду. Размер брала такой же, как на твоей униформе. – Мама нервно лепечет, опасаясь, что мне не понравятся купленные вещи. Ее страх вполне обоснован. Прецеденты имели место в прошлом. – Если что-то не подойдет, я могу вернуть. Об обуви я тоже позаботилась.

– Спасибо. – Заглядываю в пакет, полный клетчатых рубашек из какого-то пафосного бутика. Такие рубашки носит Райан. Я тоже могу надеть, и они будут смотреться нормально, но подобная псевдовинтажная одежда не для меня. В последний раз, когда мама приобретала мне вещи в этом магазине, я принципиально отказался их носить, пожаловавшись, что продукцию данной фирмы производят на фабриках каторжного труда. Таким уж я был в ту пору – цитировал статистику, вычитанную в интернете, и думал, будто меняю мир к лучшему. – Ты скупила весь торговый центр?

Облегченное выражение появляется у нее на лице; она смеется.

– Я немного перестаралась, но... не знаю. Мне казалось, ты не станешь возражать.

– Я не возражаю. Но если мы вернем кое-что, ты сможешь передать оставшиеся деньги тому фонду, про который рассказывала.

Я не превратился в ярого бойскаута-добродетеля, однако после семи месяцев, проведенных среди людей, живущих в саманных хижинах без водопровода, мои взгляды слегка поменялись. Мне не нужно столько барахла. Особенно с учетом того, что через несколько недель я вернусь в Лежен, а потом в Афганистан следующей весной.

– Отличная идея. – Мама приподнимает синюю футболку, словно спрашивая "как-насчет-этой?". Я киваю. Она срывает этикетки. – Ты опять целую ночь гулял?

– Да, я был на пляже с... эээ... с Харпер Грэй.

– Она такая милая девочка, – говорит мама. – Я отказываюсь верить в сплетни, которые слышала о ней в школе.

– Какие сплетни?

– Скверные, вульгарные заявления, которые даже повторять не хочу. – Она складывает футболку, убирает ее в комод. – Знаю, она водится с Лэйси Эллисон и Эмбер Рейнолдс, но... Харпер Грэй не Ш-Л-Ю-Х-А. – Мама произносит слово по буквам, будто ей даже вслух его произнести оскорбительно. – Что за человек способен распространять подобные сплетни?

Если бы она только знала.

– Идиот.

– Вы всю ночь провели на пляже?

– Она работает волонтером в организации по защите морских черепах, поэтому мы наблюдали за тем, как новое потомство покидало гнездо.

Мама удивленно моргает. Уверен, в ее мыслях моя школьная карьера казалась более скандальной, чем в действительности.

– Серьезно?

– Ага. – Я достаю из пакета белую футболку и вполне нормальные на вид шорты "карго". – Ты не возражаешь, если я опять позаимствую твою машину? У меня дело есть.

Она роется у себя в сумке.

– Ты вернешься к ужину? Будем только ты, я и Рай.

Я улыбаюсь.

– Конечно, если мне готовить не придется.

Мама смеется, бросая мне ключи.

Быстро приняв душ и переодевшись, отправляюсь в противоположную часть города.

Прошлой ночью я хорошо провел время с Харпер, но от галлюцинаций и воспоминаний у меня начинает ехать крыша. Кошмары – тоже хреновое дело, однако они, по крайней мере, случаются, когда я сплю и не представляю опасности для окружающих. Пока. А что, если у меня начнется галлюцинация, когда я буду за рулем? Что, если в результате нанесу вред себе, или того хуже – кому-то другому?

Мой телефон звонит. Это Эдди.

– Чувак, я купил АК-47, – говорит он. – Я, Михальски и Рай собираемся пострелять завтра. Хочешь присоединиться?

Раньше, раз в несколько недель мы всей компанией забивались в чью-нибудь машину и ехали на стрельбище Tucker's Grade, чтобы выпустить пар, побаловаться с 9-миллиметровыми, поиграть в Грязного Гарри с Глоками, дробовиками и револьвером 38 калибра, принадлежавшим

отцу Эдди. Для моего друга АК – серьезная штука, но в Афганистане он есть практически у каждого. У солдат Афганской национальной армии. Даже у фермеров, большинство из которых, так или иначе, имеет отношение к Талибану. Новизна выветривается после того, как в тебя выстрелят пару раз, поэтому я не особо впечатлен. Но какого черта. Мне нравится стрелять.

– Да, я с вами.

– Ты сейчас где? – спрашивает Эдди.

– На пути к доктору.

– Все в порядке?

– Да, – вру я. – Плановый осмотр.

– Приезжай позже.

– Постараюсь, – отвечаю я, сворачивая на стоянку перед клиникой для ветеранов. Чувствую себя виновато, но сегодня мне не хочется встречаться с Эдди.

Пишу свое имя на регистрационной форме. Заметив, что я – случайный пациент, администратор машет у меня перед лицом пальцем с длинным ногтем, покрытым блестящим фиолетовым лаком.

– Лучше заранее записываться на прием. – Судя по акценту, она с Ямайки, а может, с Гаити. – Но присаживайтесь... – женщина смотрит в мою анкету. – Трэвис Стефенсон, я вызову вас, как только кто-либо из докторов освободится.

Я сажусь на красный пластиковый стул в комнате ожидания, забитой людьми, совершенно непохожими на меня. Тут присутствует пара обычных с виду мужчин, но им лет под тридцать-сорок. У одного вместо ноги протез. В другом конце прохода пожилой морщинистый ветеран с

металлической тростью, в штормовке и бейсболке с эмблемой авианосца "Саратога", листает старый номер Ньюсуик. От него несет нафталином каждый раз, когда он кашляет. Через два сиденья – худой, подозрительной наружности парень, возможно, лет на пять старше меня. Он не может спокойно усидеть на месте, дергает коленом, раскачивая весь ряд стульев; у него не хватает нескольких зубов.

– Ты в армии? – спрашивает парень, только ответа не дожидается. – Я служил в спецназе. Они завербовали меня сразу из лагеря для новобранцев, потому что у меня уже был черный пояс по бразильскому джиу-джитсу, так что я не нуждался в особой подготовке.

– Да, рад за тебя, братан, – отвечаю я, затем беру журнал, на обложке которого анонсирована статья о войне в Афганистане, надеюсь, что незнакомец уловит намек на мое нежелание поддерживать беседу.

– Да, – продолжает он. – Я провел своих ребят через сотни секретных миссий в Африке, и, знаешь, когда взяли Саддама Хусейна? Ту операцию мы провернули.

– Конечно, чувак, как скажешь.

– Я бы до сих пор был в строю, но сломал спину после прыжка с вертолета. Они сомневались, что я вновь поднимусь на ноги, но я выкарабкался, знаешь? Хотя доктора не могут правильно подобрать мне лекарства, потому что я по шесть таблеток глотаю, чтобы избавиться от боли.

– Ага. – Я не утверждаю, что он лжет, но никого не вербуют в спецназ из лагеря для новобранцев, к тому же этот парнишка выглядит слишком молодо для участника всех упомянутых им событий.

Я переворачиваю страницу журнала, и обнаруживаю серию фотографий своей собственной кампании, сделанную фотографом, сопровождавшим нас в течение нескольких недель. Это лишь начало

миссии, мы только прибыли в Афганистан и выглядели еще довольно чисто. Тогда бывалые парни называли нас с Чарли и Кевларом духами. Такое ощущение, что с тех пор прошли годы, а не месяцы.

На одном из фото изображены Кевлар и Чарли по пояс в маковом поле. Подпись гласит: "Морские пехотинцы США под обстрелом в провинции Хельманд"; тут могли быть запечатлены любые другие морпехи, но я узнал бы этих двоих где угодно.

Листаю дальше. Следующая фотография занимает полный разворот: морпех, присев на корточки на пыльной дороге, разговаривает с маленькой афганской девочкой, у которой по щекам текут слезы.

Это я.

В тот день во время патруля нас окружила кучка маленьких попрошаек. В основном мальчишки, но среди них была эта девочка; ее столкнули на землю в суматохе.

Уворачиваясь от грязных жадных ручонок, я пробрался к ней. Она плакала, а я ненавижу, когда маленькие девочки плачут.

Женщины тоже, но маленькие девочки в слезах меня просто убивают. Стоило мне присесть рядом, и ее глаза округлились от страха, будто я собирался ее обидеть. Полагаю, вполне понятно, почему девчушка так подумала, учитывая то, что я держал автомат M16, однако от меня ей достался плюшевый жираф. Она прижала игрушку к себе, словно я дал ей живого ребенка, а потом улыбнулась; у нее не было одного из фронтальных зубов.

На этом снимке я был представлен образцовым парнем, завоевывающим сердца и мысли местного населения, только в статье ничего не говорилось о том, как талибы распространяли листовки по ночам, угрожая убить людей, оказывающих нам помощь. Или про то, что большинство местных – и есть талибы. Данный снимок производит

впечатление, будто мы что-то изменили к лучшему, хотя я в этом не уверен.

Я смотрю на свое фото, когда медсестра из регистратуры произносит мое имя.

– Стефенсон? Трэвис Стефенсон.

Морпеху с этой фотографии не место здесь – в клинике для ветеранов, среди стариков и обманщиков с пристрастием к обезболивающим. Этот морпех сильный. Он стойкий. Он не сумасшедший.

Я не хочу сидеть в кабинете у психолога, и делиться своими чувствами. А если бы штаб-сержант Леонард, заместитель командира моего взвода, оказался сейчас тут, он бы приказал мне собрать мои долбаные мозги в кучу и забыть обо всем. Ребята, вернувшиеся домой из Германии и Франции после Второй Мировой, ребята, вернувшиеся из Вьетнама... они не говорили о своих войнах. Не посещали психоаналитиков. Они сортировали эти воспоминания в крошечные, потаенные уголки памяти, и жили дальше.

Мне это не нужно.

Сворачиваю журнал в трубочку, засовываю в задний карман, после чего выхожу из здания. Слышу, как позади снова объявляют мое имя.

– Итак, Трэв. – Эдди достает АК-47 из кейса. Леденящее чувство страха поднимается по позвоночнику; я замираю на месте. Рационально, до мозга костей знаю, что мой друг в меня не выстрелит, но ладони все равно потеют, пульс учащается. Пальцы сжимаются в кулаки, на случай, если придется его ударить. Как же мне сейчас хочется ощутить в руках свой М16. – Я слышал, ты мутишь с Харпер Грэй.

Страх рассеивается, сменяясь раздражением – из-за себя, потому что поддался панике, из-за Эдди, потому что он болтает о подобных глупостях.

– От кого ты это слышал?

– Пэйдж сказала, ты пытался закадрить Харпер в Шемроке, – поясняет Райан. – А я видел, как она за тобой заезжала прошлой ночью.

Я пожимаю плечами.

– Мы друзья.

Михальски тупо ржет, заглядывая мне через плечо.

– Ну, она очень дружелюбная девушка. – Он подносит кулак к своему рту, имитируя минет. Я ударяю его локтем в живот. Согнувшись пополам, Дерек кашляет. – Черт, чувак, за что?

– За твой рот, – отвечаю я, в то время как Эдди заряжает полную обойму в автомат, снимает предохранитель. – Заткнись.

– В чем проблема? – возмущается Райан. – Всем известно, что Харпер...

– Что? – мой тон, словно острый нож, не предусматривает возражений.

– Дамы, вы не возражаете, если я начну? – перебивает Эдди. Нам с братом остается лишь злобно пялиться друг на друга. Райан сжимает кулаки, будто хочет меня ударить. Можно подумать, я ему позволю. – Мне пока не выдалось шанса из него пострелять.

– Валяй, – говорю я.

Михальски выступает буфером между мной и Райаном; мы отходим от стола, чтобы не мешать Эдди. Я наблюдаю через бинокль, как он выпускает половину обоймы в бумажную мишень в форме человеческого

силуэта, стоящую на подставке на расстоянии около ста метров. Бах. Бах. Бах. Подобный звук – резкий, ни с чем не сравнимый – я слышал день ото дня в Афганистане. Мне вновь приходится напомнить себе, что никто не стреляет в меня.

Никто не стреляет в меня.

Из пятнадцати пуль в бумагу попадает не больше шести, в основном по краям. Такая стрельба не нанесла бы непоправимого вреда.

– Проклятье. – Эдди передает автомат Михальски. – Я слышал, что эти штуки не очень точные, но чтобы до такой степени. Дурдом.

Я не заостряю внимание на том, что это, скорее всего, ошибка стрелка. У повстанца, путившего пулю в моего лучшего друга, не было проблем с точностью АК-47.

Дерек встает на позицию и опустошает оставшиеся в обойме пятнадцать патронов, тоже попадая в цель всего несколько раз. Легкие ранения в лучшем случае. Точно не смертельные.

– С практикой становится проще, – уверяю я, забирая у него АК. Меняю пустую обойму на новую. Райан испепеляет меня взглядом, будто я рисуюсь, или вроде того. Словно стрельба по людям – это не моя работа.

– Каково там? – спрашивает Эдди. – В Афганистане.

– Жарко и грязно летом, холодно и грязно зимой. – Я не могу рассказать про то, что их на самом деле интересует. Каково это – убить человека. Для каждого по-своему. Я ощутил прилив адреналина. Мимолетный триумф. Зато позже, в тишине ночи накатило чувство вины, застав врасплох. Потому что, пусть он и хотел меня убить, я лишил жизни реального человека. Подобные вещи я пытался оставить там, в Афганистане. Иначе как смогу жить с самим собой? – Бесконечный турпоход в ад.

– Правда, что тамошние цыпочки ходят укутанные с ног до головы? – любопытствует Михальски.

Нам редко попадались женщины на улицах, но те, которых мы видели, были в темно-синих чадрах, отчего напоминали призраков.

– По большей части да.

Эдди хихикает.

– Как думаешь, они остаются в них во время секса?

Все смеются, благодаря чему обстановка разряжается. Улыбаясь, я принимаю стойку, упираюсь локтями в стол. Прижимая АК к плечу, ловлю цель. Закрываю глаза, чтобы сконцентрироваться, затем снова открываю.

Возле мишени стоит талиб в черной накидке. На голове у него тюрбан; черный шарф скрывает нижнюю часть лица, так, что видны только глаза. Мусульманская версия бандита с Дикого Запада.

Кажется, мир вокруг меня замедляется. Я слышу смех и разговоры друзей, но слов не разбираю, фокусируюсь лишь на мужчине передо мной. Его тюрбан разодран сбоку; оголившаяся кожа покрыта коркой засохшей крови. Я знаю этого человека.

Я его убил.

Пытаюсь моргнуть, чтобы избавиться от видения, только он не исчезает. Рот заполняется солоноватой слюной, как бывает перед рвотой. Мне приходится сглотнуть через силу, сдерживая тошнотворный позыв.

Нажимаю на курок, и все возвращается к привычному ритму.

Пятнадцать выстрелов спустя мертвого мужчины уже нет, а Михальски шумно выдыхает.

– Боже, Трэв.

Руки дрожат, когда передаю автомат брату, однако я сомневаюсь, что кто-либо из них замечает.

– Это было... Ого.

Опустив бинокль, Эдди улыбается мне.

– Ты опасен, чувак.

Я смеюсь в ответ, но чувствую себя далеко не опасным. Сердце трепещется в груди. Переживает ли Кевлар аналогичную хрень? Или Мосс? Если позвоню им и спрошу, признаются ли они?

– Так вот где происходит гомоэротическое сближение между представителями мужского пола на фоне общих интересов? – произносит женский голос.

Это Пэйдж. В лучших традициях образа Расхитительницы Гробниц: оливково-зеленая майка, очки-авиаторы, волосы собраны в хвост на затылке. Она выглядит потрясающе.

– Что ты тут делаешь? – спрашиваю я, засунув руки в карманы в попытке скрыть тот факт, что меня до сих пор потряхивает. Я дрожу.

Пэйдж пожимает плечами.

– Это местечко не назовешь секретным.

Михальски переводит взгляд на Райана.

– Чувак, так не пойдет. – Я редко с ним соглашаюсь, но на сей раз он прав. По негласному правилу на стрельбище всегда собираются одни парни. Я бы никогда не пригласил Пэйдж сюда. – Мы не водим девчонок на стрельбище.

– Какая разница. – Райан отмахивается от него. – Смирись.

– Нет, старик. Нет, – настаивает Дерек. – Это ритуал. Наш ритуал, и ты его нарушил. Так же, как увел у своего брата девушку, пока он был в Афганистане.

Повисает тишина, явно означающая "ох-черт-неужели-он-действительно-это-сказал?".

– Она порвала с ним, прежде чем между нами что-либо произошло, – возражает Райан. – Я не уводил у тебя девушку.

Он хочет в это верить, однако я знаю Пэйдж. И я знаю своего брата. Ему кажется, будто он жил в моей тени, но понимаете, в чем дело? Райан понятия не имеет, насколько легко ему приходится. Он получил все, чего хотел – включая Пэйдж – и ни разу отец не дышал ему в спину, понукая быть сильнее. Быстрее. Лучше.

– Он прав, Рай, – говорю я. – Ты частенько нарушаешь уговоры.

Я имею в виду то, что он пригласил Пэйдж на стрельбище, но ее блестящие губы растягиваются в самодовольной улыбке. Мне не нужно видеть ее глаза, скрытые за зеркальными линзами, чтобы понять – она смотрит на меня. Или понять, о чем она думает.

– Мальчики. – Пэйдж ступает на поле боевых действий, протискиваясь между Михальски и Райаном, словно рефери. – Вы можете поочередно пометить территорию вокруг меня позже.

Эдди, еле сдерживающий смех, давится содовой. Кока-Кола прыскает из его носа.

– Но я уже здесь, так что смиритесь.

Коричневая жидкость, стекающая по подбородку Эдди, вызывает у всех нас приступ хохота. Кроме Райана, который все еще злится. Я сужу по его напряженным плечам, и по манере его стрельбы. Он ни разу не попадает в мишень.

Кошмар вырывает меня из забытья. Та же дорога. Та же бомба. То же беспомощное отчаяние, с которым я наблюдаю, как Чарли взлетает в воздух, затем меняюсь с ним местами, вижу афганского мальчика, склонившегося надо мной, пока я умираю. Каждый раз в начале этого сна я надеюсь, что он закончится иначе, но финал всегда одинаков.

Я знаю, что больше не усну, поэтому сажусь за стол, включаю ноутбук, начинаю искать в интернете (и с легкостью нахожу) фотографии и видео своего отряда. Некоторые сделаны репортерами, повсюду нас сопровождавшими, некоторые – сослуживцами. Тут сотни фотографий, но я ни одной не видел прежде.

Запечатлены все. Чарли. Клифтон "Лыжник" Кралевски. Джаред "Голодающий Марвин" Перумал. Пералта. Я. Заметив фото, где Кевлар гоняется за козой по периметру лагеря, смеюсь вслух. Помню тот день, потому что Чарли тогда крикнул: "Ой, глядите, парни, Кеннет наконец-то нашел себе подружку!", а мы были настолько физически и морально измотаны, что ржали до тех пор, пока слезы из глаз не покатались. В подписи к снимку упоминается лишь про скуку, одолевавшую нас между патрулями, но не про длительную дискуссию на тему "Съесть или не съесть козу".

На другом снимке – мой взвод в Кэмп Бастион перед высадкой в Марджа. Мы просто ждали. Кевлар то и дело перепроверял свой автомат, чтобы убедиться, что он хорошо смазан. Чарли слушал Боба Марли на айпде. Я натянул свою вязаную шапку на глаза, чтобы блокировать свет, и пытался уснуть, несмотря на невыносимое ожидание неведомо чего и храп сидевшего рядом парня.

На следующей фотографии Лыжник бреется, поставив зеркало на земляной вал и используя воду из бутылок, чтобы смыть остатки пены. Он любил петь во время бритья, но всегда менял слова. Сильнее всего мы

смеялись, когда он заменил строчку "я не силен в социальных навыках" на "я не силен в подливах для сосисок" в песне Гарта Брукса "Friends in Low Places".

Я смотрю видеозапись того, как наш отряд обстреливает снайперскую позицию талибов (помню, тогда пуля пролетела буквально в нескольких сантиметрах над моей каской), когда дверь моей спальни открывается.

– Что ты здесь забыла? – спрашиваю, в то время как на экране Мосс, шустро обогнув разрушенную стену, открывает огонь. Так странно смотреть на то, что мы делали в прошлом. Странно, что эти моменты зафиксированы на видео, но люди, смотрящие записи, даже не представляют, что Чарли мертв.

– Как ты догадался, что это я? – руки Пэйдж скользят по моей груди, ее хвост а-ля Лара Крофт спадает мне на плечо. Мне ненавистно то, что она по-прежнему оказывает столь мощный эффект на меня.

– Ты не постучала. – Мой взгляд прикован к видео до последней секунды, но Пэйдж разворачивает мое лицо к себе, а потом остаются только губы, язык, и... Знаю, мне пора с этим завязывать. Однако все равно не останавливаюсь.

Чарли был со мной в тот день, когда от нее пришло письмо с посылкой. Я разрешил ему прочитать после того, как остальные ребята расхватили порно и сигареты, словно рождественские подарки.

– Это жестоко, Соло. – Чарли передал мне сигарету, и я сделал долгую затяжку.

– Ага. Такая уж Пэйдж.

– Ты в порядке? – спросил он. – Тебя обнять, или типа того?

Я тихо хохотнул.

– Не, я в норме.

Я был в норме в Афганистане. На другом конце мира вся эта драма меня не касалась. А сейчас, после возвращения домой, Пэйдж оказалась рядом, и я стал сомневаться, что именно к ней чувствую. Хотя причина, скорее всего, в том, что мой мозг превратился в масло после секса.

– Пэйдж?

– Хммм? – Она не отрывает глаза.

– Ты же не хочешь опять сойтись, да?

– О, Боже, нет. – Пэйдж тихо смеется, из-за чего кровать слегка вибрирует. – Ты думал, я этого добиваюсь?

– Нет.

– Это просто секс, Трэвис.

– Думаешь, Райан тоже так решит? – Я встаю с кровати, натягиваю шорты. Желание сбежать овладевает мной. Мне не нравится, кем я становлюсь с Пэйдж. Нужно прекращать эту хрень.

– Ему не обязательно знать.

– Не в том суть. – Роюсь в ящиках, пока не нахожу чистый CD-диск, затем вставляю его в дисковод. – Почему ты у меня в комнате, а не у него?

– Не знаю, – отвечает она. – Вероятно потому, что ты никогда не отказываешь.

– Тебе пора уходить. – Компьютер шумит, пока скачанные фотографии записываются на диск. Я надеваю футболку. Пэйдж не двигается с места. – Живо.

– Что с тобой сделала морская пехота, Трэв? Раньше ты был гораздо веселее.

Нажимаю клавишу, диск выскальзывает из дисковод. Щупаю свой задний карман, убеждаясь, что бумажник на месте, на босую ногу обуваю новые кроссовки, которые купила мама, и направляюсь к двери.

– Выйдешь отсюда самостоятельно, – говорю я. – И не забудь положить ключ туда, откуда взяла.

Я еду в круглосуточный супермаркет Walgreens на Сан-Карлос. У них есть фотоавтомат, с помощью которого можно самостоятельно распечатать фотографии. В магазине пусто, за исключением кассирши, сидящей прямо на прилавке; ее загорелые ноги в знакомых ковбойских сапогах свисают с края стойки. Лэйси Эллисон.

В средних классах мы ездили в школу на одном автобусе. Помню, ее остановка располагалась неподалеку от захудалого трейлерного парка у моста, ведущего к пляжу Форт-Майерс. Никто не хотел сидеть рядом с Лэйси, потому что от нее воняло мочой, а Михальски называл ее ДБЗ – девочка с бесплатными завтраками. Она была настолько бедна, что получала бесплатное питание. Лэйси уже начинает выглядеть потасканно, хотя ей едва исполнилось восемнадцать.

– Привет, Лэйс.

– Трэвис Стефенсон. – Она спрыгивает со стойки и кладет руку мне на грудь. Все ее полтора метра в кепке преграждают мне путь к автомату. – На два слова.

– Разумеется.

– Харпер сказала, ты ходил с ней на пляж прошлой ночью.

– Ходил, – отвечаю я. – Какие-то проблемы с этим?

– Пока нет.

– На что ты намекаешь?

– Она моя подруга, Трэвис, – говорит Лэйси. – Я и Эмбер... Харпер не такая, как мы, но она не судит. Я не знаю человека лучше нее, и если ты разобьешь ей сердце, я тебя убью.

Я улыбаюсь ей.

– Принято к сведению, мэм.

– Я серьезно! – Она пытается толкнуть меня, но недостаточно сильна для этого. Хотя мне нравится ее неистовая искренность; я уважаю Лэйси за это. – Не разбей.

Я киваю.

– Не разобью.

– Ты сейчас так говоришь. – Она снова усаживается на прилавок. – Только не забывай, что случилось, когда Харпер позволила тебе поцеловать себя в прошлый раз.

Очень дельное замечание.

Лэйси не беспокоит меня, пока я распечатываю фото, однако предлагает бесплатную бутылку Колы спустя примерно час.

– Бракованная. – Она указывает на едва заметный скол на дне бутылки. Никаких признаков протечки. – Если не выпьешь, мне придется ее выкинуть.

Немногим позже байкер из Шемрока заходит в супермаркет, явно по пути из бара домой. Лэйси соскакивает со стойки, радостно взвизгнув, и бросается на него. Они целуются без остановки минут десять; отрываются друг от друга только когда появляется покупатель с пакетом карамелек и пачкой Дорито.

Когда я заканчиваю и расплачиваюсь, она позволяет мне использовать ее скидку сотрудника.

– Спасибо за покупку в Walgreens, – заявляет Лэйси с каменным лицом, затем указывает на меня пальцем. – Помни о том, что я тебе сказала.

Она бросает взгляд на своего бойфренда-байкера, как бы намекая – мне следует опасаться. Я бы одолел его в драке, но, полагаю, не в том суть.

– Помню.

Я пока не готов вернуться домой, поэтому еду в Вафельный Дом, чтобы посмотреть, работает ли Харпер. Официантка за стойкой говорит, что у нее сегодня выходной. С чувством легкого разочарования заказываю кофе "с собой".

– Ты опять меня преследуешь? – Харпер врезается в меня плечом, подойдя сзади. На ней черная футболка с Social Distortion и выцветшие красные шорты. У меня была похожая футболка, только ее смотрится гораздо лучше.

– Я сюда первым приехал. Так что, кто кого преследует?

– Не льсти себе, Стефенсон, – отвечает она. – Я пришла за зарплатой.

Я жду, пока Харпер скрывается за дверью, ведущей в офис. Она возвращается меньше чем через минуту с чеком в руке. Расплатившись за свой кофе, провожаю ее до машины.

– Чем занимаешься сегодня? – интересуется Харпер, прислоняясь спиной к двери, словно не торопится уезжать. Я получаю тонну чертовски положительных сигналов от нее.

– Пью кофе, сплю, после этого мой день абсолютно свободен, – говорю я. – А что? Ты приглашаешь меня на свидание?

– Только в твоих снах.

– Если бы мои сны были о тебе, Харпер, то перспектива засыпать по ночам казалась бы более заманчивой.

Ее щеки розовеют.

– Что это значит?

– Ничего. – Я сокращаю дистанцию между нами, обнимаю ее лицо ладонями. И целую ее. Проходит вечность. А может, всего пара минут. Трудно сказать. Я ощущаю, как напротив моей ноги у нее в кармане вибрирует телефон. Харпер смеется, не отрываясь от моего рта, и говорит, что ей пора.

– Хочешь куда-нибудь сходить вечером? – спрашиваю я.

Она садится в Лэнд Ровер, захлопывает дверцу. На мгновение думаю, что Харпер дает мне от ворот поворот, однако стекло с водительской стороны опускается.

– Да.

Пэйдж и след простыл, когда я добираюсь до дома, а мама и Райан еще не проснулись. У себя в комнате просматриваю стопку фотографий, находя наиболее понравившиеся. Одна из них – где мы с Чарли играем в "Камень-Ножницы-Бумага", чтобы решить, кто первым прочтет новейший (для нас) номер Плейбоя. На снимке Чарли выбирает камень, а я – ножницы, теряя в итоге шансы на Мисс Март. Мы все решали с помощью этой игры, и лишь сейчас до меня доходит, что Чарли практически постоянно останавливался на камне. С помощью чертежной кнопки, найденной в закромах прикроватной тумбочки, прикрепляю фото к стене над кроватью.

Выглядит странно, чужеродно. Этой фотографии не место среди флаеров и постеров. Как можно быстрее отодвигаю кровать от стены,

срываю все, пока кроме фото ничего не остается. Потом спускаюсь в кухню.

Папа стоит возле раковины в спортивных штанах, пьет воду из бутылки, глядя из окна на реку Калусахачи.

– Что ты делаешь? – Неодобрение слышится в его тоне. Словно поиск кнопок в кухонных ящиках входит в список недопустимого для него поведения.

– Это ты что делаешь? – бросаю в ответ с теми же интонациями. – Я думал, мама тебя вышвырнула.

– Не твоего ума дело, Трэвис, – отвечает отец. – И, если на чистоту, твой притворный образ блудного сына начинает терять актуальность.

– Я не притворяюсь.

– Между прочим. – Папа закрывает бутылку крышкой и ставит ее обратно в холодильник. – Сомневаюсь, что Райан будет рад услышать о поздних визитах Пэйдж. Поэтому, как насчет того, чтобы ты не совал нос в мои дела, а я не буду лезть в твои.

Черт.

Поднимаясь по лестнице обратно к себе в комнату, изо всех сил сдерживаю желание развернуться и несколькими ударами стереть эту самодовольную ухмылку с его лица. Вместо этого прикрепляю все 243 фотографии на стену, словно покрывая ее маленькими окошками, возвращающими меня в то место и время, когда я не чувствовал себя таким неприкаянным.

Конечный результат выглядит не очень аккуратно. Ряды неровные, к тому же отец взбесится, если увидит 243 дыры от кнопок в своих бесценных стенах. Я думал, мне от этого станет лучше, но нет.

Падаю на кровать.

Прежде чем закрываю глаза, вижу Чарли, сидящего на моем стуле.

– Проваливай, Чарли. Я сейчас не в настроении для подобного дерьма.

Он ничего не отвечает и не исчезает. Просто сидит, смотрит на меня.

– Проваливай к чертям! – ору я, со всей мочи швыряя в него подушку. Она сбивает лампу со стола. Абажур сминается, лампочка разбивается при столкновении с полом.

Моя дверь распахивается. Мама врывается в комнату, лихорадочно жестикулируя.

– Все в порядке? Я слышала удар. Ты поранился?

– Уйди. – Не уверен, кому говорю – ей или Чарли, но моего друга уже не видно, а мама начинает собирать осколки лампочки, осторожно складывая их на ладонь.

– Трэвис, твой папа...

Она пытается предложить какое-то объяснение, однако мне ничего не хочется слышать.

– Я не хочу об этом говорить. Вообще. – Поворачиваюсь к стене, слушая, как мама молча подбирает стекло. Если она и замечает стену, то не упоминает о ней. Я притворяюсь спящим, пока она не выходит из комнаты.

Глава 7

Харпер надела сверкающий фиолетовый топик с бретелькой через шею и сделала этот волшебный фокус, на который способны только девушки, выпрямив свои волнистые волосы. Провожая ее к своему новехонькому Джипу, я не могу отвести глаз. И не потому, что она секси... то есть, она всегда секси. Но обычно ее привлекательность можно

отнести к разряду "соседская-девчонка-с-улицы-на-которой-мне-хотелось-бы-жить". Сегодня же? Харпер выглядит потрясающе, и я рад, что надел приличную рубашку.

– Твой? – спрашивает она.

Проснувшись утром, я обнаружил на кухонной стойке записку, в которой говорилось, что мне больше не позволено водить мамину машину, потому что я не включен в страховку. Отцовский пассивно-агрессивный способ меня наказать. В записке также было указано, чтобы я заделал дыры в своей стене до возвращения в Лежен. Еще чего.

Я вызвал такси и поехал на Бульвар Палм-Бич, где расположена череда маленьких семейных автосалонов, предлагающих самые экологически чистые машины, самые низкие цены и кредитование на месте. Попросил водителя высадить меня возле первого же попавшегося салона, и приобрел там черный Джип. Усталый менеджер скинул пару сотен, раз уж я расплатился наличными. Ничего особенного, но все-таки собственная тачка.

– Да. Купил сегодня. Специально для тебя.

– Заткнись. – Харпер смеется и ударяет меня по животу тыльной стороной кисти. Вот эту девчонку я уже узнаю.

– Я тут думал, эмм... кино? – Понятия не имею, что делаю. Мы с Пэйдж не ходили на свидания. Мы занимались сексом. У нее дома. У меня дома. В машине. На пляже. На вечеринках. С Харпер я ступаю на неизведанную почву.

– Звучит заманчиво.

– Извини, что крыши нет. – Я снял брезентовый верх с Джипа, когда приехал домой, но сейчас пожалел об этом. – Без нее, наверно... твои волосы смотрятся очень... красиво. То есть, они всегда красивые. Господи, я бездарь в подобных делах.

– Каких?

– Тех, что касаются свиданий. – Я провожу ладонью по своим волосам.
– Мне следовало оставить крышу.

Не пойму, почему, но я смущен. Может, потому что она меня обескураживает. Может, потому что я ощущаю себя абсолютно беспомощным, когда речь идет о Харпер Грэй.

Она перегибается через коробку передач и целует меня в щеку.

– Это просто волосы.

– Включай музыку, – предлагаю, заводя двигатель. Предоставляя Пэйджу право выбора, я не ждал ничего хорошего, потому что у нее фиговый музыкальный вкус. Однако Харпер выбирает Flogging Molly, и вскоре мы едем по шоссе 41, подпевая, словно это далеко не первое свидание. В итоге путь до кинотеатра кажется чересчур коротким.

Я паркуюсь на стоянке и смотрю на Харпер.

– Твоя прическа растрепалась.

Она показывает мне язык, после чего поворачивает зеркало заднего вида в свою сторону и поправляет волосы.

– Что хочешь посмотреть? – интересуется Харпер, пока мы стоим в очереди за билетами.

– Даже не представляю, что сейчас идет, – говорю я. Не помню, когда в последний раз смотрел фильм не с крошечного дисплея айпода Чарли.
– Думаю, я согласен на все. Кроме девчачьего кино.

– Экшн?

На одной из афиш висит рекламный плакат фильма об армейском отряде в Ираке. Я хочу его посмотреть. Только опасаясь того, что может случиться в зале. Вообще не уверен, стоит ли выбирать боевик. Кто знает,

а вдруг звуки выстрелов опять меня спровоцируют? Как же бесит, что теперь мои опции ограничиваются романтикой и комедиями.

– Как насчет этого? – Указываю на военный боевик.

Скептическое выражение мелькает на лице Харпер, прежде чем она улыбается.

– Я не против.

Хорошо, что она согласна, но хреново, что думает о том же, о чем думаю я. Что ей в принципе приходится об этом думать.

– Попкорн? – спрашиваю, купив билеты.

– Чувак. – Харпер смотрит на меня, словно на сумасшедшего. – Какие могут быть вопросы? Попкорн обязателен.

– Один попкорн, – говорю парню, стоящему за прилавком. – И две Колы... ох, подождите. – Я поворачиваюсь к Харпер. – Обычная Кола сойдет? Или диетическая?

– Не надо ничего диетического.

– Конфеты?

– Скитлс.

– Мои любимые.

Скитлс иногда включают в ИРП. Их любят практически все, потому что они не плавятся в жару и не считаются плохим предзнаменованием, как хлопья Лаки Чармс. Никто не сумел мне объяснить, почему эти хлопья предвещают неудачу, лишь заверяли, что так гласит примета морпехов.

Мы выбираем места в середине.

В первой же сцене показана колонна Хаммеров, движущаяся по пустыне мимо какой-то деревни, где маленькая девочка в красном

хиджабе машет им рукой. Один солдат машет ей в ответ. Секунду спустя авиаудар поражает строения прямо у нее за спиной.

Черт.

Мой пульс учащается. Черт.

Почему я решил, что это хорошая идея? Черт.

Мне нужно выбраться отсюда.

– Ничего не получится. – Я встаю, пробираюсь к концу ряда, стараясь не задевать колени других зрителей. Вниз по лестнице. За дверь. В ярко освещенный холл, где прислоняюсь к стене, пытаюсь отдышаться.

Спустя несколько минут из зала выходит Харпер, держа в руках попкорн, напитки и конфеты.

– Ох, черт, извини. – Я забираю у нее содовую, несмотря на свои трясущиеся руки.

Она улыбается.

– Я официантка, забыл? Все в порядке.

На меня обрушивается волна злости. На самого себя – потому что не способен контролировать собственные реакции. На Харпер – за то, что просто с улыбкой говорит, будто все в порядке, хотя все далеко не в порядке. Я швыряю стакан газировки в стену. Он разрывается от удара, Кола разливается повсюду.

– Черт, ты слишком мила со мной, – ору на нее, сам не зная почему.

– А чего ты от меня хочешь, Трэвис? – кричит Харпер в ответ. – Чтобы я рассердилась на тебя из-за этого? Не глупи.

Я падаю на скамейку, подпираю голову руками.

– Прости.

Она присаживается рядом, прислоняясь ко мне. От прикосновения ее тела меня окутывает спокойствием, и я чувствую себя лучше.

– Я должен был догадаться.

– Возможно, – соглашается Харпер. – Мы можем посмотреть что-нибудь другое. Что думаешь по поводу монстров?

Приподняв брови, она указывает на зал, в котором идет детский мультфильм. Оглядываюсь по сторонам. Мы одни. Никто не поймает нас, если перейдем туда. Я улыбаюсь.

– На счет три...

Харпер смеется, только мы больше не разговариваем. Собираем свои закуски и заходим в зал.

До сих пор крутят трейлеры новинок, так что мы ничего не пропустили. Снова находим места по центру. Напряжение покидает мое тело, когда тянусь через подлокотник и беру ее за руку.

– Спасибо.

Она не отводит глаз от экрана, улыбаясь.

– Заткнись и ешь свой попкорн. – Однако Харпер не отпускает мою руку. Даже после окончания сеанса.

Глава 8

Пару дней спустя я просыпаюсь и обнаруживаю, что не могу подняться с кровати. В буквальном смысле. Едва получается пошевелить руками и ногами – ощущение такое, будто меня что-то держит. Паника овладевает мной. А вдруг это новое проявление моего проблемного состояния? И так паршиво, что мозг меня подводит, теперь еще и тело отказывается подчиняться?

– Мам! – кричу я. Не могу даже до телефона дотянуться, или скинуть с себя простынь.

Дверь спальни распахивается и низкий голос произносит:

– Твоя мамочка тебе не поможет, мальчишка.

Боже Правый, кажется, я умираю.

Приподнимаю голову. В дверном проеме стоит Сиджей Мосс, а в коридоре позади него, согнувшись пополам, ржет Кевлар.

– Какого хрена вы со мной сделали?

Хохоча, парни входят в комнату. Надеюсь, их затея не подразумевала использование скотча. Больно будет его отдирать. Кевлар широким жестом сдергивает с меня простынь. Оказывается, я привязан к кровати сетью, сплетенной из пары десятков амортизирующих тросов. Я хотел бы разозлиться, но не могу, потому что невозможно не рассмеяться в ответ на писклявое хихиканье Кевлара.

– Я подумал, что у меня гребанный инсульт, – говорю, вызывая очередной взрыв смеха, пока они освобождают меня из эластической ловушки. – Что вы тут делаете?

– Мне стало скучно. – Кевлар кладет в рот щепотку жевательного табака, в то время как я натягиваю шорты. – Поэтому я позвонил Моссу и сказал: "Сиджей, друг мой, настала пора отправиться в путешествие".

Мосс закатывает глаза. Он немногословен. Разумеется, никому нет нужды говорить, когда у Кевлара рот не закрывается. Я даже не представляю, каково ему было в дороге.

– Так что, мы запрыгнули в пикап и приехали сюда, – продолжает Кевлар. – Давайте развлечемся!

– Который сейчас час? – я выглядываю в окно через жалюзи. – Боже, Кенни, на улице еще темно.

– Я называю это "нанести дню упреждающий удар". – Он потирает руки, словно разжигая костер. – Давай, Соло, время уходит зря.

– Чем хотите заняться? – Я надеваю футболку, потом заправляю постель.

– Я предлагаю... – начинает Кевлар, но Мосс зажимает ему рот ладонью.

– Я хочу порыбачить в открытом океане, – перебивает Сиджей. – Помню, как ты про это рассказывал, Соло. Я хочу поймать рыбу.

– Заметано.

– А я думал о горячих девушках в бикини и стопках алкоголя на их телах... Ой, здравствуйте еще раз, миссис Стефенсон, – быстро меняет тему Кевлар, когда моя мама входит в комнату. Мы практически не общались после папиного возвращения, и я опять чувствую себя некомфортно в ее присутствии. Мне не хочется, чтобы дела обстояли таким образом – было классно проводить с ней время, но сомневаюсь, что она захочет выслушать мою точку зрения. Меня ее позиция тоже не интересует.

– Спасибо за поощрение и пособничество в их миссии, мам. Они привязали меня к кровати амортизирующим тросом.

Она смеется.

– Я пришла спросить, останутся ли твои друзья ночевать.

– Спасибо за гостеприимство, мэм, – отвечает Кевлар. – Но мы уже зарезервировали номер в гостинице на пляже.

– Нам нужно идти, – говорю я.

– Куда вы собрались в такую рань, мальчишки? – интересуется мама.

– На рыбалку.

– О, должно быть весело. – Энтузиазм в ее тоне не соответствует печальному выражению ее глаз. – Вы на ужин вернетесь?

– Мы, скорее всего, поужинаем в городе.

– Хорошо. Не забудьте захватить солнцезащитный крем. – Мама следует за нами вниз по лестнице.

Закрыв за собой дверь, чувствую себя так же, как в день ухода с аванпоста в Марджа. К лагерю прибились бездомные собаки; несмотря на запрет, мы их подкармливали. Когда покидали базу, один пес, белый, с черными пятнами на ушах, смотрел нам вслед с такой надеждой, будто мы могли передумать и остаться. Сейчас моя мама провожала нас с точно таким же выражением, отчего я ощущал себя виновато.

– Может, сначала позавтракаем? – спрашивает Мосс, усаживаясь в Джип.

– Можем где-нибудь остановиться, – соглашаюсь я. – Какие будут предпочтения?

– Вафельный Дом.

– Опять? – стонет Кевлар на предложение Мосса. – Соло, ты в курсе, что между твоим городом и Леженом стоит тридцать восемь Вафельных Домов? Конечно, мы посетили не все, но тебе не кажется, что и четыре за последние семнадцать часов – это чересчур?

– Мне нравится Вафельный Дом, – заявляет Мосс.

Харпер, вероятно, работает – лишь этой причины мне достаточно.

– Заткнись, Кеннет. Мужик хочет в Вафельный Дом, значит, мы едем в Вафельный Дом.

Харпер поднимает голову, смотря в нашу сторону, когда мы входим в закусочную. Кевлар идет впереди, поэтому я ей подмигиваю, приложив палец к губам. Она улыбается дежурной лучезарной улыбкой.

– Привет! Добро пожаловать в Вафельный Дом. Присаживайтесь за любой столик, я вас обслужу.

– Проклятье, Соло, если бы в остальных Вафельных Домах работали такие девушки, я бы остановился в каждом, – говорит Кевлар.

– Зачем? Чтобы ты мог просто посидеть, ни слова им не сказав, как делал во время поездки в Нью-Йорк со мной и Чарли?

– Умолкни на хрен.

– Сиджей, ты бы его видел. Всю дорогу он твердил о том, как переспит с кем-нибудь. Когда мы пришли в бар, Кенни такой: "Она секси. Наверно, приглашу ее на танец". А мы с Чарли ему: "Давай". И что он сделал? Ничего.

– Я пообщался с одной девчонкой.

– Ох, точно. – Я киваю. – С одной. Ты с ней переспал? Поцеловал ее? Попросил номер телефона? Чувак, это несложно. Вообще-то, спорим, что я добьюсь от той девушки, – указываю на Харпер, – поцелуя до окончания завтрака.

– Невозможно. – Кевлар отрицательно качает головой. – Ты не настолько хорош.

– Сколько?

– Двадцать баксов, – говорит он.

– Идет.

Харпер подносит меню и столовые приборы.

– Меня зовут Харпер. Могу я предложить вам кофе? Или апельсиновый сок?

– Харпер? Какое красивое имя, – говорю я. – Вас назвали в честь Харпер Ли?

Уголок ее губ дергается, но она старательно не подает виду.

– Нет, в честь Чарли Харпера.

– Художника? Он один из моих любимых. Меня зовут Трэвис, а это мои друзья – Кенни...

– Кен, – перебивает Кевлар. Я едва не срываюсь. Кен? С каких пор? – Кен Честнат.

– А это Сиджей.

– Очень приятно познакомиться, – отвечает Харпер. – Вы не из здешних мест, джентльмены, не так ли?

– Мы приехали на пару дней из Северной Каролины, – поясняю я.

– Морпехи, – добавляет Кевлар. – Недавно вернулись из Афганистана.

Она посылает ему свою ослепительную улыбку, и лицо Кеннета становится таким же пунцовым, как и его волосы.

– Замечательно.

– Мы позже собираемся на рыбалку, – говорю я. – Вы бы не хотели... хотите к нам присоединиться?

Теперь Харпер улыбается мне; наша шарада принимает совершенно новый оборот, и мне это нравится. Очень.

– Конечно, с удовольствием, – отвечает она. – И все-таки, как насчет напитков?

Пока Харпер выполняет наш заказ, Кевлар делится последними сплетнями части. Понятия не имею, каким образом он обо всем узнает, однако у него найдется компромат на каждого.

– Чувак, ты помнишь Нарделло из второго отряда? От него жена ушла, забрала все, даже его Мустанг 66 года выпуска.

– Черт, жестоко.

– А Дэй... чувак, он пытался прикончить себя.

– Что? Нет.

– Ага, – говорит Кевлар. – Он дружил с Палмером.

В нашем батальоне погибло восемь ребят, Палмер был одним из них. Я не очень хорошо знал Дэя и Палмера, но, думаю, мне понятно, что чувствовал Дэй. Словно ты – стакан, заполненный до края. Стоит тебе вернуться к домашним заботам, и стакан переполняется.

Когда Харпер возвращается с кофе, я выбрасываю эти мысли из головы.

– Вы уже решили, что хотите заказать?

Мосс выбирает лепешки с подливой и овсянкой, Кевлар – вафли с орехами пекан, я же склоняю голову набок и смотрю на нее.

– А я хочу поцелуй.

Она приподнимает брови.

– Что?

– Ничего из меню с этим не сравнится.

Кевлар негодуяюще стонет. Даже я вынужден признать – в жизни не произносил более банальной фразы. Только суть не в том, чтобы

использовать успешный подкат. А в том, чтобы выиграть двадцать баксов у парня, который привязал меня к кровати.

– Ах, как мило с твоей стороны, – говорит Харпер, затем садится в кабинку рядом со мной, касается подушечками пальцев моего лица и прижимает свои губы к моим. От нее пахнет яблоками, беконом и клиновым сиропом. Все планировалось в шутку, но язык Харпер дразнит мой, и Вафельный Дом исчезает. Ситуация опасно накаляется, еще чуть-чуть, и мне понадобится холодный душ. Ее зеленые глаза прикованы ко мне, когда она медленно отстраняется с едва заметной заговорщической улыбкой. Я протягиваю руку через стол, ладонью вверх. Кевлар со шлепком передает мне двадцатку. Харпер снова быстро чмокает меня в губы, после чего встает. – Тебе как обычно, Трэвис?

– Ага.

– Соло, старик, так не честно, – возмущается Кевлар.

Зажимаю банкноту между пальцев.

– Я бы сказал, что мы практически квиты.

Мосс смеется; мы с ним стучаемся кулаками. Впервые после возвращения из Афганистана (за исключением моментов, когда я наедине с Харпер), чувствую себя практически нормальным. Это мои братья. Моя семья.

– Эй, Харпер? – окликаю через весь зал.

– Да?

– Я всерьез про рыбалку говорил.

– Я тоже, – отвечает она. – Мне осталось только обслужить столик с идотами-морпехами, и я свободна.

– Так, стоп. Значит, ты с ней...? – Кевлар смотрит то на меня, то на Харпер. Он оставляет мысль незавершенной, что довольно точно

характеризует наши с ней отношения. Незавершенные. Она не моя девушка, однако, меня больше никто не интересуется. Если не брать в расчет Пэйдж, но... Не знаю, почему Пэйдж до сих пор оказывает на меня такое влияние. Она не нравится мне в том плане, в каком нравится Харпер. Кенни опускает голову, стучаясь лбом о столешницу, отчего звякает посуда. – Этот мир несправедлив.

– Чувак, я тебе уже говорил. Если хочешь получить девушку, тебе придется завести с ней беседу для начала.

Он показывает мне средний палец, не поднимаясь со стола.

Харпер заканчивает свою смену, и мы следуем за ней до радиостанции, где она оставляет Ровер отцу. Пока едем по Дэниелс, Кевлар раскачивается на пассажирском сиденье, будто пытаюсь заставить Джип ехать быстрее.

– Боже, Соло, – жалуется он. – Моя древняя бабуля гоняет быстрее тебя.

– Я еду почти сто. – Лимит – 70 км/ч, но я подстраиваюсь под общее движение. – Куда тебе торопиться?

Мосс наклоняется вперед, протискиваясь в пространство между передними сиденьями.

– Ты бы видел его по дороге сюда. Мы бы приехали еще раньше, если бы его три раза не останавливали за превышение скорости. К тому же у парнишки серьезный случай дорожного гнева. Черт. Я талибов меньше боюсь, чем его шизанутой манеры вождения.

Я смеюсь, но меня все равно посещает мысль – так проявляются последствия Афганистана у Кевлара? И что насчет Мосса? Он сказал мне, что вырос в бедном районе Балтимора. Сиджей не состоял в банде и не был сыном матери-одиночки. Его папа уволился из армии по инвалидности, поэтому они не могли позволить себе жилье получше.

Мосс как-то признался, что собирается после окончания службы в следующем году поступить в колледж.

– Мне не в новинку наблюдать за тем, как гибнут люди, Соло, – сказал он однажды, пока мы качались в импровизированном тренажерном зале нашей патрульной базы. – Надо любым способом научиться отпускать подобные вещи, иначе они сожрут тебя изнутри.

Я гляжу на него через зеркало заднего вида, в то время как он осматривает пейзажи за окном, невозмутимый, словно Будда.

Может, Мосс – единственный счастливчик среди нас.

Кевлар напоминает мне пса, высунувшего голову из окна движущейся машины, когда наш капитан, Гэри, ведет лодку к месту рыбной ловли. Он обзавелся банкой пива и наконец-то получил скорость, которую так жаждал. Впервые с момента их вторжения в мою комнату Кевлар выглядит по-настоящему расслабленно.

Мосс сидит в каюте. Похоже, его одолела морская болезнь.

– Намажешь мне спину? – Харпер, раздевшись до зеленого лифчика-бикини и оставшись в шортах, протягивает мне флакон солнцезащитного крема. Синяк, поставленный ею, еще желтеет у меня под глазом, а теперь она разрешает дотронуться до своей обнаженной кожи. Момент просто убийственный, мне приходится мысленно прокручивать в голове последовательность разборки автомата М16, чтобы не возбудиться... но мне это нравится.

Кевлар уходит в каюту за очередным пивом, когда я начинаю распределять крем по плечам Харпер. Он приподнимает свою рыжую бровь над линзой очков и произносит одними губами: "Сукин сын", заставляя меня рассмеяться.

– Кто-нибудь еще хочет пива?

Мосс качает головой. Видимо, его тошнота до сих пор не прошла.

– Рановато для меня, – говорю я.

– Чувак, в Хельманде уже "счастливые часы". – Кевлар бросает мне банку, которая без малого не выскользывает из моих рук, покрытых кремом. Я прикладываю холодный металл к спине Харпер. Она взвизгивает, затем, развернувшись, стучает меня по плечу. А я наблюдаю, как Кеннет залпом проглатывает свое пиво и возвращается к холодильнику за новым.

– Трэвис?

Я оборачиваюсь к Харпер.

Она спрашивает тихо:

– Все в порядке?

Я не знаю, как ей ответить. У меня самого заморочек хватает. Сомневаюсь, что мне хватит сил справиться и с его проблемами. Но, может, я должен. Может, именно это нам нужно – поговорить об Афганистане, о Чарли. У Харпер на кончике носа осталась капля крема, поэтому я протягиваю руку и втираю ее.

– Да, все хорошо. – Не думаю, что она мне верит. – Мне надо с Кевларом поболтать наедине, ладно?

– Чувак, ты в норме? – спрашиваю, когда Харпер возвращается на палубу.

– Да, а что? – уточняет Кевлар.

– Не знаю, просто кажется, что ты многовато пьешь.

– Какого дьявола, Соло? – Он хмурится, сдвинув брови. – Я на отдыхе.

– Извини, приятель. – Вскидываю руки вверх. – Я имею в виду, если ты хочешь поговорить или типа того...

– Отвали. – Кевлар тоже выходит на палубу, навстречу ветру. Лодка рассекает волну, брызги соленой воды попадают ему на лицо. Он издает радостный возглас, улыбаясь, словно идиот.

Я подхожу к Моссу.

– Давно он так?

– С тех пор, как домой вернулись, полагаю, – отвечает Сиджей. – Я сразу прыгнул на автобус, поехал семью навестить, поэтому точно сказать не могу. По пути сюда он заявил, что провел ночь в тюрьме у себя в Теннесси за драку в баре. Не знаю, Соло. Складывается такое впечатление, что реальной жизни ему теперь мало.

Глава 9

Погода выдалась хорошая, поэтому волны не очень большие. Мосс, похоже, приспособился к качке... и нашел пиво.

– Я сегодня поймаю акулу, – объявляет Кевлар, пока Гэри раздает нам удочки. Мы вышли на косяк тарпонов, но, по словам Гэри, есть шанс увидеть акул. – Черноплавниковую или лимонную... или акулу-молот. Да, будет круто, если попадется молот.

Он заводит удочку назад, готовясь забросить, однако Гэри его останавливает.

– Притормози, сынок, ты ничего не поймал без наживки.

– Только хмельной кураж, – предлагает Мосс.

– Не, – говорю я. – Это он уже поймал.

Кевлар показывает нам средний палец, в то время как Гэри наживляет на его крючок живую сардину.

Харпер самостоятельно справляется с этой задачей.

Я подхожу к ней сзади, кладу руку на талию. Из-за солнцезащитного крема она пахнет летом. Мои губы практически касаются ее уха, когда я шепчу:

– Ты официально самая классная девчонка в мире.

Она вздрагивает, но затем деланно закатывает глаза.

– Ты только сейчас начинаешь это понимать?

– У меня были подозрения.

Харпер поворачивается ко мне лицом и кладет руки на мою грудь. Я игнорирую тот факт, что они покрыты рыбной слизью, потому что... ну, это Харпер. И она собирается меня поцеловать.

– Трэвис?

– Да?

– Иди прочь. – Она меня отталкивает. – Мне предстоит поймать акулу.

Кевлар ржет.

– Оох, Соло. От ворот поворот.

– Эй, Кеннет, ты не представишь меня своей спутнице? – Я запускаю руку в садок за своей наживкой. – Ой, подожди. У тебя ее нет.

Он делает щедрый глоток пива, после чего отрыгивает.

– Харпер могла бы познакомить нас с парочкой своих подруг.

Забрасывая удочку, подумываю о том, чтобы свести Кевлара с Лэйси Эллисон. Он наконец-то сможет узнать, что такое секс. Я смотрю на Харпер.

– Даже не думай об этом, – отвечает она, не отводя взгляда от водной глади. – Я не могу указывать своим подругам, что делать, когда они

встречаются с незнакомыми парнями в барах, но предлагать их Корпусу морской пехоты, словно сутенер, тоже не буду.

Ее слова заставляют меня засмеяться.

– Полагаю, это справедливо.

Сегодня хороший день. Солнце. Пиво. Рыбалка. А Афганистан далеко, где ему и место. Мне не нужен психотерапевт. Мне просто нужно больше таких дней.

Первый улов у Мосса – блестящий серебристый тарпон. Сиджей буквально светится от счастья. Тарпоны хороши для спортивной ловли, но для еды непригодны, поэтому Гэри фотографирует везунчика с его добычей, а затем они отпускают рыбину обратно в Залив.

– Соло? – спрашивает Мосс, снова закидывая удочку. – Такая рыба водится в Северной Каролине?

– Конечно. Можем и там порыбачить, когда захочешь, приятель.

Он улыбается той самой умиротворенной улыбкой Будды.

– Круто.

– У меня что-то есть, – немногим позже сообщает Харпер, когда леска на ее удочке начинает быстро разматываться. Она пытается подсечь, отчего мышцы ее рук напрягаются. Мне сразу становится понятно – попало что-то крупное.

– Тарпон, – говорит Гэри, но Харпер качает головой.

– Похоже, уходит на глубину, – отвечает она. – Может, акула?

– Ну, в таком случае садись в кресло. И держись.

Что бы Харпер ни поймала, оно убегает. Не так, как в мультиках, где рыба уплывает, утягивая за собой лодку. Однако акулы сильные, и наше судно слегка отклоняется в сторону за уловом Харпер. Спустя пару минут

катушка останавливается, и она начинает подсекать. Харпер тоже не слабачка, только давление на удочку оказывается довольно мощное.

– Ты в порядке? – спрашиваю я.

– Да. – Пряди, выбившиеся из ее конского хвоста, стали влажными и прилипли к шее. – Но не отказалась бы от воды.

Кевлар приносит Харпер бутылку, а я, чтобы укрыть ее лицо от солнца, надеваю ей на голову свою старую бейсболку с эмблемой Милуоки Брюэрс, оставшуюся еще со времен проживания в Грин-Бэй.

Раз лодка следует за акулой Харпер, Кевлару приходится переключить свое внимание на кулер, что его совсем не огорчает. Он и без того уже прилично под градусом. Мосс же, наоборот, с удовольствием наблюдает за Харпер. Словно старается запечатлеть в памяти каждое мгновение нашей рыбалки.

Около получаса события разворачиваются следующим образом: акула, пытаясь вырваться, разматывает катушку до предела; Харпер подсекает, сматывая столько лески, сколько получается. Утомительное занятие, ее руки дрожат от усилий.

– Тебе нужна помощь? – предлагаю я.

– Нет. – Харпер вымученно улыбается. – Но спасибо.

Неудивительно, что она отказывается. Харпер, скорее всего, в любом случае рыбачит лучше меня. И это довольно сексуально.

Проходит сорок пять минут, может, час, прежде чем акула начинает уставать так же, как Харпер. Бейсболка Брюэрс отбрасывает тень на ее лицо; она явно сдерживается, чтобы не заплакать. Какая-то часть меня хочет забрать у нее удочку, позволить ей передохнуть, но Харпер слишком упрямая. Шаг вперед, два назад, однако она постепенно притягивает свою добычу ближе. Леска разматывается каждый раз, когда

акула мечется в попытке сорваться с крючка, а Харпер с трудом тащит ее обратно.

Затем, словно на последних секундах соревнования по армрестлингу, где слабейший из соперников сдается, акула просто прекращает сопротивляться. Харпер сокращает расстояние на метр, потом на два, потом на десять.

– Похоже, гадина выдохлась, – говорит Гэри. – Но имей в виду, при приближении к борту она может снова начать дергаться.

Поначалу видна только темная тень в глубине. Невозможно разобрать, что там. Но чем ближе к поверхности, тем отчетливее мы видим очертания акулы-молот. Да это просто монстр какой-то.

– Боже, – шепчет Кевлар. – Как мы поднимем эту громадину на лодку?

– Она размером метра три, три с половиной, сынок. Мы не будем поднимать ее на борт. – Гэри поворачивается к Харпер. – Продолжай подсекать.

Молот показывается над водой и сразу же начинает бешено метаться, образуя вокруг себя водоворот. Я смотрю на Харпер, улыбаясь.

– Ты его поймала.

Уголки ее губ слегка приподнимаются, однако сложно сказать, улыбка это или гримаса, пока она пытается совладать с сопротивляющейся из последних сил акулой.

Наконец молот перестает бороться, и переворачивается на бок, просто держась наплаву. Измотанный. Одна сторона его уродливой головы торчит из воды, мелкий черный глаз смотрит, как будто в недоумении. Словно он пытается понять, что, черт возьми, произошло.

Кевлар, склонившись за борт, дотрагивается до акулы.

– Твою мать, как круто.

– Если хотите сфотографироваться, то сейчас самое время, – говорит Гэри. – Поторапливайтесь, потому что нам нужно ее отпустить.

Мосс забирает удочку у Харпер, а я делаю фото на свой телефон. Гэри протягивает ей ножницы, которыми нужно перерезать леску, чтобы освободить пойманную акулу. Никаким другим образом крючок, застрявший между острейшими зубами, не вытащить. Он там и останется, пока не разрушится от ржавчины.

– Хочешь ее как-нибудь назвать? Некоторым нравится давать им имена.

– Нет, и так сойдет. – Харпер перерезает леску, и акула медленно отплывает, ее спинной плавник погружается под воду, потом полностью скрывается из виду.

– Это было потрясающе. – Я подхожу к Харпер, обвиваю рукой ее талию. Все ее тело дрожит от усталости, когда она прислоняется ко мне, закрыв глаза. Я целую ее в лоб, влажный от пота.

Мы рыбачили еще пару часов (Харпер все это время проспала в каюте), после чего подвезли Кевлара и Мосса до их отеля, а потом поехали по острову к дому Харпер.

– Давай устрой тебе большой тур, – говорит она, когда я следую за ней к крыльцу. – Много времени это не займет, так как стоя в гостиной, можно увидеть все остальное.

Харпер распахивает дверь и замирает на месте. Я врезаюсь в нее сзади, но тут же хватаю за талию, чтобы она не упала. Сидя на диване, папа Харпер целуется с темноволосой женщиной. Они отскакивают друг от друга, поправляя свою смятую одежду. Вокруг его рта размазан ее блеск для губ, да и выражения лиц явно свидетельствуют, что их... поймали с поличным.

– Ладно, неловко получилось, – произносит мистер Грэй, поднимаясь с дивана вместе со своей гостьей. Они держатся за руки. – Харпер, это Эллисон Реддинг. Эллисон, а это Харпер и ее друг, Трэвис.

– Я себе этот момент не совсем так представляла. – Эллисон радостно, искренне улыбается, протягивая руку Харпер, которая стоит бездвижно в моих объятиях. Я не уверен, дышит ли она. – Но все равно приятно наконец-то с тобой познакомиться.

Харпер ничего не отвечает. Она вырывается из моих рук и уходит к себе в комнату, захлопнув за собой дверь.

Оставив меня разгребать эту гору неудобства.

Ее папа тяжело выдыхает, почесывая макушку.

– Мне нужно с ней поговорить.

– Наверно, будет лучше, если вы не станете этого делать, – возражаю я. – Позвольте мне.

– Я не думаю... – Мистер Грэй смотрит ей вслед, будто я попытаюсь притронуться к его дочери в такой момент, затем вздыхает. – Да, хорошо.

Я стучу в дверь спальни Харпер.

– Эй, это я.

Она, со слезами на глазах, выглядывает в приоткрытую щелку.

– Можно мне войти?

Харпер открывает дверь шире, и я прохожу в ее ярко-желтую комнату, останавливаясь возле кровати. Должен признать, мой предпочтительный курс действий – затащить ее под одеяло и сделать что угодно, лишь бы отвлечь от мыслей об отце. Вот только сейчас Харпер не того хочет. Учитывая все то, что она вытерпела из-за меня, не смертельно будет заткнуться и выслушать ее.

– Когда он рассказал о ее желании приехать сюда, мне казалось, они имели в виду возможный визит в будущем. – Харпер опускается на кровать. – Я не предполагала, что это произойдет скоро, и... вот так.

Я сажусь рядом с ней, оглядывая комнату. На стенах висят красочные картины с изображением морских существ в мультипликационном стиле. Красные черепахи. Фиолетовые морские коньки. Зеленые рыбки. Оранжевые дельфины. Выглядят они довольно клево. Интересно, это мама Харпер нарисовала?

– Кто она такая?

– Они с отцом были помолвлены. – Харпер трет глаза тыльной стороной кисти. Я предлагаю ей рукав своей пропахшей рыбой футболки. Она утыкается лицом мне в плечо. – Отец расстался с ней после того, как встретил маму.

Я никудашен в подобных делах. Быть парнем порой гораздо проще.

– Может, эм, тебе лучше поговорить с ним?

– Нет. Я не готова. – Харпер утирает слезы о рукав моей футболки. – Давай придерживаться наших собственных планов.

– Ладно.

Открыв нижний ящик комода, она достает красное полотенце и вручает мне.

– На заднем дворе есть душ с мылом и шампунем. Только проверь, до конца ли задернута занавеска, иначе старушонка, живущая на другом берегу канала, позвонит шерифу.

– Звучит весело.

Я тянусь к дверной ручке, однако Харпер вдруг пересекает маленькую комнату, прижимает меня к двери и целует так же, как целовала в Вафельном Доме утром. Проклятье.

Мы оба не можем отдышаться, когда она отстраняется.

– Спасибо, Трэвис.

Папа Харпер и Эллисон ждут за кухонным столом. Проходя мимо, стратегически держу полотенце спереди, чтобы спрятать свой стояк. Быстро поднявшись, мистер Грэй чуть не опрокидывает стул. Мне даже представить сложно, что отцы способны на подобное беспокойство.

– С ней все в порядке?

– По большей части она просто в растерянности.

– Я надеялся, Харпер присоединится к нам за суши, – говорит он. – Чтобы познакомиться с Эллисон поближе.

– Я бы этого не советовал. – Я не говорю ему, что образ того, как они целовались, скорее всего, до сих пор выжжен у Харпер на сетчатке. – Она думала, это теоретическое событие, которое состоится когда-нибудь. Ей нужно немного времени, чтобы во всем разобраться.

– Спасибо, Трэвис. – Мистер Грэй пожимает мне руку. – Ты хороший парень.

Сомневаюсь, что он бы сохранил подобное мнение, если бы знал, что я иду принимать холодный душ.

Глава 10

Гора пустых крабовых клешней, устричных раковин и очищенных панцирей креветок возвышается в середине стола на балконе с видом на Залив. Мы съели тонну морских деликатесов, доставленных из Крабовой Хижины Пинчерс, и, если судить по количеству бутылок Короны с выжатыми ломтиками лайма на дне, прикончили ящик пива. Каждый из нас немного обгорел на солнце и куда более пьян. Поразительно, как Кевлар до сих пор не отключился.

– Вечер с самым разгаре, а внизу расположен бар, полный молодых, цветущих женщин. – Он выходит из ванной в клетчатой рубашке и новехоньких джинсах (не удивлюсь, если на них еще этикетка висит).

– Вы только посмотрите, – говорю я. – На rodeo собрался, Кеннет?

– Чертовски верно. – Кевлар улыбается. – Найду себе женщину, схвачусь покрепче, и... – Он раскачивает бедрами, словно объезжает быка, размахивая ковбойской шляпой в воздухе. – Ю-ху!

Мосс смеется.

– Ставлю на то, что ты не продержишься и восьми секунд.

Я стучаюсь с ним кулаком.

– Идите вы на хрен, ребята, – отвечает Кевлар. – Сегодня та самая ночь. Я чувствую. Кто со мной? – Я смотрю на Харпер, отчего он стонет. – Соло, я не ожидал, что мне когда-либо придется произнести эти слова, но ты, друг мой, под каблуком.

Я указываю на него своей пивной бутылкой, прищурив один глаз, будто прицеливаясь.

– Не заставляй меня подойти и надрать тебе задницу.

– Без обид.

– Ну, что ж, давай-ка рассмотрим факты, – предлагаю. – Я здесь с девушкой, которая по воле случая оказалась безумно привлекательной... – Харпер заливается румянцем. – В то время как ты вырядился, словно простофиля из Теннеси, в надежде, что тебе хоть что-то обломится. Харпер может отказать мне сегодня, завтра, или каждую последующую ночь, и у меня все равно будет больше шансов на секс, чем у тебя, прирожденный деревенщина.

Мы испепеляем взглядами один другого до тех пор, пока Кевлар не улыбается, после чего начинает хихикать. Вскоре хохочут все, кроме Харпер, которая выглядит озадаченно.

– Ребят, вы так жестоки друг с другом, – говорит она, на что мы смеемся еще громче.

Это правда. Мы обмениваемся довольно обидными репликами. Расистскими. Гомофобными. Оскорбляем матерей. Время от времени дело доходит до рукопашной, однако чаще всего просто смеемся, потому что говорим не всерьез. Каждый из нас прикроет другого от пули собственной грудью.

– Ну, так мы гуляем, или как? – интересуется Кевлар, закладывая жевательный табак под нижнюю губу.

Мосс пожимает плечами.

– Я "за".

– Ага, – соглашается Харпер.

Кевлар пытается положить руку ей на плечо, когда мы идем к лифту, только это немного проблематично с учетом того, что она выше сантиметров на десять.

– Знаешь, еще не поздно дать Соло отставку.

– Почему вы его так называете?

– Помнишь такой момент из Звездных Войн – перед тем, как стены мусорного отсека начинают сдвигаться, Хан Соло говорит: "У меня плохое предчувствие"?

Харпер кивает.

– Ну, так вот, кромешная ночь в Стане, – рассказывает Кенни. – Мы загружаемся в вертолеты, которые должны выкинуть нас у черта на

куличках, где одному Богу известно, кто будет в нас стрелять, и внезапно Стефенсон произносит: "У меня плохое предчувствие".

– Нам было страшно до ужаса, – добавляет Мосс. – Но стоило кому-нибудь повторить эту фразу, как мы начинали смеяться.

Я помню то кошмарное чувство, когда вертолеты оставили нас в темноте, в неизвестности, покрытых первым слоем пыли, без возможности уйти. Без возможности передумать и вернуться домой.

Моя шутка не стала пророческой. Мы совершили рейд по нескольким домам, захватили группу предположительно плохих парней, и к восходу чувствовали себя ковбоями... а за мной пожизненно прицепилась кличка "Хан Соло".

Я протискиваюсь между Кевларом и Харпер, обнимая ее.

– Они зовут меня Соло, – говорю ей в шею, отчего она вздрагивает, – еще и потому, что я всегда завоевываю девушку.

Харпер смотрит на меня краем глаза.

– Хан Соло был идиотом.

Кенни хихикает, затем сплевывает табак в горлышко пустой бутылки.

– Она права.

– Соло выступил против Империи, чтобы Люк Скайуокер смог взорвать Звезду Смерти, – возражаю я. – Он герой.

– Он негодяй. – Харпер ухмыляется, нажав кнопку лифта. Я улыбаюсь в ответ, потому что она разбирается в Звездных Войнах.

– Я тебе нравлюсь, потому что я – негодяй, – цитирую фильм. – В твоей жизни не хватает негодяев.

Створки лифта раскрываются с перезвоном. Харпер смотрит сначала на меня, потом на Мосса, потом на Кевлара, затем смеется.

– Ничего подобного.

В клубе на первом этаже удивительно людно для августа. Только ни одну из присутствующих женщин не назовешь молодой или цветущей. Тут полно посетителей среднего возраста в тропических прикидах, и они зажигают – если это вообще можно так назвать – под группу с названием Флоридни, отдающую честь Джимми Баффету.

– Сколько здесь прекрасных, прекрасных дам, Кеннет, – говорю я. – Которую выберешь?

– Если бы я хотел женщину бальзаковского возраста, то поимел бы твою маму.

– Почему? Своя надоела?

Он игнорирует меня.

– Отстойное место. Куда еще мы можем пойти?

Мы идем в Шемрок.

Подруги Харпер оккупируют столик возле бара. Завизжав, Лэйси двигается напрямик к нам. Ее ковбойские сапоги громко отстукивают по полу с каждым шагом. Я гляжу на Кевлара, проверяя, оценил ли он ее микроскопическую джинсовую юбку, однако его взгляд сосредоточен на Эмбер, волосы которой выкрашены в оттенок красного, очень похожий на... цвет волос Кевлара.

– Чувак, нет.

Она – Тур де Франс. Он – трехколесный велосипед. Кенни не готов к Эмбер Рэйнолдс.

– Чувак, да, – отвечает Кевлар.

– Харпер! Трэвис! – Лэйси утягивает нас к их столику. Но ее улыбка направлена на... Мосса? Не то чтобы я возражал, потому что он симпатичный для... ну, знаете... парня. Просто все происходит совсем не так, как я ожидал, в случае, если что-либо вообще произойдет. – Итак, ты представишь нас своим друзьям?

Я знакомлю их, после чего иду к бару и заказываю графин пива. Пока бармен наливает, я оглядываюсь назад, где Лэйси обвила себя вокруг бицепса Мосса, а явно нервничающий Кевлар беседует с Эмбер. Сумасшествие.

Харпер присоединяется ко мне.

– Мы что, в параллельной вселенной? – спрашиваю я. – Потому что я не имею ни малейшего представления, кто этот парень.

– Он довольно пьян, – говорит Харпер. Она смотрит в пол, затем на меня. Я ведусь на застенчивость каждый раз. Даже когда Пэйдж так делала, и я знал, что это фальшь. Но с Харпер... это не продуманный маневр, чтобы меня соблазнить. Он искренний. И по-прежнему невероятно эффективен. – Хочешь... эмм... прогуляться?

Возможно, она предлагает прогуляться, а возможно – что-то посерьезней. В любом случае, я "за".

Даже если мы просто пройдемся пешком до Бонита-Спрингс и обратно.

– Конечно.

– Мы скоро вернемся, – говорю остальным, пока Харпер ставит графин на стол. Засунув руку в карман, достаю упаковку с тремя презервативами. – Не забывайте о безопасности. Веселитесь. Не делайте ничего, что я бы не стал делать.

Кевлар смотрит на меня со злорадной улыбкой.

– Значит, даешь добро на свою маму?

Я отвечаю ему подзатыльник, затем беру Харпер за руку, переплетая наши пальцы.

– Мы ушли.

Перейдя через бульвар Истеро, сворачиваем на одну из дорог, ведущих к пляжу, где оставляем свои вьетнамки.

Песок под ногами прохладный и влажный. Мы направляемся к рыбацкому пирсу и пляжным магазинчикам.

– Итак, к чему полные презервативов карманы? – спрашивает Харпер.
– Думал, тебе сегодня понадобится так много?

– Я купил их для Кевлара. На всякий случай.

Она искоса бросает на меня скептический взгляд.

– Seriously?

– Гарантирую, тот, который он носит у себя в бумажнике, давным-давно просрочен. Поэтому я купил несколько вместе с пивом сегодня днем. Знал ведь – Кенни не подумает об этом, пока не будет слишком поздно.

– Это в своем роде... мило.

Я смеюсь.

– Ага, ну, я в своем роде милый парень.

– Себе оставил?

– Нет, – отвечаю. – А следовало?

Харпер отрицательно качает головой.

– Ты не против?

Пожимаю плечами.

– Мне некуда торопиться.

Пересекая Таймс Сквер, останавливаемся посмотреть выступление уличного фокусника для кучки немецких туристов. Затем, купив мороженое в Дэйри Куин, возвращаемся обратно на Истеро, пока не добираться до ее улицы.

– Хочешь, чтобы я проводил тебя до дома?

– Я не хочу возвращаться домой.

– Харпер... – собираюсь сказать ей, что она должна разобраться с тем, что ее беспокоит, но какое право я имею давать такие советы, если не представляю, как разобраться с тем, что беспокоит меня? – Ладно.

– Просто... если мы придем туда, а ее машина все еще будет стоять у двора... – Харпер замолкает. – Я ничего не имею против Эллисон, однако хотя бы мимолетное предупреждение не помешало, знаешь?

Я киваю.

– Именно это я сказал твоему отцу.

– Правда? – Выражение ее лица и голос смягчаются. Она целует меня, прямо здесь, на перекрестке. До тех пор, пока не раздастся сигнал из проезжающей мимо машины, и кто-то выкрикивает, что нам лучше уединиться.

– Хочешь вернуться в отель? – интересуюсь я. – Вдруг комната будет... занята?

Представив Кевлара и Эмбер вместе, вздрагиваю; Харпер морщится, будто воображает ту же картину.

– Да, не бери в голову, – говорю ей. – Пойдем ко мне.

Солнце ярко светит через неплотно задернутые шторы, когда я открываю глаза следующим утром. Судя по часам на прикроватном столике, я проснулся позже обычного. Такое только до отъезда в тренировочный лагерь случилось. И я чувствую себя хорошо. Отдохнувшим. Словно...

Я проспал целую ночь.

Ни бессонницы. Ни кошмаров. Ни таблеток. Ни Чарли.

– Привет. – Голос Харпер звучит хрипло спросонья. Она лежит рядом, положив руку мне на грудь. Пэйдж не оставалась ночевать, всегда уходила раньше, чем проснется моя мама. А кроме нее я больше никого сюда не водил.

Прошлой ночью с Харпер я попробовал вещи, которые пропустил, когда в четырнадцать начал заниматься сексом с Пэйдж в конюшне за ее домом. Не то чтобы я сожалел об этом. Нет. Просто... благодаря Харпер, мне как будто выпал шанс все сделать заново.

– И тебе привет, – говорю я. – С тобой приятно спать.

– Так вот, что мальчишки говорили обо мне все эти годы?

– Ага, я прочитал об этом на стене в школьной раздевалке.

Она смеется, зевнув.

– Который час?

Я поднимаю свой сотовый.

– Почти десять.

– О, нет! – Харпер подскакивает с постели и переплетает свой пучок. – Я на работу опаздываю.

Мама уже суетится на кухне, когда мы спускаемся вниз. Ее брови удивленно взметаются вверх при виде Харпер, после чего она переводит

на меня убийственный взгляд, полный немых упреков. Трэвис Генри Стефенсон, надеюсь, ты не занимался тем, о чем я думаю. Только не с милой девочкой, вроде Харпер Грэй.

– Харпер, – говорит мама. – Какой сюрприз.

– Да, эмм... рада вас видеть, миссис Стефенсон. – Ее щеки порозовели от смущения, хотя ей нечего стыдиться.

– Длинная история, – поясняю я. – Нам пора.

Высадив Харпер возле Вафельного Дома, отправляюсь на пляж к Кевлару и Моссу. Последний дрыхнет на шезлонге, а Кенни сидит с пивом в руке. Я смеюсь над его Афганским загаром – смуглое лицо и шея, все остальное – белое. Это Чарли придумал название "Афганский загар".

– Ты пропустил дикую ночь, Соло, – сообщает он. – Мы побывали в стрип-клубе под названием "Фантазии". Ты знал, что Эмбер – экзотическая танцовщица?

Я не удивлен. Раздеваться за деньги – вполне в ее квалификации. Снянув с себя футболку, выуживаю бутылку пива из прохладных глубин кулера.

– Чувак, она стриптизерша.

– Не будь злопыхателем только потому, что твоя девушка – богиня, – говорит Кевлар. – Эмбер очень податливая, если ты понимаешь, о чем я.

– Ты пытаешься сказать, что, вероятнее всего, заплатил шестьдесят баксов за три частных танца, после чего вернулся в гостиницу один, чтобы восполнить недостачу.

– Пошел ты.

– И все-таки, свершилось ли это великое событие, Кеннет?

– Сомневаюсь, что теперь мне захочется рассказывать. – Он скрещивает руки на своей щуплой веснушчатой груди, весь такой обиженный, и вздергивает нос, притворяясь, будто игнорирует меня.

– Кевлар, старик, я думал, мы лучшие друзья навеки, – говорю я. Не открывая глаз, Сиджей усмехается. – Я до сих пор храню свою половинку кулона дружбы, а прошлой ночью написал у себя в дневнике: "Дорогой Дневник, Кеннет мой самый лучший друг на всем белом свете. Надеюсь, у него сегодня будет секс, потому что это особенная ночь, когда парень теряет девственность и заражается венерическим заболеванием одновременно".

– Эй! Я использовал презерватив. – На его лице появляется широченная улыбка. Знаю, он хочет поведать обо всем в мельчайших деталях, но... нет. Мне не нужны кошмары еще и про это.

– Ох, Мосс, наш малыш стал взрослым. – Закрыв горлышко, начинаю взбалтывать бутылку. – Нам надо отпраздновать.

– Соло. – Кевлар подскакивает с шезлонга. – Нет.

Он пускается бегом вдоль пляжа, однако я быстрее, поэтому нагоняю его сразу же. Поймав Кенни, обхватываю рукой шею и брызгаю пивом ему в лицо.

– Поздравляю, чувак. Черт, давно пора.

Мы проводим на пляже еще около двух часов, пока моим друзьям не приходит пора возвращаться в Северную Каролину. Я сижу в их номере, в то время как они пакуют вещи.

– Как бы мне хотелось уехать с вами.

– Терпения на семью уже не хватает? – спрашивает Мосс.

Они не знают о том, что Пералта "предложил" мне взять дополнительный отпуск. Или о том, что Чарли – единственный, с кем я мог бы поговорить на данную тему – был отчасти тому причиной.

– Ага.

– Я люблю свою мать, – продолжает он. – Но за четыре дня ее опека встала поперек горла.

– Не хнычь, Соло. – Кевлар выходит из ванной, неся в руках все оставшееся гостиничное мыло и пузырьки с шампунем. – Мы увидимся на следующих выходных.

– А что будет на следующих выходных?

– Кевлар, старик, ты ему не сказал? – Мосс отвечает ему подзатыльник, после чего принимается рыться у себя в сумке, откуда достает бежевый конверт и протягивает мне. – Мы все их получили. Если ты сделал переадресацию своих почтовых отправок, то твой придет со дня на день, скорее всего.

Внутри лежит такого же цвета карточка. Приглашение.

В память

о младшем капрале Чарльзе Томпсоне Суини

приглашаем Вас почтить своим присутствием

*мемориальную службу, которая состоится в субботу,
четырнадцатого августа, в 17.00.*

Белый зал, Кинг Стрит, №1

Сент-Огастин, Флорида

Во рту пересыхает. При попытке сглотнуть кажется, будто в горле застряла наждачная бумага. Не хочу ехать на мемориальную службу, но я пообещал Чарли, что навещу его маму, и до сих пор этого не сделал. Как

сказать матери лучшего друга, что всех твоих стараний оказалось недостаточно?

– Этому морпеху не терпится достать свою синюю униформу, – говорит Кевлар, указывая на себя. – И посмотреть, как с девчонок слетают трусики.

Сиджей снова дает ему подзатыльник.

– Хоть толику уважения прояви. Это мемориальная служба.

– Чувак, если бы Чарли был жив, он бы первым использовал ситуацию, чтобы затащить девчонку в постель, – возражает Кенни. – Мы будем как мужики из фильма "Незванные гости", только в стиле морской пехоты.

Справедливое замечание. Чарли в шутку говорил, как купит себе Пурпурное сердце [медаль, вручаемая погибшим или получившим ранения в бою] на eВау, чтобы разводить девушек на секс из жалости.

– Ну, значит, увидимся через неделю.

Парни оставляют меня на стоянке отеля. Так и манит вернуться внутрь, в бар, и напиться до беспамятства, потому что единственное место, куда я еще могу податься – мой дом.

Конверт лежит на кухонном островке. Я разрываю дорогую бумагу, хотя и без того знаю, что в нем. Вместе с приглашением оттуда выпадает сложенное вдвое письмо. Оно от мамы Чарли.

Дорогой Трэвис,

Я очень надеюсь, что ты согласишься сказать несколько слов на мемориальной службе Чарли. Благословением небес он присутствовал в моей жизни дольше, но ты знал его лучше. Он называл тебя братом. Он называл тебя другом. Знаю, я многого прошу, и пойму, если ты откажешься, но, пожалуйста, позвони мне, когда примешь решение.

С уважением,

Эллен Суини

– Пожалуйста, не рассказывай ей, Соло. – Чарли стоит рядом со мной возле стойки. – Она считает меня героем. Не лишай ее этого.

– Не расскажу. – Я потираю глаза основанием ладоней, пытаюсь избавиться от видения, однако он все еще здесь. – Но тебе нужно уйти.

Вновь открыв глаза, замечаю маму, которая наблюдает за мной, стоя у двери.

– Кому нужно уйти, Трэвис?

– Никому, – уверяю я. – Пустяки. Просто голова болит. – Ложь. Я не признаюсь матери, что со мной разговаривал мой мертвый друг. Или что я ему отвечал. – Серьезно. Все хорошо.

Сомневаюсь, что она мне верит. Однако мама достает из холодильника лаймовый пирог (мой любимый), и отрезает несколько кусочков.

– Утром я была немного удивлена, увидев, как Харпер Грэй спускается по моей лестнице. Надеюсь, ты не...

– Нет. – И не важно, как должно было закончиться ее предложение. – Она очень... – Я пожимаю плечами. – Она мне нравится.

На самом деле, это крупица информации, но мамино лицо сияет так, словно я дал ей целую буханку.

Она подвигает ко мне тарелку с пирогом.

– Я всегда знала, что ты сможешь найти девушку гораздо лучше этой Пэйдж Мэннинг.

Засмеявшись, погружаю вилку в свой десерт.

– Ага, ну, не знаю, в курсе ли ты, но она переключилась на Райана.

– Что? Нет!

– Удивительно, как это папа тебе не рассказал. Они сошлись, когда я был на службе.

Мама вздыхает.

– Я пытаюсь быть снисходительной, но извини. Мне правда не нравится эта девочка.

– Я, вроде как, заметил.

– Что ж, если ей обязательно... встречаться с одним из моих мальчиков, то лучше уж с Райаном, – признается она с обреченным выражением на лице.

Я приподнимаю брови.

– Да?

– Знаю, мать не должна выбирать любимчиков, и я люблю вас обоих, но ты всегда нравился мне больше. – Мама проводит пальцем по взбитым сливкам, украшающим ее кусок пирога.

Поначалу я удивлен. Учítывая все те времена, когда она молча слушала, как отец упрекал меня по поводу и без, я бы никогда не подумал, что являюсь ее любимчиком.

– Даже несмотря на то, что я вас разочаровал?

– Ты никого не разочаровывал, Трэвис. Ты без возражений сносил все, что на тебя вваливал отец. – Ее глаза наполняются слезами. – Я видела, насколько тебе неприятно, но для него все это казалось важным, поэтому я не вмешивалась. Прости.

Я пожимаю плечами.

– Все нормально.

– Однажды я приходила посмотреть, как ты играешь в соккер.

Уйдя из футбольной команды, я начал по воскресеньям играть в соккер с мексиканцами на Келли Роад. Было так здорово просто бегать по полю, когда никто на тебя не орал, указывая на ошибки. И никакого разбора игровой стратегии после. Мы усаживались на капот чьей-нибудь машины и флиртовали с девчонками.

– Я была рада увидеть тебя таким счастли...

– Почему ты приняла его обратно?

Мама собирает пальцами крошки со столешницы, потом стряхивает их на мою пустую тарелку.

– Ты скоро вернешься в Северную Каролину, а Райан уезжает в Пенсильванию в конце месяца. Я просто... наверно, я боюсь одиночества.

– А жить с человеком, который тебе изменил – лучше? Боже Правый, мам, хватит быть такой тряпкой.

Мгновение она просто смотрит на меня. Я всегда пропускал мимо ушей ее нотации, но ни разу не вел себя напрямую непочтительно... даже когда мать меня раздражала.

– Ты не в Афганистане, Трэвис. – Ее голос дрожит, и я понимаю, что причинил ей боль. Мне стыдно за это, но она должна услышать. – В таком тоне ты можешь разговаривать со своими друзьями, но здесь...

– Дело не в моем тоне, – говорю я. – Я понимаю, ты тяжело перенесла мой уход на службу, и мне очень-очень жаль, только это не оправдывает его наплевательское отношение к тебе, мам. У меня такое ощущение, что это моя вина...

– Ты ни в чем не виноват.

– Знаю. Но ты тоже ни в чем не виновата.

Она берет конверт из-под приглашения и пытается закрыть задний клапан, хотя клейкой полосы там уже не осталось.

– Не знаю, Трэвис. Если оглянуться назад, возможно, я пренебрегала им и Райаном...

– Потому что слала мне посылки и получала поддержку от других матерей морпехов? – спрашиваю я. – По-моему, это отец с Райаном должны были уделять тебе больше внимания.

– Но...

– Нет. – Я отталкиваю тарелку от себя. – Никаких "но". С меня хватит. Если тебе хочется и дальше делать вид, будто на него можно положиться – твое право. Но не жди от меня того же.

– Трэвис...

Проигнорировав ее, поднимаюсь наверх, к себе в комнату. По пути набираю номер Харпер.

– Что ты делаешь на этих выходных? – спрашиваю, закрыв за собой дверь.

– Работаю.

– Как думаешь, отгул взять сможешь? – Мой ноутбук подает сигнал, когда я включаю его. Что же я должен сказать о Чарли на службе?

– Вероятно. А зачем?

– В честь Чарли устраивают мемориальную службу в Сент-Огастине, – поясняю я. – Ты поедешь со мной?

– Мне нужно спросить у папы, – отвечает Харпер. – Я не уверена, как он отнесется к...

– Скажи, что у тебя будет собственный номер. На разных этажах со мной, если ему от этого станет легче. Все, что он пожелает, Харпер. Все, что пожелаешь ты. Просто поезжай со мной. Пожалуйста?

Ни разу в жизни не умолял девушек, но с этой службой ничто не дастся легко.

А если она будет рядом... Не знаю, может, тогда все пройдет не так уж плохо.

– Мне нужно сделать несколько звонков. Если договорюсь, то поеду. Следом набираю маму Чарли.

– Мисс Суини, это Трэвис Стефенсон.

– Ох, Трэвис. – Она вздыхает. – Я надеялась получить от тебя весточку.

– Да, мэм... эээ... я просто хотел сказать вам, что приеду на мемориальную службу и расскажу что-нибудь про Чарли, если вы, конечно, этого хотите.

– Это будет очень много значить для нас с Дженни. – Ее голос надламывается, словно от кома в горле, и я вдруг осознаю – для меня смерть Чарли стала ужасной потерей, но ей в миллион раз хуже. – Тебе нужно место, чтобы переночевать? Мы с радостью примем тебя.

– Нет, спасибо, мэм, – лгу я. – Уже забронировал номер в отеле.

Эллен шмыгает носом, сдерживая слезы.

– Я с нетерпением жду встречи с тобой, Трэвис.

– Я, эмм... Спасибо.

– Увидимся в субботу.

Сбрасываю вызов и смотрю в пустой документ на дисплее ноутбука, желая, чтобы слова возникли сами собой.

Чарли Суини был

Глава 11

Несколько часов спустя курсор все так же дразнит меня, мигая в конце фразы, но я никак не соображу, что писать дальше. Поэтому бросаю все попытки и падаю на кровать. Услышав, как скрипнула дверь, держу глаза закрытыми. Мне не нужно смотреть, кто пришел. И без того знаю.

– Уходи.

– Что? – произносит женский голос. – Ты со мной теперь не разговариваешь?

Черт. Я сейчас не в том настроении, чтобы иметь дело с Пэйдж.

Матрас прогибается немного, когда она садится на край кровати. Ее пальцы касаются пуговицы на моих шортах. Я чувствую, что мое тело реагирует на нее, как и всегда, однако мозг отказывается подыгрывать. Хоть Харпер и не является моей девушкой официально, но если она об этом узнает, ей будет больно. Или она разозлится. А может, произойдет и то, и другое. И впервые в жизни мне не все равно. Я обхватываю запястье Пэйдж, останавливая ее.

– Не надо.

Она смеется в своей типичной снисходительной манере.

– Что такого особенного в Харпер Грэй, отчего ты сам не свой?

– Какая тебе разница? Ты бросила меня ради Райана.

– Я не ревную.

– Никто и не говорит, что ревнуешь. Однако ты продолжаешь пробираться ко мне посреди ночи, в то время как твой бойфренд находится в комнате в конце коридора.

– Ты порой бываешь таким глупым, Трэвис, – говорит Пэйдж. – Ты должен был попытаться вернуть меня. Как всегда делал.

Она всхлипывает. Я поднимаю глаза. Пэйдж плачет. Не рыдает истерично, ничего подобного, просто по ее щеке катится слеза, чего я никогда прежде не видел. Она шумно выдыхает.

– Вместо этого ты сразу переключился на Харпер, прям как в школе.

Я сбит с толку.

– Так, подожди...

– Нет. – Пэйдж вытирает лицо краем своей майки. – Заткнись. Я знаю, что между нами, кроме секса, ничего хорошего не было. Полагаю, лишь однажды я пожелала, чтобы ты испытывал ко мне то, что испытываешь к ней.

Порой девчонок не поймешь.

– О чем ты?

– Я приходила вчера, – отвечает она. – Ты спал с ней, и был полностью одет, и... ты ее любишь.

– Я не... Ты... эээ... – я начинаю запинаться. – Ты же не любишь меня, да?

Пэйдж смеется.

– Господи, ты действительно идиот. Нет, я не люблю тебя. Но было бы приятно, если бы ты любил меня.

– Ты имеешь в виду так, как любит Райан?

Ее смех затихает, потому что она знает – я прав. Мой брат сходит по ней с ума так, как я никогда не сходил. И не буду. За Пэйдж тянется череда влюбленных болванов, которые запали на нее, не сообразив, что она никогда не полюбит их в ответ. Пусть мы с Райаном не особо ладим,

все же он мой брат. Меня не устраивает идея, что он окажется одним из таких влюбленных болванов.

– С ним тебе будет гораздо лучше, чем со мной.

– Знаю.

В ее голосе слышится сомнение.

– Но?

– Он не ты.

– Ну, кто бы сомневался, – говорю я, на что Пэйдж хихикает, всхлипнув. – Только если Райан тебе не нужен, не играй с ним. Отпусти его.

Она ударяется своим плечом о мое.

– Если у вас с Харпер ничего не выйдет...

– Проваливай отсюда. – Я смеюсь. – У меня еще дела есть.

Склонившись, Пэйдж целует меня в щеку.

– Увидимся, Трэв.

Она открывает дверь моей спальни. Райан стоит в коридоре. Разумеется. Единственный раз, когда между мной и Пэйдж ничего не произошло, и нас застучали. Лицо Райана мгновенно искажается от ярости.

– Какого...?

Он подбегает ко мне, толкает ладонями в грудь, прижимает к стене. Я слышу, как падают фотографии, чертежная кнопка, на которой висела одна из них, упирается в спину. Все происходит так быстро; пока я пытаюсь осмыслить тот факт, что Райану удалось застать меня врасплох,

его кулак врезается мне в глаз. Тот же самый, в который я получил от Харпер.

– Райан, прекрати! – Пэйдж хватается его за руки, пытается оттащить в сторону, но он отмахивается от нее, и снова заносит кулак. Я отталкиваю его, только этот дурачок опять кидается на меня. Один удар? Ладно. Я заслужил. Но становиться личной боксерской грушей Райана не собираюсь. Особенно если он первый начал. Опустив плечо, врезаюсь ему в грудь. Он обхватывает меня, и мы падаем вниз. Райан продолжает наносить удары куда попало, но я блокирую атаки, вжав его в пол.

– Отпусти своего брата. – Отец тянет за край моей футболки до тех пор, пока ворот не врезается в шею, словно петля. Райан в последний раз заезжает кулаком мне в висок. – Что тут происходит, черт побери?

– Ничего. – Я протягиваю руку, чтобы помочь Райану подняться, но он ее отталкивает. – Небольшое недоразумение.

– Я хочу, чтобы ты убрался отсюда, – заявляет папа, указывая на меня.

– Дин... – говорит мама.

– Нет, Линда, – он перебивает ее, помогая Райану встать. – С момента возвращения домой Трэвис только провоцирует проблемы – напоил тебя, пытался разрушить наш брак. И Пэйдж уже не в первый раз приходит к нему посреди ночи. С меня довольно.

Они стоят кучкой в противоположном углу моей комнаты. Они против меня. Кроме Пэйдж, которая, судя по виду, желает оказаться подальше отсюда. Мама кусает губу. Отец кладет руку Райану на грудь, удерживая его на месте.

– Что ж, наконец-то то мы хоть в чем-то согласны. – Я хватаю свой вещмешок, запикиваю в него стопку рубашек из верхнего ящика комода. – С меня хватит.

– Трэвис, подожди. – Мама делает шаг вперед. Выходит из тени отца.
– Ты не обязан уходить. Это мой дом...

– Твой дом? – встревает папа.

– Он будет моим после развода, если ты не закроешь рот, – огрызается она. У отца глаза округляются, потому что мать никогда так не разговаривает, однако он замолкает. – Не нужно выставлять Трэвиса в плохом свете, Дин. Он все детство пытался соответствовать твоим недостижимым стандартам, а когда решил, что больше не хочет этого делать, ты стал считать его никчемным. Ты заставил меня чувствовать себя так, будто я поступала неправильно, поддерживая нашего сына, пока он был на войне. Это ты плохой человек, Дин. Ты. И я дальше терпеть не намерена.

Приходится мысленно проверить, не разинут ли у меня рот, потому что... черт, мам.

– Поэтому Трэвис никуда не уйдет, только если сам не захочет. Положение дел в этом доме изменится. Если ты хочешь сохранить наш брак, тебе придется исправиться, а если не хочешь – собирай вещи и выметайся отсюда.

Папа явно ошеломлен, словно понять не может, что сейчас произошло, однако я ему совершенно не сочувствую. Я слишком горд за маму.

– А теперь, – продолжает она, – я возвращаюсь в постель. Пэйдж, тебе лучше удалиться. Дин... что ж, как поступать – решай сам. Спокойной ночи.

Мама выходит из комнаты с достоинством, оставляя нас стоять в тишине. Отец переводит на меня убийственный взгляд, цепляясь за свое жалкое убеждение, будто это моя вина. Он сжимает кулаки и челюсти, словно собираясь ударить. Я смотрю ему в глаза.

– На твоём месте я бы этого не делал.

Папа поспешно покидает комнату; затихающий звук его шагов доносится с лестницы. Хотя ему бы следовало пойти за мамой, в их спальню в конце коридора. Трус.

– Послушай, Рай... – начинаю я.

– Пошел к черту.

Пэйдж ничего не говорит. Бросив запасной ключ на кровать, она уходит. Болезненное выражение мелькает на лице моего брата (он не удостоится письма в духе Дорогого Джона, официально объявляющего о расставании), только боль быстро сменяется злостью.

– Зачем ты это сделал? – Он не смотрит на меня.

– Что сделал?

– Переспал с моей девушкой.

– Почему ты переспал с моей девушкой?

– Тебе достается все, Трэвис.

– И что же у меня осталось? Что ты еще не отобрал, Райан? Ты общаешься с моими друзьями, едешь на моей машине, увел мою девушку, пока я был в Афганистане. Чего еще тебе от меня надо? Мне каждую ночь кошмары спать не дают. Можешь их забирать, мать твою, на здоровье.

Райан молчит в течение нескольких секунд. Просто смотрит в пол. Но когда он вновь поднимает глаза, на его лице сохраняется непроницаемая маска.

– Я могу забрать еще кое-что. Расскажи Харпер, иначе это сделаю я.

Дерьмо.

После ухода Райана я остаюсь один. Возвращаюсь к ноутбуку, где три слова до сих пор дожидаются меня. Курсор мигает.

Чарли Суини был

Сегодня я уж точно больше ничего не придумаю. Учитывая угрозу Райана, нависшую надо мной. Закрываю ноутбук и ложусь в постель.

Я иду по дороге в Марджа под навязчивый напев муэдзина, созывающего верующих на молитву. Грязный пес провожает взглядом наш патруль. Впереди я, за мной Чарли и Мосс. Пералта позади них. Волосы на затылке встают дыбом. Что-то не так. Только когда пытаюсь предупредить своих друзей, у меня пропадает голос. Руки не поднимаются, чтобы подать им сигнал. Ноги словно приросли к земле. Чарли делает шаг вперед, наступает на нажимную крышку мины. От взрыва мои кости сотрясаются, стучат зубы. Облако пыли поглощает его. Шрапнель из бомбы, спрятанной у корней дерева, пронизывает тело Чарли; он падает. Мои конечности размораживаются, но когда приближаюсь к нему, мир сдвигается. На земле лежу я, не Чарли. Это меня изрешетило шрапнелью, и теперь жгучая боль пронизывает тело. Надо мной склоняется афганский мальчик. Тот, которого видел прежде на улицах, когда он попрошайничал. Он улыбается, пока я умираю.

Кровь шумит в ушах; я лежу в темноте, мысленно повторяя мантру: это просто сон, это просто сон, это просто сон. Слова не помогают. Они не в состоянии стереть этот кошмар. Тянусь к тумбочке за пузырьком с таблетками. Проглотив две, звоню Харпер.

– Трэвис? – Ее голос звучит сипло спросонья.

– Я забыл, что уже поздно.

– Почему ты не спишь?

– Мне приснился кошмар, так что я проснулся, – отвечаю. – Только снотворное выпил.

– Хочешь, чтобы я составила тебе компанию, пока оно не подействует?

– Ты не против?

Она замолкает на мгновение. Я гадаю, не считает ли Харпер, сколько часов ей осталось до работы. Едва не сбрасываю вызов, чтобы она могла вернуться ко сну, когда в трубке слышится ее тихий голос:

– Я не против.

Харпер говорит со мной довольно долго. О морских черепахах. О том, что она готова уехать в колледж, но будет скучать по своему папе. О крабовой ловушке, которую они держат в канале за их домом.

– В зависимости от сезона попадают голубые или каменные крабы. Обычно мы варим их, а потом замораживаем мясо, пока не наберется достаточно, чтобы приготовить крабовые котлеты. Иногда делаем крабовую подливу или пасту альфредо.

– Мне нравятся крабы. – Я начинаю уставать, из-за чего говорю, словно трехлетний ребенок.

– Мне тоже, – соглашается Харпер. – Крабовое мясо – мое любимое. Может, эмм... может, я приготовлю крабовые котлеты как-нибудь, специально для тебя.

– Хорошо. – Я зеваю.

– Трэвис?

– Что?

– Приятных снов.

– Надеюсь, – говорю я. – Плохие меня уже утомили.

– Поговорим завтра?

– Ладно. – Чувствую, как сонная волна приближается. Та, после которой твои слова унесет в никуда, если их не произнесешь. – Мне очень жаль.

Вероятно, она думает, будто я извиняюсь за то, что разбудил ее, однако прежде чем успеваю рассказать про случившееся с Пэйдж, Харпер шепчет: "Спокойной ночи", и разъединяется. По крайней мере, мне так кажется. Я не уверен, потому что засыпаю.

Глава 12

Несколько дней спустя, едва солнце показывается из-за горизонта, я паркую свой Джип у дома Харпер. Она ждет на крыльце, на диване-качелях; рядом с ней стоит желтая спортивная сумка.

– Эй, привет, – громко произносит она поверх гула мотора, закидывает сумку на заднее сиденье, после чего садится с пассажирской стороны. Я улавливаю запах солнцезащитного крема, когда Харпер наклоняется, чтобы поцеловать меня в щеку.

– И тебе привет, – говорю я. – Спасибо, что согласилась поехать со мной.

– Не за что.

– Не могу пообещать, что времяпрепровождение будет приятным.

– Все нормально. – Я не вижу ее глаза за темными очками, но она улыбается, заплетая волосы в пучок. Такая небрежная прическа чертовски ей идет. – Я никогда не была в Сент-Огастине. А ты?

– Нет.

Харпер в хорошем настроении, я не хочу его испортить рассказом про Пэйдж. Она разозлится. Сейчас самый подходящий момент, тогда у нее будет шанс выйти из машины и оставить меня. Но я этого не хочу, поэтому сдаю назад, посылая гравий градом из-под колес.

– Я позаботилась о музыке. – Харпер тянется к сумке и достает свой айпод. – Что хочешь послушать?

– Сама выбирай.

Она вставляет плеер в разъем стерео, замаскированный под кассетник, выбирает песню какой-то группы в стиле регги, которую я никогда прежде не слышал. Харпер подпевает, подняв босые ноги на приборную панель. Меня одолевает желание сбежать с ней куда-нибудь, подальше от Пэйдж, Чарли и Корпуса морской пехоты США.

Перед выездом на шоссе сворачиваю на заправку.

– Я за Колой, – говорит Харпер, пока я нажимаю кнопки на колонке самообслуживания. – Тебе взять?

– Да, конечно.

Когда она выходит из магазинчика, я стою, прислонившись к Джипу в ожидании, пока бак заполнится.

– У меня для тебя кое-что есть.

Высунув руку из-за спины, Харпер показывает мне упаковку Скитлс. Я потрясен не только потому, что она запомнила мои любимые конфеты, но и потому, что она купила их специально для меня. Пэйдж ничего подобного не делала. Одной рукой выхватываю пакетик. Второй обвиваю талию Харпер, притягиваю ее к себе, и целую.

Фиксатор на заправочном пистолете автоматически снимается, потому что бак полон, но мы не останавливаемся до тех пор, пока из маленького

динамика на колонке не раздается голос, спрашивающий, закончил ли я заправлять свой автомобиль.

– Ого, – выдыхает Харпер. Ее руки у меня под футболкой, на спине, поэтому я вполне уверен, что она увлеклась не меньше меня. – Мне стоит чаще покупать тебе Скитлс.

– Ты же знаешь, что тебе не нужно покупать мою любовь, – говорю я. – Я поцелую тебя бесплатно, когда захочешь.

Как только слова покидают мой рот, мне хочется забрать их назад. Покупать мою любовь? Боже, наверно, она считает меня идиотом. Потому что я – идиот. Но Харпер не выглядит испуганной после того, как я ляпнул слово на "л". Она улыбается.

– Я и так в курсе, Трэвис. – Харпер садится в Джип. – Прочитала об этом на стене в школьной женской раздевалке.

– Это, – отвечаю, засмеявшись, – совершенно меня не удивляет.

Разговаривать практически невозможно, когда едешь по шоссе со скоростью 130 км/ч, поэтому следующие несколько часов Харпер включает песни в произвольном порядке, и мы подпеваем. Я не назвал бы себя хорошим певцом, однако в старших классах нам с Эдди стукнуло в голову, что мы должны создать собственную группу, где он будет играть на басы, я – петь и играть на гитаре, и еще кто-нибудь – на ударных. Это была панк-группа, поэтому мы пришли к выводу, что хорошо петь мне не обязательно.

Мы едем по сердцу Флориды, через маленькие городки, о которых я раньше не слышал, мимо ферм, апельсиновых рощ, деревьев, наконец-то не похожих на пальмы, пока не достигаем окрестностей Диснейленда. Эта местность живет за счет ресторанов, отелей, туристических объектов. Движение на дороге замедляется, потому что даже летом никуда не деться от Микки Мауса. По другую сторону пейзаж вновь меняется,

зеленые знаки на обочине сообщают, что мы приближаемся к побережью. Нью-Смирна. Дайтона. Ормонд.

До Сент-Огастина остается совсем немного, и я начинаю думать о Чарли. Однажды я спросил у него, пока мы выискивали вкусности в своих ИРП, почему он пошел в морскую пехоту.

– Меня рекламный ролик подкупил, старик, – сказал Чарли, сунув в рот пластиковую ложку, полную начинки для бургера "Неряшливый Джо".
– Ну, знаешь, та, где парень ныряет в бассейн и выходит в полном обмундировании?

Я не знал, какой ролик он имел в виду. Никогда не обращал внимания на ТВ-рекламу, даже не думал о поступлении на службу до того дня, когда оказался в офисе рекрутского набора. Я понятия не имел, что большинство парней не посылают в тренировочный лагерь спустя несколько недель после записи, как было со мной.

– Моя мама – хиппи, – продолжил Чарли. – Она всегда говорила, что мне нужно взять перерыв на год между окончанием школы и поступлением в колледж, чтобы найти себя. Думаю, она рассчитывала, что я отправлюсь путешествовать по Европе с рюкзаком за плечами или поеду жить в буддийский монастырь в Таиланде. Так вот, смотрю я телик как-то, и начинается эта реклама. После нее у меня появилась мысль, что было бы круто стать морпехом.

Мосс, сидевший вместе с нами, пока мы ели, просто покачал головой и пробормотал:

– Дух.

Чарли засмеялся, потому что издевки никогда не задевали его. Он был инертен к ним. Единственное, что могло вывести его из себя – если бы другие парни посмеялись над его мамой из-за того, что она лесбиянка, но об этом знал только я.

– В общем, иду я к ней, и говорю: "Мам, я хочу записаться в морскую пехоту". Она, будучи миролюбивым фриком, обнимающим деревья, в ужасе, но отвечает: "Ну, если ты действительно этого хочешь... только, Чарли, может, ты лучше отправишься на Поиск Видений? Я знаю одного парня в Нью-Мексико. У него есть пейот". – Он снова засмеялся с набитым ртом. – Моя мама – единственный родитель на планете, пытавшийся уговорить своего ребенка попробовать наркотики, чтобы удержать его от поступления в морскую пехоту.

Мы въезжаем в Сент-Огастин по Шоссе №1 во второй половине дня. Мое лицо пересохло от ветра и солнца, а кончик носа Харпер порозовел. Мы здесь, и у меня внутри все завязывается в узел, хотя до мемориальной службы еще полно времени. Я до сих пор не решил, что сказать Харпер, и говорить ли вообще что-нибудь.

– Ты голоден? – спрашивает она, убавляя громкость стерео.

– Определенно.

– Как насчет барбекю?

На другой стороне улице расположена небольшая закусочная. Запах поджаренного на углях мяса ощущается в воздухе, отчего у меня в животе громко урчит.

– Похоже, твой живот уже принял решение, – говорит Харпер. – Но я тоже не против.

Мы заходим внутрь, заказываем ребрышки, зелень, макароны с сыром из меню, написанного разномастным шрифтом.

– Ты хочешь сесть в зале или на улице? – интересуюсь я.

– В зале, – отвечает она, усаживаясь за столик. – Приятно побыть в помещении с кондиционером.

Харпер права, приятно, вот только, черт... мне придется снять очки. Потому что будет странно с моей стороны остаться в них.

И как только я снимаю очки, она замечает мой синяк.

– Что случилось с твоим глазом?

– Подрался с Райаном.

– Из-за Пэйдж?

– С чего ты взяла?

Харпер берет ребрышко.

– Если ты подрался со своим братом, наиболее вероятны две причины: либо из-за каких-то семейных дел, либо из-за Пэйдж. Я выбрала самый логичный вариант.

– Я, эмм... вроде как переспал с ней после возвращения домой.

Положив ребрышко обратно на тарелку, Харпер начинает собирать свою еду на поднос, который мы принесли с прилавка.

Она все делает быстро. Быстро и со злостью.

– Харпер, я не хотел...

– Молчи. – Ее голос звучит приглушенно и сдержанно. Она поднимается с подносом в руках, тихо, чтобы не привлечь внимание. – Иначе я опрокину свой обед на тебя, а это будет пустой тратой хорошей еды. Я возвращаюсь в машину.

Тоже встаю, но Харпер посылает мне такой острый взгляд, что я падаю обратно на скамейку. Живот опять урчит, напоминая о том, что я голоден, но накинуться на еду сейчас – свинский поступок. Я имею в виду, наряду со всеми остальными свинскими поступками, совершенными мной после знакомства с Харпер. Из окна я вижу, что она сидит на пассажирском

сиденье с подносом на коленях, и вообще не смотрит в мою сторону. Поэтому я ем.

И пытаюсь придумать, как все исправить. Снова.

Когда выхожу на улицу, Харпер по-прежнему ждет в Джипе, однако уже без подноса. Она старательно пытается не смотреть на меня. Я сверяюсь с распечаткой, где указано, как добраться до отеля, после чего завожу мотор.

– Почему? – произносит Харпер, когда я выезжаю на дорогу. Поначалу думаю, что она спрашивает, почему я переспал с Пэйдж, но она продолжает: – Почему ты притащил меня в Сент-Огастин, чтобы рассказать о том, как переспал со своей бывшей девушкой?

– Если бы я сказал тебе дома, то ты бы не поехала.

– Какой же ты болван, Трэвис. А я дура, потому что поверила, будто ты способен испытывать ко мне такие же чувства, какие я испытываю к тебе.

– Я испытываю такие же чувства.

– Нет, не испытываешь. Ведь я бы никогда так с тобой не поступила.

Одна фраза, и я нивелирован. Разорван на части. Выстрелили она в меня, было бы менее больно. Мне ли не знать.

Я уже получал пулевые ранения. Только я выжил.

– Харпер, прости.

Она не отвечает, но я, вероятно, и не жду ответа. Я извинялся столько раз. Сам вижу, что это ставит под сомнение мою искренность... к тому же может ее разозлить.

Мы добираемся до центра города. Как же хреново, что Харпер со мной не разговаривает, потому что в Сент-Огастине клево. Здания старые, исторически ценные, некоторые были построены еще в 1700-х. А из-за

испанского мха, свисающего с дубов в парке, создается ощущение, будто мы не во Флориде. Интересно, Харпер нравится так же, как мне? Но я не спрашиваю. Вместо этого предлагаю отвезти ее обратно в Форт-Майерс.

– И доказать моему папе, что ты остался таким же круглым идиотом, каким был в седьмом классе? – Она фыркает. – Я так не думаю. Просто поехали в отель. Затем каждый из нас сможет заняться своими собственными делами до мемориальной службы.

Черт.

– Я не хочу...

– Не имеет значения, чего ты хочешь, – отвечает Харпер. – Я хочу, чтобы ты оставил меня в покое.

– Но... – Мне хочется объяснить. Сказать ей, что произошедшее между мной и Пэйдж ничего не значило.

– Не смей. Если ты скажешь, будто это ничего не значило, или случилось само по себе, или что технически мы не были вместе, когда ты переспал с Пэйдж, я снова дам тебе в глаз.

В том-то и дело. Не существует достойной причины, оправдывающей секс с Пэйдж. Я не пытался отомстить Райану, не пытался ее вернуть. Я сделал это, потому что мог. И этому нет оправданий.

Мы молчим по пути в отель, который, судя по всему, является самым фешенебельным из тех, что я видел. В лобби стоят вычурные кожаные кресла, на стенах висят испанские гобелены, позолоченные люстры, фонтан, выложенный мозаикой. Подходя к мужчине в черной жилетке, стоящему за мраморной стойкой регистрации, чувствую себя деревенщиной. Он приподнимает брови, когда говорю ему, что у меня бронь, словно он тоже с трудом в это верит, и на мгновение я раздражен.

– Имя? – спрашивает мужчина.

– Стефенсон.

Его пальцы стучат по клавиатуре.

– Два номера, – читает он с экрана. – На одну ночь.

– Я хочу сама заплатить за свою комнату, – возражает Харпер.

– Харпер... – Пока я был в Афганистане, мое жалование отправляли прямиком на счет в банке. Так как за прошедший год я практически ничего не потратил, мне эти комнаты вполне по карману. Они дорогие. Гораздо дороже, чем должна стоить пара хорошо обставленных номеров, но я хотел впечатлить ее. Сейчас же просто хочу загладить свою вину перед ней. – Я заплачу.

Она ничего не говорит, однако отходит как можно дальше от меня, пока портье несет наш багаж на четвертый этаж. Так странно позволить кому-то нести свой вещмешок. К тому же пыльный рюкзак смотрится чужеродно в отеле, похожем на испанский замок. Сначала мы останавливаемся у номера Харпер. Она молчит, но оглядывается на меня, прежде чем дверь закрывается.

Моя комната находится по соседству с ней. С большой металлической кроватью, покрытой мягким на вид постельным бельем, с кованым балкончиком, с которого открывается вид на город и бухту Матансас. Я даю портье чаевые, вешаю свою униформу в шкаф, затем выхожу на балкон. Внизу по улице проезжает карета с туристами; копыта лошадей звонко отстукивают по асфальту. Харпер тоже выходит на балкон. Неловкая пауза повисает между нами. Нет причин, мешающих нам обоим тут находиться, но все равно ощущение странное. Я хочу предложить ей прогуляться по Сент-Огастину со мной. Или сходить на пляж. Или хотя бы в этот дурацкий музей восковых фигур в конце улицы, посмотреть на фальшивых Майкла Джексона и Майкла Джордана. Однако прежде чем я успеваю открыть рот, Харпер возвращается к себе в комнату.

Глава 13

На часах почти пять, когда я стучу в дверь номера Харпер. Я еще ни разу не надевал свою парадную униформу, поэтому она до сих пор крахмально-жесткая и пахнет новой тканью. Сомневаюсь, что мои медали и знаки классности расположены согласно регламенту. А еще в тяжелом кителе очень жарко, даже в помещении с кондиционером. И у меня пальцы потеют в этих перчатках. Может, форма и производит впечатление на девушек, но в ней неудобно. Особенно если сравнивать с моим камуфляжем, который под действием песка и пота износился до приятной мягкости.

Я поправляю полы кителя, когда Харпер выходит в коридор в черном платье, которое каким-то образом смотрится респектабельно и уместно для мемориальной службы, но в то же время сексуально. Она снова выпрямила волосы. А босоножки на каблуках делают ее практически одного роста со мной.

– Ого, Харпер, ты выглядишь восхитительно. – Я предлагаю ей руку, надеясь, что она меня не пошлет. Мимо нас проходит пожилая пара. Они улыбаются друг другу, когда Харпер берет меня под локоть. Ее пальцы дрожат.

– Спасибо, – отвечает она тихим голосом, словно не желает со мной говорить, но и грубой показаться не хочет. Ничего. Я даже на это согласен. – Ты тоже. В смысле, не восхитительно... Ты выглядишь очень... хорошо...

Уверен, что выгляжу по-идиотски, и, возможно, это единственные относительно приятные слова, которые я от нее сегодня услышу, но все равно не могу сдержать улыбку.

– Спасибо.

Банкетный зал расположен в двух кварталах от отеля, поэтому мы оставляем джип на парковке и идем пешком по Кинг Авеню. Многие смотрят нам вслед. Кевлар прав насчет того, какой эффект парадный мундир оказывает на девушек.

Мама Чарли встречает нас, едва мы переступаем через порог. Эллен Суини – копия своего сына. Ну, знаете, если бы Чарли был женщиной средних лет с черными дредами, и в слишком обтягивающем красном китайском платье с узорами в виде золотых драконов.

– Ох, Трэвис, в жизни ты еще привлекательнее, чем на фотографиях. – Когда она кладет ладонь мне на щеку, слышится легкий перезвон – у нее на руке уйма браслетов (удивительно, как они все там поместились). Затем Эллен обнимает меня. – Я так рада тебя видеть. Хорошо, что ты здесь.

Я обнимаю ее в ответ, чувствуя себя неловко. Она даже пахнет как хиппи. Благовониями, или чем-то подобным. В носу щекочет. Не самый приятный аромат, который мне доводилось нюхать, но я держу Эллен в объятиях столько, сколько ей нужно. Я уже привыкаю обниматься. Когда она отстраняется, ее глаза блестят от слез. – Спасибо, что приехал.

– Я бы ни за что не пропустил эту службу.

Потом мама Чарли поворачивается к Харпер и сжимает обе ее руки.

– Ну разве ты не милашка? – говорит она. – Меня зовут Эллен.

– А меня – Харпер.

– Спасибо, Харпер, что составила Трэвису компанию в этом путешествии.

Чарли рассказывал однажды, что персональная философия его матери напоминает салат-бар: она выбирает любимившиеся ей компоненты, немного догм отсюда, чуть-чуть кармы оттуда, пока не наберется полная тарелка чего-то странного. Наверно, мне следовало предупредить

Харпер, только из головы вылетело, учитывая ее злость на меня. Однако она, не поведя бровью, улыбается Эллен.

– Я бы хотела познакомиться с вами при более радостных обстоятельствах. Соболезную о Чарли.

Эллен похлопывает ее по руке, затем касается ее щеки.

– Прошу меня извинить. – Она отходит, чтобы поприветствовать других гостей, но вдруг оборачивается и смотрит на Харпер. – Кто-то знаменитый... не помню, кто именно... сказал: "У сердца бывают причины, которые разуму неизвестны". Пища для размышлений.

Харпер резко поворачивает голову в мою сторону, прищуривается. Будто я каким-то образом к этому причастен.

– Не смотри на меня. – Поднимаю руки вверх в знак поражения. – Я ее в первый раз вижу. – Не уверен, что она мне верит.

В противоположном конце зала вижу Кевлара, Мосса, Лыжника и Голодающего Маривна. Мы зовем его Голодающий Марвин (или обычно просто Марв), потому что он высокий и худой, а с бритой головой становится похож на африканского мальчика, которого приютили герои Южного Парка. Я не так тесно общался с Лыжником и Марвом, как Чарли, Кевлар и Мосс, но в Афганистане мы часто болтали по ночам, сидя вокруг костра; курили, отвешивали пошлые шуточки, спорили о том, кто из известных женщин сексуальнее. Пералта тоже с ними.

– Чарли как-то упоминал, что его мать, по ее собственному мнению, обладает шестым чувством, – говорю Харпер.

– Эллен... эксцентрична. Но она мне нравится.

– Мне тоже.

Проследив за моим взглядом, Харпер замечает лес синих мундиров – чуть ли не половину роты Кило 3-го батальона морской пехоты.

– Я... эмм... мне нужно в дамскую комнату. – Она уходит, и я вынужден присоединиться к друзьям в одиночку.

В дальнем углу на импровизированной сцене ансамбль играет регги-версию одной из песен Битлз, люди, рассредоточившиеся по залу, одеты по-разному: от темных деловых костюмов до разноцветных длинных юбок и позвякивающих браслетов на лодыжках. Одна женщина вообще босиком. У нее на руке висит полдюжины пластиковых пакетов, и она давно не мылась, похоже. Может, эта дама – бездомная, которую Эллен пригласила, чтобы накормить.

– А вот и наш мужик. – Кевлар ударяет меня по спине, когда я подхожу к ним. От него несет виски. – Как оно, Соло? Ошейник принес? – Он хихикает. – Потому что ты кое у кого на поводке. Понял?

– Слабовато, Кеннет, – говорю, пожимая руки парням. – Поговорим, когда придумаешь что-нибудь оригинальное.

– Да ну тебя. – Кевлар заводит язык под нижнюю губу, отчего та выпячивается – ему явно не хватает порции жевательного табака. – Где твоя девочка?

– В дамской комнате. Она, вроде как, сейчас на меня сердится.

– Что ты натворил? – спрашивает Мосс.

– Замутил с бывшей.

– С, – Кенни жестом изображает большие буфера, – этой бывшей?

Хоть я и не носил с собой фото Пэйдж, это не значит, что я ее не описывал.

– С той самой.

– Как Харпер узнала? – интересуется он.

Мое лицо вспыхивает, когда признаюсь, что сам ей рассказал.

– Соло... – Кевлар качает головой. – Ты, вроде, умный парень, но иногда капитально тупишь.

Я не уточняю, что особого выбора у меня не было.

– Не слушай его, – говорит Мосс. – Мутить с бывшей, одновременно налаживая отношения с хорошей девушкой – глупый поступок, но рассказав ей правду, ты поступил благородно.

– В задницу благородство. – Марв наклоняется вперед, тыча пальцем мне в грудь на каждом слове. – Это идиотизм, просто-напросто. Чем меньше она знает, тем спокойней спит. И все тут.

– Значит, если бы твоя девушка тебе изменила, ты бы не хотел об этом узнать? – Лыжник всегда выступает адвокатом дьявола в спорах, особенно с Марвом, которого легко вывести из себя.

Марв морщит лоб, сдвинув брови вместе.

– Ты знаешь что-то, чего я не знаю?

Лыжник смеется.

– Я гипотетическую ситуацию описываю.

– Гипо... чего?

– Выдуманную, дебил.

– А. Ну, это другое дело, – отвечает Марв. – Я бы хотел узнать, если она делала из меня дурака, пока я был на службе. И я бы избил того парня, с которым она трахалась.

– Тогда почему девушка Соло не заслуживает знать?

– Так вот откуда у тебя свежий фингал? – интересуется Кевлар. – Харпер опять врезала?

– Нет, брат ударил, когда застал меня со своей девушкой, – признаюсь, отчего они все начинают ржать. Было бы смешно, если бы Харпер меня не возненавидела. Стоит только подумать о ней, как мои внутренности завязываются в узлы, из-за чего хочется оказаться в другом месте.

– Стефенсон, можно тебя на секунду? – спрашивает Пералта, словно мысли мои прочитав. Его голос звучит тихо. Он редко орет, даже если мы его бесим. Я подхожу к нему. – Все в порядке?

– Просто страдаю от серьезного приступа глупости.

У него и смех тихий. На несколько мгновений между нами повисает тишина, пока мы идем вперед.

– Ты... уладил свои проблемы?

– Ага.

Пералта знает, что я лгу, но не комментирует.

– Послушай. Я просто хотел сказать, что Леонард предложил твою кандидатуру для тренировки со служебными собаками-миноискателями.

– Меня? – Я немного понижаю. Мой план с переходом в разведку не был окончательным, однако работу с собаками-миноискателями я вообще не рассматривал.

– Он попросил меня посоветовать кого-нибудь, – поясняет Пералта. – Я выбрал тебя, потому что знаю – ты отлично справишься... и, думаю, тебе это поможет.

– У меня нет выбора, не так ли?

Он улыбается, похлопывая меня по плечу.

– Считай, что назначен в добровольно-принудительном порядке, только поверь мне, такой вариант – наилучший, ладно?

Харпер возвращается в банкетный зал в тот момент, когда мама Чарли и миниатюрная блондинка (Дженни, скорее всего), поднимаются на подиум с микрофоном.

– Добро пожаловать, друзья. Пожалуйста, занимайте свои места, мы начнем через несколько минут.

Приглушенные разговоры стихают, пока все рассаживаются. Морпехи массово занимают стулья в первых рядах. Я оставляю одно крайнее место для Харпер. Ее бедро касается моего, когда она садится. Я ощущаю тепло даже после того, как Харпер отстраняется, словно наш контакт до сих пор сохраняется.

– Спасибо, – говорит Эллен, взяв блондинку за руку. – Мы с Дженни благодарны вам за то, что вы присоединились к нам сегодня, чтобы почтить жизнь нашего сына.

Кевлар оборачивается, у него буквально на лице написано "ты-об-этом-знал?". Я лишь пожимаю плечом, молча указывая ему смириться с этим.

Эллен рассказывает о детстве Чарли, как однажды в ресторане он с ужасом обнаружил фламинго в меню – на самом деле это оказалось филе-миньон. Я не знал того мальчика, но завидую ему, ведь, несмотря на то, что его мама немного странная, между ними существовала связь, какой у меня с родителями никогда не было. Они проводили время вместе. Посещали места, не связанные с футболом.

Пока мама Чарли говорит, я краем глаза замечаю Харпер. Она утирает нос тыльной стороной ладони. Снимаю свои перчатки и отдаю одну ей. Вполне вероятно, что я нарушаю какой-нибудь дурацкий устав об униформе морпехов, но у нее нет платка, а перчатка вполне сможет его заменить. Харпер сбивчиво шепчет: "Спасибо".

Эллен не пытается изобразить Чарли патриотом, чья любовь к стране стояла превыше всего. Он был таким же, как мы – пытался понять, чего хотел от жизни, и каким способом лучше всего это получить. Его мать сильна духом. Выступает перед людьми со слезами на глазах, однако в истерику не впадает, рассказывая о сыне, которого у нее больше нет.

Завершив рассказ, Эллен смотрит на меня.

– Перед смертью Чарли писал мне на электронную почту так часто, как только мог, и в его письмах постоянно мелькало "Соло – то, Трэвис – это". Поэтому я бы хотела пригласить к микрофону Трэвиса Стефенсона, чтобы он сказал несколько слов о Чарли.

Я поднимаюсь и гляжу в сторону центрального прохода, пытаюсь успокоить нервы, которые не были в таком раздразе с момента последней перестрелки в Афганистане. Сколько бы раз мы не сталкивались с талибами, всегда было чертовски страшно. Выдыхаю шумно. Хоть и не смотрю на Харпер, мне кажется, я чувствую, как она прикасается к моей ладони. Сжимаю пальцы, стараясь сохранить ощущение, после чего иду к подиуму. Эллен улыбается мне. Я жду, пока они с Дженни сядут, прежде чем начинаю свою речь.

– В Афганистане мы часто играли в покер по ночам. Так как у нас было мало наличных при себе, мы использовали воображаемые деньги. По последним подсчетам, я должен Чарли восемь миллионов долларов... – Его мама, сидящая в первом ряду, хихикает, что посылает по залу волну тихих смешков. Мой страх, будто шутка окажется неуместной, рассеивается. Я улыбаюсь, глядя на Эллен. – Очень надеюсь, что вы не планируете взыскать этот долг.

В ее глазах собрались слезы, она прикладывает пальцы к губам, улыбаясь. Я замолкаю на несколько секунд, окидывая взглядом многочисленных гостей. Такое впечатление, словно сюда пришли все жители Сент-Огастина. Родственники. Школьные друзья. Бывшие

девушки, возможно. Кто-то из присутствующих наверняка имеет больше прав выступить с подобной речью, чем я.

– Я... эмм... Я долго пытался придумать, что же сказать, и сейчас, стоя здесь, по-прежнему не имею ни малейшего понятия. На ум приходят только не совсем приемлемые вещи, вроде его пристрастия к мисс Ноябрь, или того случая, когда он положил... Да уж, не берите в голову.

Прочищаю горло, смотрю в одну точку в противоположном конце зала, лишь бы не видеть платки и слезы. Вместо этого вижу Чарли. Он стоит, прислонившись спиной к стене, будто хочет услышать, что я о нем скажу. Как будто ждет, чтобы я рассказал его правду.

– Дело в том, что Чарли был просто... Когда мы впервые встретились, я принял его за настоящего мотарда – если вы не в курсе, это чересчур усердный морпех-новобранец. Потому что он всегда вызывался добровольцем. Кто вообще так делает? Однако позже я понял – такой уж Чарли человек. Он атаковал жизнь, чтобы ничего не упустить. И если я могу сказать хоть что-то, чего вы еще не знаете о Чарли – он ушел из этого мира столь же храбро, как прокладывал по нему путь.

Ищу его глазами, только Чарли нигде нет. Смотрю на его маму.

– Он был таким человеком, каким должен быть каждый из нас, но многие таковыми не являются. Если бы у меня была возможность поменяться с ним местами, чтобы купить ему еще хоть немного времени в этой жизни, я бы это сделал. Мне жаль, что я не смог.

Эллен качает головой. Знаю, она говорит, что мне не нужно сожалеть. Только как я могу не сожалеть? Я тут, а Чарли нет – как такое можно считать нормальным? Спускаюсь с подиума. Мое пустое место прямо передо мной. Но когда Эллен выходит, чтобы представить Пералту, я тихо извиняюсь перед ней.

И ухожу.

Глава 14

Харпер произносит мое имя, когда я выхожу из зала. Хотя я и поступаю неуважительно, уходя отсюда посреди мемориальной службы, все равно не останавливаюсь. Не могу остановиться. Потому что мои глаза наполняются слезами; я боюсь, что сейчас сорвусь. Иду быстро, мои туфли резко отстукивают подошвами по тротуару. Направляюсь в сторону отеля. Сжимаю и разжимаю кулаки. Делаю глубокие вдохи, протяжно выдыхаю. Мне нужно выбраться из центра Сент-Огастина, где туристы до сих пор бродят по улицам, освещенным фонарями. Никто из них даже не подозревает, что Чарли Суини мертв.

Срезаю путь, свернув в боковую аллею, ведущую к черному ходу отеля. Иду к бассейну, на ходу расстегивая воротник моей униформы. Опускаются сумерки. Возле бассейна пусто, шезлонги расставлены по прямой линии, на каждом лежит чистое полотенце. Бросаю тяжелый китель на один шезлонг, брюки на другой, раздеваюсь до боксеров. Носки оставляю у края бассейна. Затем ныряю.

Рассекаю воду; мое дыхание и мозг работают в тандеме, мне даже задумываться не нужно. Считаю только гребки – раз-два, раз-два, раз-два – до тех пор, пока плечи не начинают гореть, а печаль и гнев, которые чувствовал ранее, вновь беру под контроль. Понятия не имею, как много времени я провел в воде, какую дистанцию проплыл, когда останавливаюсь. Небо потемнело, благодаря этому понимаю, что уже поздно. У бортика стоит Харпер с полотенцем в руках.

Мои руки дрожат после такой нагрузки; я вылезаю из бассейна, останавливаюсь на площадке. С меня стекает вода. Обернув полотенце вокруг моих плеч, Харпер заглядывает мне в глаза.

– Ты в порядке?

Если бы я был голый, то чувствовал себя менее обнаженным, чем сейчас. Но говорю ей правду.

– Нет.

Харпер ничего не отвечает, пока я вытираюсь и оборачиваю полотенце вокруг талии. Она просто ждет, когда я закончу, затем берет меня за руку, словно маленького ребенка. Надеюсь, Харпер отведет меня в хорошее место, потому что моя выдержка на исходе. Я чувствую себя опустошенным и измотанным. Я устал. От всего.

Мы уже приближаемся к входу в отель, когда вспоминаю про свою униформу.

– Я забыл... – Останавливаюсь, оборачиваюсь назад, но вижу, что шезлонги пусты. Черт.

– Я о ней позаботилась.

– Ох. – Она мила со мной только потому, что я в чертовски жалком состоянии. – Спасибо.

Мы молчим, поднимаясь на лифте на наш этаж. Я просто смотрю в пол, пока не раздастся звонок и двери открываются. Харпер не отпускает мою руку ни на секунду, однако сейчас ощущения иные, чем в прошлые разы, когда мы держались за руки. Сейчас это спасательный круг.

– Эмм... мама Чарли расстроилась из-за того, что я ушел? – спрашиваю у Харпер, которая вставляет карточку в замок моей двери.

– Она понимает, Трэвис. Я понимаю.

Хоть я и провел столько времени в бассейне, на глаза опять наворачиваются слезы. Тру их ладонями, но на сей раз сдержаться не получается, и я ненавижу себя за этот срыв.

Харпер закрывает за нами дверь, обнимает меня. Я утыкаюсь лицом ей в шею. Все чувства, скопившиеся внутри, вырываются наружу в виде

отвратительных, удушающих рыданий, каких я не слышал прежде. Как бы ни был суров со мной отец, как бы тяжело ни было в тренировочном лагере, как бы я ни боялся в Афганистане, я никогда не плакал. Никогда. Знаю, мне должно быть стыдно, но это же Харпер. И она не пытается сказать, что все будет хорошо. Она стоит рядом, не давая мне утонуть.

До тех пор, пока я не затихаю.

Если существует состояние хуже абсолютной пустоты, то именно в таком состоянии я пребываю. Я – полая оболочка, оставшаяся от Трэвиса Стефенсона, которую нужно заполнить.

– Ты голоден? – Странно, что именно в данный момент Харпер задает этот вопрос, но, думаю, в нем есть смысл. После мемориальной службы состоялся обед, а я его пропустил. К тому же я не могу держаться за нее вечно. Хотя мне нравится такая идея.

– Не очень.

Она отстраняется слегка, смотрит на меня.

– Почему бы тебе не переодеться во что-нибудь сухое? Я тоже переоденусь, и... не знаю. Можем посмотреть фильм, или поговорить, все что угодно.

В любой другой день фраза "все что угодно" натолкнула бы меня на определенные предположения, и я бы моментально возбудился. Сейчас, однако, ее определения этой фразы вполне достаточно.

– Да, конечно.

Харпер уходит к себе в комнату. Я надеваю чистые шорты, падаю на кровать, начинаю переключать каналы на ТВ. Мои веки тяжелеют. Они смыкаются, словно ставни на окнах, затем еще раз распахиваются, и опять закрываются.

Я иду по дороге в Афганистане со своей группой огневой поддержки. Чарли впереди, Мосс и Пералта где-то позади меня. Улицы опустели. Даже собаки разбежались. Что-то назревает. Волосы на затылке встают дыбом, по спине пробегает дрожь ужаса.

Пуля пробивает стену рядом с моей головой. Меня спасли 13 сантиметров воздуха. Ныржаю в дверной проем, когда раздается новый выстрел. Вижу, как Чарли падает на землю.

– Чарли ранен! – Не знаю, сам ли ору, или кто-то у меня за спиной, но я слышу это у себя в голове, поэтому слова могут принадлежать мне.

Согнувшись, бегу к своему другу; пули пролетают мимо меня. Пауза. Огонь. Бегу дальше. Несмотря на то, что до Чарли метров десять-пятнадцать, на преодоление этой дистанции уходит вечность.

– Чарли. Приятель. Держись.

Зову санитаря, пытаюсь остановить кровотечение, но оно не останавливается. Кровь обволакивает мои пальцы, покрытые слоем засохшей грязи, пока стараюсь найти поврежденный сосуд. Земля вокруг Чарли окрашивается в темный цвет.

– Соло. – Он без толку сжимает пальцами мой рукав.

Пулеметная очередь АК поднимает столбы пыли по бокам от нас. Пуля задевает верхнюю часть моего плеча. Ощущение такое, будто меня ударили бейсбольной битой. Мосс выходит на позицию перед нами, открывает подавляющий огонь из своего автомата.

– Держись, Чарли, – повторяю я. – Ты выкарабкаешься. Ты сможешь.

Только он не сможет.

Его пустые глаза обращены к афганскому небу, грудь перестала двигаться. Пуля со свистом пролетает мимо; у меня нет времени, чтобы осознать случившееся. Я падаю на живот в пропитанную

кровью грязь; плечо адски горит. Посмотрев через прицел, замечаю стрелка – талиба в черном тюрбане, направившего свой АК на меня.

Я прицеливаюсь, и убиваю его.

Проснувшись, подсакиваю в сидячее положение. Сердце мечется в груди словно петарда. Харпер стоит у изножья моей кровати. Поднимаю руки, проверяя, не в крови ли они, хотя знаю, что это был сон. Проблема вот в чем – он правдив.

– Это была наша вина, – говорю я. – Моя и Чарли.

Она садится на кровать, скрестив ноги по-индийски, лицом ко мне. Ее платье сменили выцветшие шорты и футболка с Clash. Харпер босиком, и я впервые за вечер замечаю, что ее ногти покрашены красным лаком.

– Мы патрулировали старое школьное здание. Практически каждый раз, стоило нам выйти за пределы базы, нас обстреливали из засады. Даже если ты ожидаешь обстрел, никогда не предугадаешь, откуда или когда он начнется. Поэтому чаще всего бывало так: мы идем по какой-нибудь грунтовой дороге, они начинают стрелять, мы оказываемся по пояс в грязном канале на следующие пять-десять минут, отстреливаясь. Потом они убегают, мы гонимся за ними, они смешиваются с мирным населением, а мы остаемся злые и мокрые, без перспектив принять горячий душ по возвращении обратно на базу.

Харпер наблюдает за мной. Уверен, она гадает, не сорвусь ли я снова. Не сорвусь.

– Хотя в день, когда убили Чарли, получилось иначе, – продолжаю. – Чарли и я... мы увидели мальчика с сотовым телефоном. Многие местные использовали свои телефоны, чтобы сообщать талибам наши позиции. Так вот, мы увидели этого мальчишку, но не сказали ничего, потому что... он ведь всего лишь ребенок, понимаешь?

Она кивает, однако я сомневаюсь, может ли Харпер действительно понять. Этот мальчик был среди толпы ребят, когда мы раздавали футбольные мячи и тряпичных кукол накануне днем. Он радостно прыгал на месте всякий раз, когда получал от нас игрушки, словно ему впервые что-то подарили. Однажды он пытался выхватить у меня упаковку шариковых ручек. Как мог этот ребенок оказаться подозрительным? Только мы должны были насторожиться, увидев его с сотовым. Мы должны были рапортовать об этом Пералте.

– Несколько минут спустя на нас напали. Чарли ранили, и пока я пытался остановить кровотечение, меня тоже подстрелили.

Ее глаза округляются. Харпер переводит взгляд на мое плечо. Мосс сделал повязку перед тем, как мы отнесли тело Чарли на базу. Рана была не достаточно тяжелая, чтобы отослать меня домой или в госпиталь. На следующий день я опять вернулся в патруль.

В горле пересыхает.

– Я не смог его спасти. Я подвел его дважды. И еще никому об этом не рассказывал.

В официальном докладе говорится, что я рисковал собственной жизнью, пытаюсь спасти сослуживца, был ранен и убил противника в процессе. На бумаге все смотрится более героически, чем было в жизни. Особенно потому, что в тот момент, как помню, я чувствовал ярость, а не отвагу.

– Суть в том... – Я замолкаю, провожу рукой по голове, пытаюсь подобрать правильные слова. – Чарли мертв, а я до сих пор жив, и не думаю, что заслуживаю этого.

– Думаешь, он бы согласился с тобой?

– Не знаю. Чарли, наверно, сказал бы мне перестать вести себя по-идиотски.

Харпер улыбается так нежно и мило.

– По-моему, хороший совет, – говорит она.

Я смеюсь тихо.

– Понимать этот совет и следовать ему – разные вещи. Я не... Не знаю, смогу ли.

Она подползает ближе, садится рядом со мной, забирает пульт и нажимает кнопку, переключаясь на один из киношных премиум-каналов.

– Может, тебе следует поговорить с кем-нибудь, – предлагает Харпер.
– С тем, кто способен тебе помочь, я имею в виду. С профессионалом.

– Да, возможно.

По новому каналу транслируют какой-то фильм из 80-х, в духе Банды сорванцов – бедная девушка влюблена в богатого парня, не подозревающего о ее существовании. Не мой тип кино, однако Харпер пристраивается поближе, забирается мне под руку, кладет голову на плечо, и внезапно меня мало волнует происходящее на экране.

– Эй, Харпер, – говорю я. – По поводу того, что случилось с Пэйдж...

– Давай не будем, – отвечает она, не сводя глаз с телевизора. – Считай это второй попыткой.

– Довольно великодушно с твоей стороны.

– Ага, ну, не хочу бить лежачего, но по большей части, по какой-то безумной причине... – посмотрев на меня, Харпер застенчиво улыбается, – мне кажется, что ты того стоишь.

– Точно стою.

Она смеется и заезжает локтем мне по ребрам.

– Итак. – Ее внимание вновь обращено на фильм. – Есть какие-либо особенные планы на завтра?

Хочу предложить ей что-нибудь банально-туристическое – например, прогулку по парку "Источник вечной молодости" или поход в музей восковых фигур. Слова вот-вот готовы сорваться с языка. Но усталость одолевает меня, прежде чем я успеваю их произнести.

Я просыпаюсь перед рассветом, обнаруживая себя на кровати в обнимку с Харпер. Ее спина прижата к моей груди, а волосы щекочат мне нос. Нечто, чему пока не могу дать определение, облегчает груз, оставшийся после смерти Чарли, и сдерживает кошмары, когда я опять засыпаю.

Глава 15

Харпер начинает просыпаться. На мгновение, прежде чем она открывает глаза, я чувствую себя... странно. словно это был лишь секс на одну ночь, и теперь я должен сбежать отсюда до того, как нам придется заговорить друг с другом. Вот только смысла тут нет, потому что мы не занимались сексом. Я уснул, уткнувшись лицом Харпер в макушку. Вполне возможно, что я напускал слюней ей в волосы.

Просто... мне стыдно. Она увидела меня с такой стороны, с которой я сам плохо знаком. Мне кажется, это можно считать положительным моментом, потому что я ей доверяю, но все равно не могу остановить приступ паники – а вдруг Харпер увидела слишком много.

В следующую секунду ее глаза распахиваются, она моргает, морщится сонно, и неловкость рассеивается. Потом Харпер улыбается, и мой мозг рассеивается.

– Привет. – Ее голос звучит хрипло спросонья.

– И тебе привет, – тихо говорю ей на ухо. Она вздрагивает. Мне это нравится.

– Ты давно проснулся? – спрашивает Харпер.

– Час назад, наверно. – Ее футболка задралась немного. Мои пальцы находят полоску оголенной кожи. Я запускаю руку под ткань. Кожа Харпер такая теплая после сна. Когда у нее перехватывает дыхание, я улыбаюсь.

Она поворачивается слегка, чтобы меня поцеловать.

– Почему ты меня не разбудил?

– Просто не разбудил. – Я провожу большим пальцем под ее грудью... и тут звонит мой телефон. – Черт, – говорю напротив рта Харпер.

Она смеется.

– Ты должен ответить.

– Вероятно, – соглашаюсь я, после чего целую ее. Звонок не утихает. – Но я не хочу.

Не отрывая губ от нее, тянусь к тумбочке за сотовым. Харпер отталкивает меня, чтобы я смог ответить.

– Надеюсь, это важно.

– Ну, и тебе доброе утро. – Эллен Суини делает вид, будто оскорблена, однако я слышу нотки смеха в ее голосе. – Я тебя случайно не разбудила? Хотела перехватить вас до завтрака, чтобы вы с Харпер к нам присоединились.

Я смотрю на Харпер. Ее волосы спутались за ночь. Не хочу завтракать с мамой Чарли, но отказаться будет невежливо.

– Да, мэ, мы скоро приедем.

Пока записываю адрес, Харпер не ждет от меня объяснений относительно того, куда мы собираемся. Она слезает с кровати и уходит к себе в комнату, оставляя мне лишь перспективы на очередной холодный душ.

– Это здесь. – Харпер, сидящая на пассажирском сиденье Джипа, указывает на приземистый фиолетовый дом с желтой отделкой и подоконниками, уставленными горшками с красными цветами. Тут место какому-нибудь антикварному магазину, или чей-нибудь бабушке, но вывеска, свисающая с крыши крыльца и обрамленная белой сияющей гирляндой, гласит, что здесь расположен тату-салон "Сладкая мука". Я паркуюсь на обочине перед салоном.

Колокольчики звенят, когда опускаю ручку и открываю входную дверь для Харпер. Мы оказываемся в гостиной, переделанной в приемную, где стоит старый кожаный диван, стойка с кассой и украшениями для пирсинга, и кофейный столик со стопкой тату-журналов. Деревянная штора с изображением Будды отделяет рабочую зону, а на канате, протянутом между перилами лестницы, висит знак, сообщающий, что вход разрешен только семье, друзьям и морпехам США.

– Трэвис, это ты? – доносится голос мамы Чарли откуда-то со второго этажа, вместе с ароматом поджаренных сосисок. – Поднимайтесь.

Верхний этаж больше похож на квартиру с маленькой кухней, где Дженни в данный момент раскладывает сосиски на тортильи, и гостиной, полной религиозной атрибутики. Мексиканские свечи с гваделупской Девой Марией, Будды, многорукая индуистская богиня. Над диваном висит бархатная картина, изображающая Иисуса. Интересно, как ей хватает времени на такое количество божеств, и к которому из них отправился Чарли? Я представляю его смеющимся с пузатым Буддой, похожим на ту маленькую статуэтку, которую он носил в кармане

наудачу. У нее на боках потертости образовались от постоянных поглаживаний.

Сегодня Эллен решила прикинуть на себя образ пирата – рубашка в бело-красную полоску, косички собраны под бандану с принтом в виде черепов. Она сжимает нас с Харпер в объятиях. Из-за исходящего от нее аромата пачули я чихаю. Эллен улыбается, однако я замечаю налет грусти в ее взгляде.

– Как ты сегодня, Трэвис?

– Хорошо, – отвечаю. – Я, эмм... хотел извиниться за то, что ушел вчера со службы. Это было невежливо. Мне жаль.

Она кладет ладони мне на щеки.

– Тебе не за что извиняться, мой дорогой. У тебя свой собственный путь, и ты должен следовать ему.

Тяну руку в карман своих шортов и достаю предсмертное письмо Чарли. Когда мы узнали, что часть, к которой нас прикрепили, отправляют в зону боевых действий, нам посоветовали написать прощальные письма домашним... на всякий случай. Мы договорились – если кого-то убьют, оставшийся в живых доставит письмо лично. Понятия не имею, что написал Чарли. Меня тянуло прочесть, но я этого так и не сделал.

– А еще я должен передать вам это. – Вручаю письмо Эллен. – Я не читал его.

Она сразу убирает конверт в карман.

– Вы голодны?

Я ничего не ел со вчерашнего ланча, поэтому, да, я по-настоящему голоден. Зверски голоден.

– Да, мэм.

– Тогда садитесь. Я сделаю кофе.

Мы с Харпер усаживаемся за потертый деревянный стол, пока Эллен варит кофе. Она болтает о том, что покупает определенный сорт зерен из Эквадора, критикует и дает бесцельные советы Дженни, которая выкладывает на тарелки буррито, а на заднем плане звучат какие-то безумные суфийские трели флейты Пана – которые, по заверениям Эллен, должны оказывать успокаивающий эффект. Они смеются и шутят. Несмотря на смерть Чарли, в их семье царит счастье, на которое моя семья никогда не была способна. Мы никогда не сидели за обеденным столом вот так (если не считать тот раз, когда я с мамой на пару ел креветки, приготовленные по рецепту Харпер, за кухонным островком под аккомпанемент Ареты Франклин, поющей про цепь дураков). Мне понятно, почему Чарли был столь близок со своей матерью.

– Эй... эмм... я сейчас вернусь, – говорю Харпер. Ножки моего стула скрипят по полу, когда я отодвигаюсь от стола.

Спускаюсь в пустой тату-салон, набираю мамин номер на своем сотовом.

– Трэвис. – Она произносит мое имя так, словно не дышала до этого. – Как ты?

Я так долго врал ей, то в попытке избежать разговора, то в попытке увильнуть от необходимости сказать правду.

– Нормально, вроде. Эта ситуация с Чарли тяжело дается, и... я не знаю... думаю, мне нужно с кем-нибудь поговорить. Мне нужна помощь.

– Хочешь, чтобы я записала тебя на прием?

– Да, пожалуйста.

– Я могу договориться со своим психотерапевтом, – предлагает мама.

Не знаю, что на это ответить. Она посещает психотерапевта? Провожу рукой по голове.

– Эй, мам, мне пора, потому что мы завтракаем у мамы Чарли, но я хотел сказать тебе... – Не помню, когда в последний раз произносил эти слова. – Я... эээ...

На линии повисает тишина на мгновение, пока мама ждет, но затем она договаривает за меня:

– Я тоже тебя люблю, Трэвис.

Когда возвращаюсь наверх, завтрак уже на столе, а Харпер рассказывает Дженни и Эллен о своих планах на колледж.

– Я начну со второго семестра, чтобы скопить еще немного денег. Мне выделили финансовую помощь, но все равно хочется отложить наличные про запас. Может, машину куплю.

Всегда думал, что ее папа должен неплохо зарабатывать, будучи ведущим утреннего шоу (ведь они наши местные знаменитости), поэтому я удивлен тому, что Харпер потребовалась финансовая помощь.

– Папа и его напарник, Джо, подумывали объединиться с крупной сетью, чтобы помочь мне с оплатой учебы, – говорит Харпер, буквально прочитав мои мысли. – И, Боже, вы даже не представляете, как сильно мне хотелось согласиться, но я бы возненавидела себя, если бы они пошли на это только ради того, чтобы мне не пришлось выплачивать ссуды, понимаете? Мой папа сам заработал себе на колледж. Полагаю, я тоже смогу.

Мама Чарли хлопает в ладоши.

– Я аплодирую твоему усердию, Харпер, и тому, что ты взяла на себя ответственность за свое будущее.

Ее щеки заливаются румянцем.

– Я... эмм... Спасибо.

После завтрака Дженни просит Харпер помочь ей с мытьем посуды, в то время как Эллен предлагает мне пройти с ней в студию.

– Я хочу показать тебе кое-что, – говорит она, пока я спускаюсь следом за ней по лестнице, а потом прохожу через бамбуковую штору с Буддой. Эллен снимает рубашку, оставшись в простом сером спортивном лифчике, и поворачивается ко мне спиной. С правой стороны, ниже плеча, вижу татуировку – кельтский крест с именем Чарли, вплетенным в узловую узор. Под крестом указаны даты его рождения и смерти.

Не зная, что еще сказать, говорю, что это круто. То есть, круто для татуировки.

– Я разработала дизайн сама. – Эллен надевает рубашку обратно. – У меня остался трафарет, если хочешь сделать себе такую же.

У большинства знакомых мне морпехов есть татуировки. У Лыжника на спине огромный полевой крест и имена его товарищей, погибших в Ираке. Кевлар сразу после тренировочного лагеря набил фразу "Смерть Прежде Бесчестия". Даже у Мосса есть в виде опознавательного жетона – это копия настоящего, чтобы тело могли идентифицировать в случае, если ему оторвет ноги взрывом (мы носим один из жетонов в сапоге). Я никогда не хотел татуировку, однако Эллен смотрит на меня с такой надеждой, что отказаться просто невозможно.

– Да, конечно.

– Снимай футболку и садись.

Я делаю, как сказано. Наблюдаю, как она готовится: наполняет маленькие пластиковые емкости чернилами, вставляет новые иглы в тату-машинку.

– Музыку? – спрашивает Эллен.

– Что угодно, только не это суфийское дерьмо.

Она улыбается, нажимая кнопки на пульте управления. Из колонок звучит Clash. Мило.

– Чарли тоже так говорил. "Мам, почему ты не слушаешь нормальную унизительную музыку, типа Селин Дион или Journey, или вроде того?", – произносит Эллен низким голосом. Звучит очень похоже на него. Я смеюсь. Она подкатывается на стуле ко мне со спины. – Не знаю, будет ли больно, но подозреваю, что твой болевой порог довольно высок, и ты вытерпишь.

– Хорошо.

Машинка начинает жужжать. Когда она касается моей кожи, ощущение такое, словно мне волоски выдергивают. Не очень приятно, но существуют вещи куда более болезненные.

– Раз уж мы обсуждаем моего сына, – говорит Эллен. – На мемориальной службе ты извинился за то, что не смог спасти Чарли, только, пожалуйста, никогда больше этого не делай. Ни передо мной, ни перед кем. Мой сын погиб раньше своего времени, но это не значит, что ты должен нести бремя вины до конца жизни. – Она хлопает меня по плечу рукой в латексной перчатке. – Освободись от него. Отпусти.

Не скажу, что чувство вины просто улетучивается, но я действительно ощущаю себя так, будто мне дали разрешение прекратить бесконечные мысленные игры на тему "а что, если".

– И пока ты в ловушке у меня под иглой... – Эллен не ждет от меня благодарности. – Ты должен знать еще одну вещь – твоя мать очень тебя любит. Практически каждый раз, когда мы созванивались, она собиралась то в один магазин, то в другой, где продают самые удобные носки или самое теплое нательное белье, или твои любимые конфеты.

Тату-машинка затихает, пока она заправляет иглу свежей дозой чернил.

– Я совру, если скажу, что смерть сына не сокрушила меня. Но его последние слова перед гибелью были о том, что он меня любит. Память об этом приносит мне умиротворение. Трэвис, ты для матери – самый любимый на свете. Ни твой отец. Ни твой брат. Ты. Если с тобой что-нибудь случится, она...

– Знаю.

– Будь поласковой с ней. – Эллиен опять похлопывает меня по плечу. – На сем лекция оканчивается.

Она работает молча некоторое время, до тех пор, пока Харпер и Дженни не спускаются вниз. Харпер стоит у меня за спиной секунду-другую, смотрит, затем садится на второй стул и подъезжает ко мне спереди настолько близко, что наши колени соприкасаются.

– Мне нравится.

– Хорошо.

– Харпер, я буду несказанно рада, если ты позволишь мне сделать татуировку и тебе, – предлагает Эллиен. – Какую захочешь.

– Я признательна за предложение, – отвечает она, – но одной мне достаточно.

Стоп. Что? У нее есть татуировка?

– У тебя есть тату?

– Ага.

Я видел ее в шортах и лифчике-бикини, поэтому мест, где татуировка может быть спрятана, остается не так уж много. И это меня порядком

заводит. Ну, знаете, настолько, насколько я могу завестись, учитывая то, что мне в спину беспрестанно тыкают иголками.

– Почему я ее не видел?

Харпер смеется.

– Потому что я тебе пока не показывала.

– А позже покажешь?

– Я не буду говорить об этом сейчас. – Ее щеки розовеют – значит, тату находится в интересном месте. – Забудь об этом.

Позади меня мама Чарли хихикает, продолжая рисовать линии на моей спине. Просто забыть об этом? Невозможно, когда мое воображение рисует довольно любопытные части тела.

– Это черепаха? – спрашиваю я.

– Неплохой вариант, – отвечает Харпер. – Но нет.

– Китайский иероглиф?

Она морщит нос.

– Фу.

– Это имеет какое-то отношение к Чарли Харперу?

– Возможно, – говорит Харпер, однако улыбка, которую она пытается сдержать, говорит, что точно имеет.

– Отличный выбор, – комментирует Эллен. – Я люблю татуировки с оригинальным значением. Не поймите неправильно, штампы на поясницах и браслеты на бицепсах в стиле трайбл кормят меня хлебом с маслом, только все равно нет ничего лучше работы над осмысленным индивидуальным дизайном.

– Что это? – спрашиваю у Харпер. Я однажды искал информацию о Чарли Харпере в гугле. Он рисовал в слегка мультяшном стиле и специализировался на природе. Особенно птицах.

– Узнаешь, когда узнаешь.

Закончив работу, Эллен стирает кровь и излишки чернил с моей кожи, потом вручает мне зеркало, чтобы я мог разглядеть отражение. Я не спец, но татуировка получилась хорошая.

– Спасибо вам. За все.

Она накладывает повязку на тату, и обнимает меня после того, как я надеваю футболку.

– Спасибо, что пожертвовал своей кожей, чтобы угодить мне, – говорит Эллен. – Может, ты обнаружишь, что тату в память о Чарли носить гораздо легче, чем вину.

Глава 16

Мы возвращаемся в отель в разгаре дня. Кевлар оставил мне сообщение в голосовой почте, пригласил нас в мотель на берегу океана, где остановилось большинство морпехов из Кило. Он упомянул кайтбординг, дартс и какой-то английский паб. Веселье гарантировано, и я к нему готов.

– Можем пойти, если хочешь, – говорит Харпер.

Вот только теперь я не уверен, что хочу. Думаю, я с большим удовольствием проведу время с ней, чем с компанией парней, которых увижу вновь через пару недель. Знаю, как надо мной будет потешаться Кевлар из-за этого, но мне все равно. Кладу руки ей на талию, притягиваю к себе, пока ее бедра не соприкасаются с моими.

– Я хочу увидеть твою татуировку.

Она обвивает рукой мою шею, тянет меня к себе. Начинает покрывать невесомыми поцелуями лоб, щеки, линию челюсти, точку прямо под ухом. Ее губы перемещаются так быстро. Мой мозг едва успевает зарегистрировать поцелуй, а Харпер уже движется дальше. Дрожь пробегает по позвоночнику вверх и вниз, словно электрический разряд. Я мог бы обеспечить электроэнергией целый город. Штат. Весь гребанный мир.

Она прислоняется своим лбом к моему.

– Трэвис?

– Да?

– Я... эмм... – шепчет Харпер. – Я не уверена, что смогу это сделать.

– Хорошо. – Я хочу ее так сильно, аж до боли. Но мне не хочется показаться засранцем. Поэтому проглатываю свое разочарование, и целую Харпер в лоб. – Все в порядке.

– Наверно, я немного... боюсь.

– Чего?

– Всего, – отвечает она. – Что будет неловко и странно. Или что я сделаю что-то неправильно. Но больше всего... ну, больше всего я боюсь того, что не смогу сравниться с Пэйдж. Она красивая и... – Харпер смотрит на свою грудь. – У нее большая грудь, и...

– Между вами не может быть никакого сравнения, – перебиваю я. – Ты лучше во всем.

– Ты так не думал в средней школе.

– Мне было четырнадцать. Я думал не той головой тогда. Ну, знаешь, в отличие от нынешнего периода. Когда я думаю не той головой лишь время от времени.

Она смеется. Хороший знак.

– И, ладно, если откровенно? Я сам немного нервничаю.

Ее глаза округляются.

– Серьезно?

Секс с Харпер все осложнит. Она из тех девушек, которым нужно "и жили они долго и счастливо", а я не могу дать такого рода обещание, ведь мне только девятнадцать, и я должен Корпусу морской пехоты еще три года активной службы. Все может случиться. Харпер может бросить меня ради какого-нибудь умного парня из ее класса по биологии в колледже. После этого письма в духе "Дорого Джона" оправиться будет гораздо труднее. Или я могу наступить на мину во время своей второй командировки, и она... Видите, я слишком много думаю об этом.

Но дело вот в чем: я к ней уже привязался.

– Ну, да, это мой первый раз с тобой, и я хочу все сделать правильно. – Похоже на подкат. Словно я пытаюсь залезть ей под юбку. Я-то пытаюсь, но не так, как может показаться. Скептицизм Харпер очевиден, судя по ее вздернутым бровям, что вызывает у меня смех. – Ладно, прозвучало тупо, но... – понижаю голос, ведь мне предстоит признаться в чем-то, что меня слегка пугает, – я не хочу все испортить.

Харпер улыбается, прикусив губу – эта улыбка всегда отправляет меня в нокаут, и я понимаю, что сказал правильные слова.

Я тоже улыбаюсь.

– Если ты хочешь подождать, я переживу. Разумеется, мои яйца, скорее всего, скукожатся и отвалятся, но не беспокойся обо мне.

Харпер легко ударяет меня в живот, затем обвивает руками мою шею. Ее нижняя губа касается моей. Перед тем, как поцеловать, она говорит мне заткнуться.

Деревянный настил крыльца скрипит в ночной тишине, когда я несую сумку Харпер к входной двери. Минуту мы просто стоим у порога в тусклом желтом свете уличного светильника. Пара идиотов, улыбающихся друг другу. Теперь все иначе. Во-первых, моя интрижка с Пэйдж больше не нависает над головой дамокловым мечом. Во-вторых, мемориальная служба осталась позади.

К тому же я видел татуировку Харпер.

Однако дело не только в этом. По пути домой мы играли в слаг-баг – ударяли друг друга по плечу, если замечали на дороге Фольксваген Битл. Попробовали мороженное со вкусом пива Гиннес. И пообедали в тематическом развлекательном заведении в Орландо, где посмотрели представление в стиле бродвейских шоу о том, как пираты взяли принцессу в заложницы. После такой нелепицы должно быть стыдно, но ничего подобного. Было весело.

Нормально.

Не знаю, вернусь ли я когда-либо к нормальной жизни, однако практически нормальная жизнь – тоже неплохое начало.

– Спасибо, что поехала со мной, – говорю я. – И, знаешь, за то, что просто была рядом.

– Что тут скажешь? – На губах Харпер появляется хитрая ухмылочка; она пожимает плечами. – Ты мне, вроде как, нравишься.

– Вроде как? – Я обнимаю ее; шепчу, касаясь губами уха: – Чую брехню.

Она поворачивается ко мне лицом, чтобы я мог поцеловать ее. Входная дверь открывается, пока мы целуемся. Через москитную сетку на нас смотрит папа Харпер. Он проводит рукой по своим растрепанным после сна волосам, щурится против света.

– Вы дома.

– Да, сэр.

– Значит ли это публичное выражение чувств к моей дочери на моем крыльце, что я теперь с тобой застрял? – спрашивает мистер Грэй, открывая вторую дверь для Харпер.

Не уверен, позволено мне рассмеяться или нет, поэтому сдерживаюсь.

– Боюсь, что так.

Хохотнув, он пожимает мне руку.

– Спасибо, что привез ее обратно невредимой. Теперь отправляйся к себе домой и не возвращайся, пока не пройдет несколько часов после рассвета.

Войдя в наш дом, нахожу маму в гостиной. Свернувшись калачиком на диване, она смотрит свой любимый старый черно-белый фильм.

Я сажусь рядом. Мама предлагает мне миску с попкорном. Беру жменю, и прочищаю горло.

– Я, эмм... думаю, я забыл поблагодарить тебя за все, что ты присылала мне в Афганистан.

– Попытки найти самые лучшие и полезные вещи превратились в своеобразную игру, – отвечает она. – Мне было так весело.

Жуя попкорн, говорю с набитым ртом:

– В следующий раз шли больше порно.

– Трэвис!

– Шучу. Но знаешь, что было бы классно? Тунец. Я бы убил за сэндвич с тунцом.

– Почему ты мне не сказал?

– Не знаю. Наверно, не хотел показаться неблагодарным, особенно с учетом того, как редко я выходил на связь.

Выражение ее лица становится серьезней.

– Не буду притворяться, будто это не ранило мои чувства, но я бы прислала тебе все, что бы ты ни захотел. Ты мой сын, Трэвис, и я тебя люблю.

– Я тоже тебя люблю.

Мы сидим молча несколько мгновений, в то время как принцесса в фильме делает себе новую стрижку, чтобы никто в Риме ее не узнал.

– Я вел себя по-свински в отношении ситуации с отцом, и сожалею об этом. Я не должен вмешиваться не в свое дело. Что бы ты ни решила, я тебя поддержу.

– Я подписала бумаги на развод.

– Не скажу, что опечален. Но ты сама в порядке?

– Сейчас? – Мама улыбается мне. – В полном.

Глава 17

Чарли,

Знаю, ты не сможешь прочитать это, но я посещаю психотерапевта, и она посоветовала мне написать о тебе. Вместо этого я решил, что будет легче написать тебе. Может, мы оба ошибаемся. И я в любом случае чувствую себя глупо, потому что пишу письмо мертвому человеку, однако все равно решил попробовать.

У меня диагностировали посттравматическое стрессовое расстройство, но оно не исчезнет магическим образом после одних лишь бесед с терапевтом. То есть, мне стало легче после того, как поделился некоторыми мыслями, занимавшими мою голову, только меня до сих пор мучают кошмары. Я по-прежнему просыпаюсь посреди ночи, потный и испуганный, и мне приходится напоминать себе, что это был сон, а не реальность. Суть вот в чем – доктор говорит, что кошмары могут остаться навсегда. Что могут потребоваться годы на то, чтобы перестать реагировать на громкие звуки, или осматривать землю в поисках мин. Хоть я и не видел тебя уже какое-то время, скорее всего, никогда не перестану путать незнакомцев в толпе с тобой. Хреново, но я учусь справляться.

Многое изменилось после твоего ухода. Мои родители развелись, папа переехал обратно в Грин-Бэй. Так мама сказала, по крайней мере. Я не общаюсь с ним, он не общается со мной. Похоже, нас обоих это устраивает. Мама продала дом, и купила новый, поменьше. Большую часть времени она тратит на сборы припасов для афганских детей, но помимо этого пару раз ездила в гости к твоей маме и Дженни.

К слову о твоей маме. Я навестил ее, как и обещал. Ты был прав на ее счет. Она немного странная, но в хорошем смысле. Ты бы оборжался, увидев Кевлара, когда он узнал, что твоя мать – лесбиянка. Кстати, Кевлар наконец-то переспал с девушкой, только тебе бы точно не захотелось узнать детали.

Помнишь, как я шутил по поводу перехода в разведку? Оказалось, Кевлар записался вместо меня. Теперь он в первом разведбатальоне в Пендлетоне. После Афганистана он живет на адреналине, так что, надеюсь, ему там нравится. Когда мы разговаривали в последний раз, а было это давно, Кевлар утверждал, что обзавелся очень горячей подружкой, однако ни одной фотки не показал, поэтому чую брехню. Она, наверно, похожа на кита.

Так или иначе, меня в итоге отправили в школу по работе с собаками-миноискателями. Поначалу я был против, ведь это значит, что мне придется совершать больше патрулей, когда вернемся в Афганистан, но, чувак... я ничего круче в жизни не делал. Мне дали черного лабрадора, его зовут Бодхи. Твоя мама говорит, на санскрите данное слово означает "Пробуждение". По ее уверениям, это знак, что пес мне подходит. Не знаю, права ли она, но он мне очень нравится. Бодхи проходит финальную тренировку, пока я в отпуске, поэтому в следующий раз мы увидимся только в аэропорту. Не скажу, что горю желанием вернуться в эту сраную страну, но мне не терпится снова поработать с моим псом.

Сейчас я в Мэйне, гощу у своей новой девушки, Харпер. Не знаю, что выйдет из наших отношений на расстоянии, однако она говорит, что дождется моего возвращения. Мне остается лишь поверить, потому что Харпер не станет врать. Она бы тебе понравилась, и я уверен, что ты бы ей тоже понравился.

Может, ты все это уже знаешь. Может, ты прохлаждаешься там с Буддой, и наблюдаешь за нашими попытками понять, как жить без тебя. На случай, если не знаешь – непросто. Иногда это похоже на чувство, будто воду в кране не перекрыл или дверь забыл запереть, но потом я вспоминаю, и опять становится хреново. Возможно, когда-нибудь мы вновь встретимся, Чарли. Я имею в виду, по-настоящему. А до тех пор, побереги для меня местечко, ладно?

Соло

Саундтрек:

1. Bad Company - Five Finger Death Punch
2. Brothers - Jimmy Stare
3. Final Transmission - Street Dogs
4. Life in the Pain - SafetySuit
5. Santa Monica - Bedouin Soundclash/Jay Malinowski
6. Fourth of July - Chris Murray
7. Lay Me Down - Dirty Heads
8. Savior - Rise Against
9. Bullet - Mat Kearney
10. Like a Soldier - Johnny Cash
11. This is Letting Go - Rise Against
12. If I Ever Leave this World Alive - Flogging Molly
13. Smile - Uncle Kracker